

КОЛЬРИДЖ • СТИХИ

КОЛЬРИДЖ
СТИХИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

SAMUEL TAYLOR
COLERIDGE

POEMS

СЭМЮЕЛЬ ТЭЙЛОР КОЛЬРИДЖ

СТИХИ

Издание подготовили:

А. А. ЕЛИСТРАТОВА.

А. Н. ГОРБУНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов,
Д. Д. Благой, И. С. Брагинский,
А. Л. Гришунин, Б. Ф. Егоров, А. А. Елистратова,
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов.
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Ф. А. Петровский,
Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов,
С. Д. Сказкин, Г. В. Степанов,
С. Л. Утченко, Г. В. Церетели*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. А. ЕЛИСТРАТОВА

К $\frac{70404-0109}{042(01)-74}$ 308-73

© Издательство «Наука»,
1974 г.

Кольридж в 1799 г.

Портрет работы неизвестного художника. Пастель

СКАЗАНИЕ О СТАРОМ МОРЕХОДЕ

В семи частях

*Facile credo, plures esse Naturas invisibiles quam visibiles in rerum universitate. Sed horum omnium familiam quis nobis enarrabit? et gradus et cognationes et discrimina et singulorum munera? Quid agunt? quae loca habitant? Harum rerum notitiam semper ambivit ingenium humanum, nunquam attigit. Juvat, interea, non diffiteor, quandoque in animo, tanquam in tabula, majoris et melioris mundi imaginem contemplari: ne mens assuefacta hodiernae vitae minutiis se contrahat nimis, et tota subsidat in pusillas cogitationes. Sed veritati interea invigilandum est, modusque servandus, ut certa ab incertis, diem a nocte, distinguamus. — T. Burnet, Archeol. Phil., p. 68 *.*

Краткое содержание

О том, как корабль, перейдя экватор, был занесен штормами в страну вечных льдов у Южного полюса; и как оттуда корабль проследовал в тропические широты Великого, или Тихого океана; и о странных вещах, которые приключились; и о том, как Старый Мореход вернулся к себе на родину.

* «Я охотно верю, что во вселенной есть больше невидимых, чем видимых существ. Но кто объяснит нам все их множество, характер, взаимные и родственные связи, отличительные признаки и свойства каждого из них? Что они делают? Где обитают? Человеческий ум лишь скользил вокруг ответов на эти вопросы, но никогда не постигал их. Однако, вне всяких сомнений, приятно иногда рисовать своему мысленному взору, как на картине, образ большего и лучшего мира: чтобы ум, привыкший к мелочам обыденной жизни, не замкнулся в слишком тесных рамках и не погрузился целиком в мелкие мысли. Но в то же время нужно постоянно помнить об истине и соблюдать должную меру, чтобы мы могли отличить достоверное от недостоверного день от ночи». — Т. Бернет. Философия древности, стр. 68 (лат.).

Часть первая

Старый
Мореход
встречает
трех юношей,
званных
на свадебный
пир, и
останавли-
вает
одного из них.

Вот Старый Мореход. Из тьмы
Вонзил он в Гостя взгляд.
«Кто ты? Чего тебе, старик?
Твои глаза горят!

Живей! В разгаре брачный пир, ⁵
Жених — мой близкий друг.
Все ждут давно, кипит вино,
И весел шумный круг».

Тот держит цепкою рукой
«И был, — он молвит, — бриг».
«Пусти, седобородый шут!» — ¹⁰
И отпустил старик.

Брачный
Гость
зачарован
глазами
Старого
Морехода
и принужден
выслушать
его рассказ.

Горящим взором держит он,
И Гость не входит в дом;
Как зачарованный, стоит ¹⁵
Пред Старым Моряком.

И, покорён, садится он
На камень у ворот,
И взором молнию метнул
И молвил Мореход: ²⁰

Мореход
рассказывает,
что корабль

«В толпе шумят, скрипит канат,
На мачте поднят флаг.
И мы плывем, вот отчий дом,
Вот церковь, вот маяк.

плыл к югу, и
был попутный
ветер,
и спокойное
море, и вот
подошли
к Экватору.

И Солнце слева поднялось,
Прекрасно и светло,
Сияя нам, сошло к волнам
И справа вглубь ушло.

25

Все выше Солнце с каждым днем,
Все жарче с каждым днем . . .»

30

Но тут рванулся Брачный Гость,
Услышав трубный гром.

Брачный
Гость
слышит
свадебную
музыку,
но Мореход
продолжает
свой рассказ.

Вошла невеста в зал, свежа,
Как лилия весной.

35

Пред ней, раскачиваясь в такт,
Шагает хор хмельной.

Туда рванулся Брачный Гость,
Но нет, он не уйдет!
И взором молнию метнул
И молвил Мореход:

40

Буря уносит
корабль
и Южному
полюсу.

«И вдруг из царства зимних вьюг
Примчался лютый шквал;
Он злобно крыльями нас бил,
Он мачты гнул и рвал.

Как от цепей, от рабьих уз,

45

Боясь бича изведать вкус,
Бежит, сраженье бросив, трус,
Наш бриг летел вперед,
Весь в буре порванных снастей,

50

В простор бушующих зыбей,
Во мглу полярных вод.

Вот пал туман на океан, —
О чудо! — жжет вода.
Плывут, горя, как изумруд,
Сверкая, глыбы льда.

Страна льда
и пугающего
гула, где нет
ни одного
живого
существа

Средь белызны, ослеплены,
Сквозь дикий мир мы шли
В пустыни льда, где нет следа
Ни жизни, ни земли.

55

Где справа лед и слева лед,
Лишь мертвый лед кругом,
Лишь треск ломающихся глыб,
Лишь грохот, гул и гром!

60

И вдруг
большая
морская
птица,
называемая
Альбатросом,
прилетела
сквозь
снеговой
туман.
Ее встретили
с великой
радостью,
как дорогого
гостя.

И вдруг, чертя над нами круг,
Пронесся Альбатрос,
И каждый, белой птице рад,
Как будто был то друг иль брат,
Хвалу Творцу вознес.

65

Он к нам слетал, из наших рук
Брал непривычный корм,
И с грохотом разверзся лед,
И наш корабль, войдя в пролет,
Покинул царство льдистых вод,
Где бесновался шторм!

70

И слушай!
Альбатрос
оказался
птицей добрых
предзнамено-
ваний.
Он стал
сопровождать
корабль,
который
сквозь

Попутный ветер с юга встал,
Был с нами Альбатрос,
И птицу звал и с ней играл,
Кормил ее матрос!

75

Лишь день уйдет, лишь тень падет,
Наш гость уж на корме.

туман и
плавучие
льды
направился
обратно
к северу. И девять раз в вечерний час 80
Луна, сопровождая нас,
Всходила в белой тьме».

Старый
Мореход,
нарушая
закон
гостеприим-
ства, убивает
благотворя-
щую
птицу,
которая
приносит
счастье. «Как странно смотришь ты, Моряк,
Иль бес тебя мутит?
Господь с тобой!» — «Моей стрелой 85
Был Альбатрос убит».

Часть вторая

И справа яркий Солнца диск
Взошел на небосвод.
В зените долго медлил он
И слева, кровью обагрел, 90
Упал в пучину вод.

Нас ветер мчит, но не слетит
На судно Альбатрос,
Чтоб корму дал, чтоб с ним играл, 95
Кормил его матрос.

Товарищи
Морехода
бранят его
за то, что
он убил птицу
добрых
предвестий. Когда убийство я свершил,
Был взор друзей суров:
Мол, проклят тот, кто птицу бьет,
Владычицу ветров.
О, как нам быть, как воскресить 100
Владычицу ветров?

Но туман
рассеялся,
они стали Когда ж Светило дня взошло,
Светло, как божие чело;

- оправдывать
Морехода
и тем самым
приобщились
к его пре-
ступлению.
- Посыпались хвалы:
Мол, счастлив тот, кто птицу бьет, 105
Дурную птицу мглы.
Он судно спас, он вывел нас,
Убил он птицу мглы.
- Ветер про-
должается,
корабль
входит
в Тихий океан
и плывет
к северу,
пока
не достигает
Экватора.
Корабль
внезапно
останавлива-
ется.
- И бриз играл, и вал вставал,
И плыл наш вольный сброд 110
Вперед, в предел безмолвных вод,
Непройденных широт.
Но ветер стих, но парус лег,
Корабль замедлил ход,
И все заговорили вдруг, 115
Чтоб слышать хоть единый звук
В молчанье мертвых вод!
- Горячий медный небосклон
Струит тяжелый зной.
Над мачтой Солнце все в крови, 120
С Луну величиной.
- И не плеснет равнина вод
Небес не дрогнет лик.
Иль нарисован океан
И нарисован бриг? 125
- И начинается
месть за
Альбатроса.
- Кругом вода, но как трещит
От сухости доска!
Кругом вода, но не испить
Ни капли, ни глотка.
- И мнится, море стало гнить, — 130
О боже, быть беде!

Ползли, росли, сплетясь в клубки,
Слипались в комья слизняки
На слизистой воде.

Виясь, крутясь, кругом зажглась 135
Огнями смерти мгла.
Вода — бела, желта, красна,
Как масло в лампе колдуна,
Пылала и цвела.

Их преследует
Дух, один из
тех незримых
обитателей
нашей
планеты,
которые суть
не души
мертвых и не
ангелы. Чтоб
узнать о них,
читай ученого
еврея Иосифа
и константи-
нопольского
платоника
Михаила Пселла. Нет стихии, которой не населяли бы эти су-
щества.

И Дух, преследовавший нас, 140
Являлся нам во сне.
Из царства льдов за нами плыл
Он в синей глубине.

И каждый смотрит на меня,
Но каждый — словно труп 145
Язык, распухший и сухой,
Свисает с черных губ.

Матросы,
придя
в отчаяние,
хотят
взвалить
всю вину
на Старого Морехода, в знак чего они привязывают ему на шею
мертвого Альбатроса.

И каждый взгляд меня клянет,
Хотя молчат уста.
И мертвый Альбатрос на мне 150
Висит взамен креста.

Часть третья

Пришли дурные дни. Гортань
Суша. Темно в глазах.
Дурные дни! Дурные дни!

- Старый
Мореход
замечает
нечто
странное
вдали
над водой.
- Какая тьма в глазах! 155
Но вдруг я что-то на заре
Заметил в небесах.
Сперва казалось, — там пятно
Иль сгусток мглы морской.
Нет, не пятно, не мгла —
предмет. 160
Предмет ли? Но какой?
Пятно? Туман? Иль парус? — Нет!
Но близится, плывет.
Ни дать, ни взять, играет эльф,
Ныряет, петли вьет. 165
- И когда
загадочное
пятно при-
ближается,
он различает
корабль.
И дорогой
ценой
освобождает
он речь свою
из плена
жажды.
- Из наших черных губ ни крик,
Ни смех не вырвался в тот миг,
Был нем во рту и мой язык,
Лишь искривился рот.
Тогда я палец прокусил, 170
Я кровью горло оросил,
Я крикнул из последних сил:
«Корабль! Корабль идет!»
- Они глядят, но пуст их взгляд,
Их губы черные молчат, 175
Но я услышан был.
- Луч радости; И словно луч из туч блеснул,
И каждый глубоко вздохнул,
Как будто пил он, пил. . .
«Друзья — (кричал я) —
чей-то барк! 180
- И воцаряется
ужас,
ибо какой
корабль
может плыть
без волн
и ветра?
- Мы будем спасены.
Но он идет, и поднят киль,
Хотя кругом на сотни миль
Ни ветра, ни волны.

Он видит только очертания корабля.	На западе пылал закат Кроваво-золотой. Пылало Солнце — красный круг Над красною водой. И страшен черный призрак был Меж небом и водой.	185 190
И ребра корабля чернеют, как тюремная решетка пред ликом заходящего Солнца.	И вдруг (господь, господь, внемли!) По Солнцу прутья поползли Решеткой, и на миг, Как бы к тюремному окну, Готовый кануть в глубину, Припал горящий лик.	195
	Плывет! (бледнея, думал я) Ведь это чудеса! Там блещет паутинок сеть — Неужто паруса?	200
	И что там за решетка вдруг Затмила Солнца свет? Иль это корабля скелет? А что ж матросов нет?	
Только женщина Призрак и ее помощница Смерть, и никого нет больше на призрачном корабле.	Там только Женщина одна — То Смерть! Но рядом с ней Другая. Та еще бледней, Еще костлявей и страшней — Иль тоже Смерть она?	205
Каков корабль, таковы корабельщики!	Кровавый рот, незрячий взгляд, Но космы золотом горят. Как известь — кожи цвет. То Жизнь-и-в-Смерти, да, она! Ужасный гость в ночи без сна, Кровь леденящий бред.	210

- Смерть
и Жизнь-и-в-
Смерти
играют
в кости
и ставят они
на экипаж
корабля,
и она (вторая)
выигрывает
Старого
Морехода. 215
- Барк приближался. Смерть и Смерть
Играли в кости, сев на жердь,
Их ясно видел я.
И с хохотом вскричала та,
Чьи красны, точно кровь, уста: 220
«Моя взяла, моя!»
- Нет сумерек
после захода
Солнца. 225
- Погасло Солнце, — в тот же миг
Сменился тьмою свет.
Уплыл корабль, и лишь волпа
Шумела грозно вслед.
- И восходит
Луна. 230
- И мы глядим, и страх в очах,
И нам сердца сжимает страх,
И бледен рулевой.
И тьма, и плещут паруса,
И звучно каплет с них роса,
Но вот с востока разлился
Оттенок золотой,
И месяц встал из облаков
С одной звездой между рогов,
Зеленою звездой. 235
- Один за
другим 240
- И друг за другом все вокруг
Ко мне оборотились вдруг
В гнетущей тишине,
И выражал немой укор
Их полный муки тусклый взор,
Остановясь на мне.
- Его товарищи
падают
мертвыми. 240
- Их было двести. И без слов
Упал один, другой. . .
И падающей глины стук

	Напомнил их паденья звук, Короткий и глухой.	245
И Жизнь-и-в- Смерти начинает вершить кару над Старым Мореходом.	И двести душ из тел ушли — В предел добра иль зла? Со свистом, как моя стрела, Тяжелый воздух рассекли Незримые крыла.	250

Часть четвертая

Брачный Гость пугается, думая, что говорит с Призраком.	«Пусти, моряк! Страшна твоя Иссохшая рука. Твой мрачен взор, твой лик темней Прибрежного песка.	255
Но Старый Мореход, убедив его в своей телесной жизни, продолжает свою страшную исповедь.	Боюсь твоих костлявых рук, Твоих горящих глаз!» — «Не бойся, Брачный Гость, — увы! Я выжил в страшный час. Один, один, всегда один, Один и день и ночь! И бог не внял моим мольбам, Не захотел помочь!	260
Он презирает тварей, порожденных спокойствием,	Две сотни жизней Смерть взяла, Оборвала их нить: А черви, слизни — все живут, И я обязан жить!	265
И сердится, что они живы, меж тем как столько людей погибло.	Взгляну ли в море — вижу гниль И отвращаю взгляд. Смотрю на свой гниющий бриг — Но трупы вокруг лежат.	270

- На небеса гляжу, но нет
 Молитвы на устах.
 Иссохло сердце, как в степях
 Сожженный солнцем прах. 275
- Заснуть хочу, но страшный груз
 Мне на зеницы лег:
 Вся ширь небес и глубь морей
 Их давит тяжестью своей.
 И мертвецы — у ног! 280
- В мертвых
 глазах читает
 он свое
 проклятие.
- На лицах смертный пот блестел,
 Но глен не тронул тел.
 И каждый, глаз не отводя,
 В глаза мои глядел.
- Страшись проклятья сироты — 285
 Святого свергнет в ад!
 Но верь, проклятье мертвых глаз
 Страшнее во сто крат.
 Семь суток смерть я в них читал
 И не был Смертью взят! 290
- И в своем
 одиночестве,
 и в оцепене-
 нии своем
 завидует он
 Месяцу
 и звездам,
 пребываю-
 щим
 в покое,
 но вечно
 движущимся.
 Повсюду
 принадлежит
 им небо,
 и в небе
 находят
 они кров и приют подобно желанным владыкам, которых
 ждут с нетерпением и чей приход приносит тихую радость.
- А Месяц яркий плыл меж тем
 В глубокой синеве,
 И рядом с ним плыла звезда,
 А, может быть, и две.
- Блестела в их лучах вода, 295
 Как в пне — поля.
 Но, красных отсветов полна,
 Напоминала кровь волна
 В тени от корабля.

При свете
Месяца он
видит божьих
тварей,
рожденных
великим
спокойствием.

А там, за тенью корабля,
Морских я видел змей,
Они вздымались, как цветы,
И загорались их следы
Мильонами огней.

300

Везде, где не ложилась тень,
Их различал мой взор.
Сверкал в воде и над водой
Их черный, синий, золотой
И розовый узор.

305

Их красота
и счастье.

О, счастье жить и видеть мир —
То выразить нет сил!
Я ключ в пустыне увидал —
И жизнь благословил.

310

Он благослов-
ляет их в
сердце своем.
И чарам
наступает
конец.

Я милость неба увидал —
И жизнь благословил.

315

И бремя сбросила душа,
Молитву я вознес,
И в тот же миг с меня упал
В пучину Альбатрос.

Часть пятая

О, сон, о, благодатный сон,
Он всякой твари мил!
Тебе, Пречистая, хвала,
Ты людям сладкий сон дала,
И сон меня сморил.

320

Милостью
Пречистой
Богоматери
Старого
Морехода
освежает
дождь.

Мне снилось, что слабеет зной,
Замглился небосвод,
И в бочках плещется вода.
Проснулся — дождь идет.

325

Язык мой влажен, рот мой свеж,
До нитки я промок,
И каждой порой тело пьет
Животворящий сок.

330

Встаю — и телу так легко:
Иль умер я во сне?
Или бесплотным духом стал,
И рай открылся мне?

335

Он слышит
какие-то
звуки и видит
странное
движение
в небесах
и в стихиях.

Но ветер прошумел вдали,
Потом опять, опять.
И шевельнулись паруса
И стали набухать.

340

И воздух ожил в вышине!
Кругом зажглись огни.
Вблизи, вдали — мильон огней,
Вверху, внизу, средь мачт и рей,
Вкруг звезд вились они.

345

И ветер взвыл, и паруса
Шумели, как волна.
И ливень лил из черных туч,

Средь них плыла луна.
Грозой разверзлись недра туч,
Был рядом серп луны.
Воздвиглась молнии стена,

350

Казалось, падала она
Рекою с крутизны.

В трупы
корабельной
команды
вселяется
жизнь,
и корабль
несется
вперед;

Но вихрь не близился, и все ж 355
Корабль вперед несло!
А мертвецы, бледны, страшны,
При блеске молний и луны
Вздохнули тяжело.

Вздохнули, встали, побрели, 360
В молчанье, в тишине.
Я на идущих мертвецов
Смотрел, как в страшном сне.

А ветер стих, но бриг наш плыл,
И кормчий вел наш бриг. 365
Матросы делали свое,
Кто где и как привык.
Но каждый был, как манекен,
Безжизнен и безлик.

Сын брата моего стоял 370
Плечо к плечу со мной.
Один тянули мы канат,
Но был он — труп немой.

«Старик, мне страшно!» —
«Слушай, Гость, 375
И сердце успокой!
Не души мертвых, жертвы зла,
Вошли, вернувшись, в их тела,
Но светлых духов рой.

Но не души
людские, не
демоны земли
или срединной
сферы воздуха
вселяются

в них, а духи небесные, блаженные духи, посланные заступничеством святых.

И все, с зарей оставив труд,
Вкруг мачты собрались, 380
И звуки сладостных молитв
Из уст их полились.

И каждый звук парил вокруг,
Иль к Солнцу возлетал.
И вниз неслись они чередой, 385
Иль слитые в хорал.

Лилась то жаворонка трель
С лазоревых высот,
То сотни щебетов иных,
Звнящих в зарослях лесных, 390
В полях, над зыбью вод.

То флейту заглушал оркестр,
То пели голоса,
Которым внемля в светлый день,
Ликут небеса. 395

Но смолкло все. Лишь паруса
Шумели до полдня.
Так меж корней лесной ручей
Бежит, едва звеня,
Баюкая притихший лес 400
И в сон его клоня.

И до полудня плыл наш бриг,
Без ветра плыл вперед,
Так ровно, словно кто-то вел
Его по глади вод. 405

Послушный
силам
небесным,
одинокий Дух
Южного
полюса
ведет корабль
к Экватору,
но требует
мести.

Под килем, в темной глубине,
Из царства вьюг и тьмы
Плыл Дух, он нас на север гнал
Из южных царств зимы.
Но в полдень стихли паруса, 410
И сразу стали мы.

Висел в зените Солнца диск
Над головой моей.
Но вдруг он, словно от толчка,
Сместился чуть левей 415
И тотчас — верить ли глазам? —
Сместился чуть правей.

И, как артачащийся конь,
Рывком метнулся вбок.
Я в тот же миг, лишившись чувств, 420
Упал, как сбитый с ног.

Демоны,
послушные
Духу
Южного
полюса,
незримые
обитатели
стихий,
беседуют о его
мстительном
замысле, и
один из них
рассказывает
другому,
какую тяже-
лую долгу
эпитимию
назначил
Старому
Мореходу
Полярный
Дух,
возвращаю-
щийся
ныне к югу.

Не знаю, долго ль я лежал
В тяжелом, темном сне.
И лишь с трудом открыв глаза,
Сквозь тьму услышал голоса 425
В воздушной вышине.

«Вот он, вот он! — сказал один —
Свидетелем Христос —
Тот человек, чьей злой стрелой
Загублен Альбатрос. 430

Любил ту птицу мощный Дух,
Чье царство — мгла и снег.
А птицей был храним он сам,
Жестокий человек».

И голос прозвенел другой, 435
Но сладостный, как мед:
«Он кару заслужил свою
И кару понесет».

Часть шестая

Первый голос

«Не умолкай, не умолкай,
Не исчезай в тумане — 440
Чья сила так стремится корабль?
Что видно в океане?»

Второй голос

«Смотри — как пред владыкой раб,
Смиренно замер он,
И глаз огромный на Луну 445
Спокойно устремлен.
Губителен иль ясен путь —
Зависит от Луны.
Но ласково глядит она
На море с вышины». 450

Первый голос

Мореход ле-
жит
без чувств,
ибо сверхъес-
тественная
сила стремится
корабль
к северу
быстрее, чем
это способна

«Но чем, без ветра и без волн
Корабль вперед гоним?»

Второй голос

«Пред ним разверстыи, воздух вновь
Смыкается за ним.

выдержать
человеческая
природа.

Назад, назад! Уж поздно, брат, 455
И скоро день вернется,
Все медленней пойдет корабль
Когда Моряк проснется».

Сверхъестест-
венное движе-
ние замедли-
лось. Мореход
очнулся, и
возобнов-
ляется ему
назначенная
эпитимия.

Я встал. Мы полным ходом шли
При звездах и луне. 460
Но мертвецы брели опять
Опять брели ко мне.

Как будто я — их гробовщик.
Все стали предо мной.
Зрачки окаменелых глаз 465
Сверкали под Луной.

В глазах застыл предсмертный страх,
И на устах — укор.
И ни молиться я не мог,
Ни отворотить мой взор. 470

Неистовый бег
прекратился.

Но кара кончилась. Чиста
Была кругом вода.
Я вдаль глядел, хоть страшных чар
Не стало и следа, —

Так путник, чей пустынный путь 475
Ведет в опасный мрак,
Раз обернется и потом
Спешит, ускорив шаг,
Назад не глядя, чтоб не знать,
Далек иль близок враг. 480

И вот бесшумный, легкий бриз
Меня овеял вдруг,

Не зыбля, не волнуя гладь,
Дремавшую вокруг.

Он в волосах моих играл 485
И щеки освежал.
Как майский ветер, был он тих,
И страх мой исчезал.

Так быстр и легок, плыл корабль, 490
Покой и мир храня.
Так быстр и легок, веял бриз,
Касаясь лишь меня.

И Старый
Мореход
видит свою
отчизну.

Я сплю? Иль это наш маяк?
И церковь под холмом?
Я вновь на родине моей, 495
Я узнаю свой дом.

Я, потрясенный, зарыдал!
Но в гавань мы вошли. . .
Всевышний, разбуди меня,
Иль сон навек продли! 500

Весь берег в лунный свет одет,
И так вода ясна!
И только тени здесь и там
Раскинула Луна.

А холм и церковь так светлы 505
В сияющей ночи.
И спящий флюгер серебрят
Небесные лучи.

- Духи небесные
покидают
мертвые тела
- И появляются
в своем
собственном
лучезарном
облике.
- От света бел, песок блестел,
И вдруг — о дивный миг! — 510
В багряных ризах сонм теней
Из белизны возник.
- Невдалеке от корабля —
Багряный сонм теней
Тут я на палубу взглянул, 515
О мой господь, на ней
- Лежали трупы, но клянусь,
Клянусь крестом твоим:
Стоял над каждым в головах
Небесный серафим. 520
- И каждый серафим рукой
Махнул безмолвно мне,
И был чудесен их привет,
Их несказанный, странный свет,
Как путь к родной стране. 525
- Да, каждый мне рукой махал
И звал меня без слов.
Как музыка, в моей душе
Звучал безмолвный зов.
- И я услышал разговор, 530
Услышал плеск весла
И, обернувшись, увидел:
За нами лодка шла.
- Рыбак с сынишкой в ней сидел.
О, доброта творца! — 535
Такую радость не убьет
Проклятье мертвеца!

И третий был Отшельник там,
Сердец заблудших друг. 540
Он в славословиях творцу
Проводит свой досуг.
Он смоем Альбатроса кровь
С моих преступных рук.

Часть седьмая

Лесной
Отшельник

Отшельник тот в лесу живет
На берегу морском. 545
Он славит божью благодать,
И он непрочь потолковать
С заезжим моряком.

Он трижды молится на дню,
Он трав язык постиг, 550
И для него замшелый пенъ —
Роскошный пуховик.

Чели приближался, и Рыбак
Сказал: «Но где ж огни?
Их столько было! Как маяк 555
Горели здесь они».

В изумлении
приближается
к кораблю.

«Ты прав, — Отшельник отвечал, —
И видят небеса:
Не отзывается никто
На наши голоса. 560
Но как истрепан весь корабль.
Истлели паруса, —

Как листья мертвые в лесу,
Что вдоль ручья лежат,
Когда побеги снег накрыл, 565
И филины кричат,
И в мерзлой чаще воет волк
И жрет своих волчат».

«Вот страх-то!» — бормотал Рыбак
«Господь, не погуби!» 570
«Греби!» — Отшельник приказал
И повторил: «Греби!»

Челнок подплыл, но я не мог
Ни говорить, ни встать.
Челнок подплыл. И вдруг воды 575
Заволновалась гладь,

Внезапно
корабль
идет ко дну.

В пучине грянул гром, вода
Взметнулась ввышину,
Потом разверзлась, и корабль
Свинцом пошел ко дну. 580

Старого
Морехода
спасают,
он поднят
в лодку
Рыбака.

Остолбенев, когда удар
Сотряс гранит земной,
Я, словно семидневный труп,
Был унесен волной.
Но вдруг почувствовал сквозь мрак, 585
Что я в челне, и мой Рыбак
Склонился надо мной.

Еще бурлил водоворот,
И челн крутился в нем.
Но стихло все. Лишь от холма 590
Катился эхом гром.

Я рот раскрыл — Рыбак упал,
На труп похожий сам.
Отшельник, сидя, где сидел,
Молился небесам. 595

Я взял весло, но тут малыш
От страха одурел.
Вращал глазами, хохотал
И бледен был, как мел.
И вдруг он завопил: «Го-го!» 600
На весла дьявол сел!»

И я на родине опять,
Я по земле могу ступать,
Я вновь войду в свой дом!
Отшельник, выйдя из челна, 605
Стал на ноги с трудом.

Старый
Мореход
молит
Отшельника
выслушать
его исповедь;
и здесь его
настигает
возмездие.

«Внемли, внемли, святой отец!»
Но брови сдвинул он:
«Скорее говори — кто ты?
И из каких сторон?» 610

И тут я, пойманный в силки,
Волнуюсь и спеша,
Все рассказал. И от цепей,
От страшной тяжести своей
Избавилась душа. 615

И непрестан-
ная тревога
заставляет
его скитаться
из края
в край.

Но с той поры в урочный срок
Мне боль сжимает грудь.
Я должен повторить рассказ,
Чтоб эту боль стряхнуть.

Брожу, как ночь, из края в край 620
И словом жгу сердца
И среди тысяч узнаю,
Кто должен исповедь мою
Прослушать до конца.

Какой, однако, шумный пир! 625
Гостями полон двор.
Невеста и жених поют,
Подхватывает хор.
Но, слышишь, колокол зовет
К заутрене в собор. 630

О, Брачный Гость, я был в морях
Пустынных одиноков.
В таких морях, где даже бог
Со мною быть не мог.

И пусть прекрасен этот пир, 635
Куда милей, пойми! —
Пойти молиться в божий храм
С хорошими людьми.

Пойти со всеми в светлый храм,
Где бог внимает нам, 640
Пойти с отцами и детьми,
Со всеми добрыми людьми
И помолиться там.

И собствен-
ным примером
учит он людей
любить и
почитать
всякую тварь,
которую
создал и
возлюбил
Всевышний.

Прощай, прощай, и помни, Гость,
Напутствие мое: 645
Молитвы до творца дойдут,
Молитвы сердцу мир дадут,
Когда ты любишь всякий люд
и всякое зверье.

Когда ты молишься за них 650
За всех, и малых и больших,
И за любую плоть,
И любишь все, что сотворил
И возлюбил господь».

И Старый Мореход побрел, — 655
Потух горящий взор.
И удалился Брачный Гость,
Минуя шумный двор.

Он шел бесчувственный, глухой 660
К добру и недобру.
И все ж другим — умней,
грустней —
Проснулся поутру.

КРИСТАБЕЛЬ

Предисловие

Первая часть этой поэмы была написана в 1797 г. в Стоуи, графство Сомерсет. Вторая — после моего возвращения из Германии в 1800 г. в Кесвике, графство Камберленд. Возможно, что, если бы я закончил поэму в один из вышеупомянутых периодов времени, или, если бы я напечатал первую и вторую части в 1800 г., ее оригинальность произвела бы гораздо большее впечатление, чем то, на которое я смею рассчитывать сейчас. Но в этом виновата только моя собственная бездеятельность. Я упоминаю эти даты лишь для того, чтобы снять обвинение в плагиате или рабском подражании самому себе. Ибо среди нас есть критики, которые, как видно, считают, что все возможные мысли и образы — традиционны; которые не имеют никакого понятия о том, что в мире существуют источники, мелкие, равно как и большие, и которые поэтому великодушно возводят каждую струйку, текущую перед их глазами, к дырке, пробитой в чужом баке. Я уверен, однако, что — коль скоро речь пойдет о данной поэме — знаменитые поэты, в подражании которым меня могут заподозрить, ссылаясь на отдельные места, или тон, или дух всей поэмы, одними из первых снимут с меня это обвинение, и в случае каких-либо разительных совпадений разрешат мне обратиться к ним с этим четверостишием, скверно переведенным со средневековой латыни:

Оно и ваше и мое;
Но, коль творец един,
Моим пусть будет, ибо я
Беднейший из двоих.

Мне остается только добавить, что размер «Кристабели», строго говоря, не является свободным, хотя он и может показаться таким, ибо он основан на новом принципе — на подсчете в каждой строке не всех, а только ударных слогов. Хотя число слогов в каждой строке колеблется от семи до двенадцати, ударными среди них всегда будут только четыре. Я, однако, пользовался этим приемом не ради прихоти или простого удобства, но в соответствии с переменами в системе образов или настроении поэмы*.

Часть I

Над башней замка полночь глуха
И совиный стон разбудил петуха.
Ту-ху! Ту-уит!
И снова пенье петуха,
Как сонно он кричит! 5

Сэр Леолайн, знатный барон,
Старую суку имеет он.
Из своей конуры меж скал и кустов
Она отвечает бою часов,
Четыре четверти, полный час, 10
Она завывает шестнадцать раз.
Говорят, что саван видит она,
В котором леди погребена.

Ночь холодна ли и темна?
Ночь холодна, но не темна. 15
Серая туча в небе висит,
Но небосвод сквозь нее сквозит.

* Перевод А. Н. Горбунова. Четверостишие переведено Н. М. Пальцевым.

Хотя полнолуние, но луна
Мала за тучей и темна. 20
Ночь холодна, сер небосвод,
Еще через месяц — маю черед,
Так медленно весна идет.

Кто леди Кристалль милей?
Ее отец так нежен с ней! 25
Куда же она так поздно идет
Вдали от замковых ворот?
Всю ночь вчера средь грез ночных
Ей снился рыцарь, ее жених,
И хочет она в лесу ночном,
В разлуке с ним, помолиться о нем. 30

Брела в безмолвии она,
И был ее чуть слышен вздох,
На голом дубе была зелена
Одна омела, да редкий мох. 35
Став на колени в лесной глуши,
Она молилась от всей души.

Но поднялась тревожно вдруг
Прекрасная леди Кристалль —
Она услышала странный звук,
Не слыханный ею нигде досель, 40
Как будто стоны близко слышны
За старым дубом, с той стороны.

Ночь холодна, лес обнажен:
Может быть, это ветра стон?
Нет, даже легкий ветерок 45
Не повеет сегодня среди ракич,
Не сдует локона с милых щек,
Не шелохнет, не закружит
Последний красный лист, всегда

Готовый плясать туда, сюда, 50
Так слабо подвешенный, так легко
На верхней ветке, там, высоко.
Чу! бьется сердце у ней в груди —
Святая дева, ее пощади! 55
Руки с мольбой сложив под плащом,
Обходит дуб она кругом,
Что же видит она?

Юная дева прелестна на вид 60
В белом шелковом платье сидит.
Платье блестит в лучах луны,
Ее шея и плечи обнажены,
От них ее платье еще бледней.
Она сидит на земле боса,
И дикие звезды цветных камней 65
Блестят, запутаны в ее волоса.

Конечно, страшно лицом к лицу
Было девушке встретить в ночном лесу
Такую страшную красу.

«Помоги, богоматерь, мне с высоты 70
(Говорит Кристабель), но кто же ты?»

Сказала ей дама такие слова,
И голос ее звучал едва:
«О, пусть тебя тронет моя судьба,
Я с трудом говорю, я так слаба, 75
Протяни мне руку, не бойся, о нет. . .»
Кристабель спросила, откуда она,
И так сказала ей дама в ответ,
И была ее речь едва слышна:

- «Мой отец издалека ведет свой род, 80
 Меня Джеральдиной он зовет.
 Пятеро воинов вчера среди дня
 Схватили беззащитную деву, меня.
 Они заглушили мой крик и плач,
 Прикрутили к коню жесткой уздой, 85
 Несся конь, как ветер степной,
 И сзади они летели вскачь.
 Они пришпоривали злобно коней,
 Мы пересекли ночную тьму.
 Я, господь свидетель тому, 90
 Никогда не знала этих людей.
 Не помню времени я и пути
 (Я лежала без чувств), пока меня
 Самый высокий и злой из пяти
 Не снял, наконец, со спины коня. 95
- Едва живой я была тогда,
 Но помню споры его друзей,
 Он меня положил средь корней
 И клятву дал вернуться сюда.
 Куда они скрылись, не могу сказать: 100
 Недавно слышался здесь в тишине
 Как будто звон колокольный мне,
 О помощи же несчастной бежать
 (Сказала она), дай руку мне».
- Тогда белокурую Джеральдину утешать 105
 Стала Кристабель: «О не бойтесь ничего,
 Прекрасная леди, вы можете располагать
 Домом благородного отца моего.
 Он с радостью даст охрану вам,
 Отборных рыцарей с вами пошлет 110
 И будет честью его друзьям
 Вас провожать до отцовских ворот».

Они пошли, их страх торопил,
 Но быстро идти не было сил
 (О леди, счастлива ваша звезда!) 115
 И так Кристабель сказала тогда:
 «Все наши домашние спят давно
 И в залах, и в горницах — всюду темно.
 Сэр Леолайн здоровьем слаб
 И я его разбудить не могла б, 120
 Но мы проберемся, словно тайком,
 И если позволите, то проведем
 Ночь эту рядом, на ложе одном».

Они миновали ров, и вот
 Маленький ключ Кристабель достает, 125
 Узкая калитка легко отворена,
 Как раз посредине ворот она,
 Ворот, которые железом блестят,
 В них может проехать целый отряд.
 Должно быть, от боли, леди легла, 130
 И вот Кристабель ее подняла
 И на руках, — кто б думать мог, —
 Перенесла через порог.
 Но едва миновали порог ворот,
 Словно не было боли, леди встает. 135

Далеко опасность, далеко страх,
 Счастье сияло в их глазах.
 Кристабель свой взор к небесам подняла
 И спутнице так сказала своей:
 «Тебя Пресвятая Дева спасла, 140
 Вознесем же мы благодарность к ней».
 «Увы! Увы! — Джеральдина в ответ,
 У меня для этого силы нет».
 Далеко опасность, далеко страх,
 Счастье сияло в их глазах! 145

- Старая сука пред своей конурой
Глубоко спит под холодной луной.
Она не шевельнулась, она спала,
Но жалобный вздох она издала
И что ее потревожить могло? 150
Она никогда не вздыхала досель,
Когда приближалась к ней Кристабель,
Быть может, крик совы донесло,
Ибо, что ее потревожить могло?
- Очень легко ступали они, 155
Но эхо повторяло шаг.
В высокой зале тлел очаг,
Уже умирали в нем головни,
Но, когда проходила леди, — сильней
Вспыхнули вдруг языки огней, 160
Кристабель увидела леди глаз
На миг, пока огонь не погас.
Только это, да старый щит,
Что в нише на стене висит.
«О, тише ступайте, — сказала она, — 165
Отец пробудится ото сна!»
- Кристабель разулась, легкой стопой,
Боясь потревожить замка покой,
Они со ступени крадутся на ступень,
То сквозь мерцанье, то сквозь тень. 170
Идут мимо спальни, где спит барон,
Тихи, как смерть, не проснулся б он.
Но вот и дверь в ее покой,
Но вот Джеральдина коснулась ногой
Камышевых матов комнаты той. 175
- В небе луна светит темно,
Ее лучи минуют окно,

- Но и без бледных лучей луны
 Резьбой покрытые стены видны. 180
 Изваяния нежно пленяют глаз
 И странен их прихотливый строй,
 Для девичьей спальни они как раз.
 И лампу с серебряной цепью двойной
 Держит ангел легкой рукой.
- Серебряная лампа — луны темней, 185
 Но лампу эту Кристабель берет,
 Прибавляет огня и, вспыхнув сильней,
 Лампа качается взад и вперед.
 Что с Джеральдиной? Совсем бледна,
 Опустилась на пол без сил она. 190
 «Леди Джеральдина, это вино
 Вас подкрепит — выпейте скорей,
 Из диких целебных трав оно
 Было приготовлено матерью моей».
- «Но будет ли рада меня приласкать, 195
 Погибшую деву, ваша мать?» —
 «Горе мне! — Кристабель в ответ, —
 У меня с рожденья матери нет.
 Седой монах рассказывал раз,
 Что мать моя в предсмертный час 200
 Говорила, что будет слышен ей
 Полночный звон в день свадьбы моей.
 Ах, если бы мать пришла сквозь мрак!» —
 Джеральдина сказала: «Ах, если б так!»
- Но сейчас же глухо вскричала она: 205
 «Прочь, скиталица-мать! Ты здесь не нужна!
 У меня есть власть сильнее твоей».
 Джеральдина бедная — увы, что с ней?
 Почему так странно она глядит,
 Или мертвую видит во тьме ночной? 210

Почему так глухо она кричит:
«Прочь, женщина, прочь, час этот мой!
Хотя ты и ангел хранитель ее,
Прочь, женщина, прочь, здесь все мое!»

Тогда Кристабель к ней подошла, 215
И синие очи к небесам подняла.
«Этой страшной скачкой верхом, увы,
Дорогая леди, измучены вы!»
Джеральдина рукой отерла чело
И сказала тихо: «Теперь прошло». 220

Джеральдина вина выпила вновь:
На ее щеках заиграла кровь
И тотчас с пола встала она
Вновь гордая леди, высока и стройна,
И, словно дама страны неземной, 225
Она была прекрасна собой.

Сказала она: «Кристабель, за вас
Молятся ангелы каждый час,
И вы непорочным сердцем своим
Отвечаете нежной любовью им. 230
За ваше добро заплатить вдвойне,
Прелестная дева, хочется мне.
Хотя так беспомощна я, увы,
Но теперь, дитя, раздевайтесь вы,
А я перед сном помолиться должна». 235
«Пусть будет так», — говорит Кристабель.
И, как приказала леди, она
Разделась и легла в постель,
Легла, невинна и нежна.
Но о несчастье и счастье дум 240
Слишком много тревожило ум,
И никак Кристабель не могла заснуть.

Тогда на локоть она оперлась
И на постели слегка поднялась
Для того, чтобы на Джеральдину
взглянуть. 245

Под лампою леди склонена,
Обводила тихо глазами кругом,
И, глубоко вздохнув, она
Вся словно вздрогнула, потом
Распустила под грудью пояс свой. 250
Одежда упала к ногам легка. . .
Она стоит совсем нагой!
Взгляни: ее грудь, ее бока —
Это может присниться, но как рассказать?
О, спаси Кристабель, Христа благодать! 255

Джеральдина недвижна, она молчит,
Ах! Ее пораженный взор горит,
Как будто болезненным усиьем она
Какую-то тяжесть поднимает со дна,
И на девушку, медля, она глядит. 260
Но вот, словно вызов она приняла
Движеньем гордым головы,
И рядом с девушкой легла
И в свои объятья ее взяла.

Увы, увы! 265

Печален взор и слышны едва
Ее слова:
«Кристабель, прикоснулась к тебе моя грудь,
Молчаливой, безвольной отныне будь!
Ты узнаешь сейчас, будешь завтра знать 270
И скорби моей, и стыда печать;
Не все ли равно,
Ведь только одно

И знаешь ты:
 Что в лесу, где мгла, 275
 Ты на стон пошла
 И встретила даму неземной красоты
 И ее привела милосердно домой,
 Чтоб спасти и укрыть от прохлады ночной».

Заключение первой части

Зрелище можно ль найти милей, 280
 Чем Кристалль, когда она
 Под старым дубом молилась, одна
 Среди зубчатых острых теней
 От его безлистных мшистых ветвей,
 Чем Кристалль в сияньи луны, 285
 Шептавшая сладких молитв слова.
 Ее сжатые руки так нежны,
 Ее вздохи слышны едва-едва. . .
 Открыто лицо для тоски и любви. . .
 Из скорее блестящих, чем светлых глаз 290
 Готов упасть слезы алмаз.
 С глазами открытыми (горе мне!)
 Кристалль во власти ужасного сна.
 Но знаю я, что в ужасном сне
 Лишь то, что было видит она. 295
 Может ли быть? О горе и стыд!
 Она ли молилась в чаще раки!
 Погляди: виновница этого зла
 В свои объятия деву взяла
 И может спокойно и сладко спать, 300
 Словно с ребенком нежная мать!
 Звезда закатилась, взошла звезда.
 О, Джеральдина, тот час, когда

Твои объятия стали тюрьмой
 Для прелестной леди — тот час был твой! 305
 В тот час над озером и горным ручьем
 Птицы были объаты сном,
 Но теперь ликующий говор их
 Ту-ху — летит от лесов густых,
 Ту-ху, ту-ху — до вершин крутых. 310

Взгляни же: леди Кристабель
 Покидает медленно свое забытье,
 Она подымается, опираясь на постель,
 Грустен и томен вид ее.

Веки смыкаются и слез волна 315
 Сквозь густые ресницы бежит, блестя,
 И улыбается в то же время она,
 Как при внезапном свете дитя.

Она улыбается и плачет — да,
 Как юная отшельница в лесной тишине, 320
 Прекрасная отшельница, что всегда
 Твердит молитву наяву и во сне...

И если беспокойны движенья ее,
 То лишь потому, что свободная кровь
 К ее ногам приливает вновь. 325

Было сладко, конечно, ее забытье.
 Что же, если б ангел ее был с ней
 Если б она знала, что с ней ее мать?
 Но одно она знает: близка благодать,
 И святые помогут — лишь стоит позвать, 330
 Ибо небо объемлет всех людей!

Часть II

«В загробный мир, — говорит барон, —
 Нас призывает утренний звон».

Он эти слова впервые сказал,
Когда мертвой леди свою увидал. 335
Говорить он их будет каждый раз,
Пока не пробьет его смертный час.

Он обычай завел, незнакомый встарь,
Чтобы каждый день на заре звонарь,
Раскачивая тяжкий колокол свой, 340
Сорок пять четок перебрал рукой,
Меж двух ударов за упокой,
Чтоб слышал звон каждый сосед
От Уиндермира до Брета-Хэд.

Бард Бреси молвит: «Звон хорош такой! 345
Ты, старый, заспанный звонарь,
Ударь, помолись и опять ударь!
Есть много звуков и разных див,
Чтобы заполнить перерыв.

Где Ленгдель-Пик и Ведьмин Скот 350
И Донжон-Гиль, заселенный зря,
В воздушный колокол звонят
Три многогрешных звонаря,
И вторят втроем один за другим
Мертвыми звонами звонам живым. 355

И часто звоном оскорблен,
Когда умолкнет их дин-дон,
Высмеивает Дьявол скорбную трель
И весело трезвонит за ним Бородель. 360
Воздух спокоен! Сквозь туман далеко
Слышен веселый этот трезвон;
Джеральдина с постели встает легко,
Уже стряхнув и ужас, и сон.
Свое белое платье надела она,
Узел сплела волос густых 365

И будит Кристабель от сна,
Не сомневаясь в чарах своих.
«Вы спите, леди Кристабель?
Уж утро — пора покинуть постель!»

Кристабель проснулась. Стоит перед ней 370
Та, что рядом с нею ночь провела,
Или та самая, верней,
Которую она под дубом нашла.
Еще красивей, еще милей,
Потому что выпита ею до дна 375
Полная чаша сладкого сна.
И так приветливы слова,
Так благодарен нежный взгляд,
Что (так казалось) кружева
Взволнованную грудь теснят. 380
Кристабель сказала: «Сомнения нет,
Я согрешила, я была неправа»,
И голос ее дрожал едва,
Хоть ласков был ее привет,
Но душа ее все же была смущена 385
Впечатленьем слишком живого сна.
Кристабель поспешно с постели встает,
Надевает платье и молитву творит.
Кто на кресте томился, Тот
Ее неведомый грех простит. 390
И леди Джеральдину ведет потом
Познакомить со старым своим отцом.

Кристабель с Джеральдиной идут вдвоем,
Проходят залой, сквозь ряд колонн
И, ступая между слугой и пажом, 395
Входят в покой, где сидит барон.

Встал барон, прижав Кристабель,
Ненаглядную дочь, к груди своей
И, заметив леди, невиданную досель,
Глядит на нее, дивится ей. 400
И приличный столь знатной даме поклон
Посылает леди Джеральдине он.

Но когда он услышал леди рассказ,
Имя отца ее узнал,
Почему сэр Леолайн тотчас 405
Так бледен стал и повторял:
«Лорд Роланд де Во из Трайермен?»
Увы! Они в юности были друзья,
Но людской язык ядовит, как змея;
Лишь в небе верность суждена; 410
И юность напрасна, и жизнь мрачна;
И нами любимый бывает презрен;
И много на свете темных тайн.
Мне ясно, что произошло
Меж вами, лорд Роланд и сэр Леолайн: 415
Словами презренья обменялись зло,
И оскорбленья выжгли в их душах любовь,
И они разошлись, чтобы не встретиться вновь.
Никогда не сойдутся они опять,
Чтобы снять с сердец тяжелый гнет, 420
Как утесы, будут они стоять
Далеко друг от друга, всю жизнь напролет.
Бурное море разделяет их,
Но ни зной, ни молнии, ни вечные льды
Не могут стереть в сердцах людских 425
Любви и дружбы былой следы.

Джеральдине в лицо поглядел барон
И долго всматривался он,

Сквозь сиянье нежной ее красоты
Молодого лорда узнавая черты. 430

О, тогда свои позабыл он лета.
В благородном сердце вскипела месть.
Он поклялся кровью из ран Христа,
Он пошлет повсюду об этом весть,
Он велит герольдам своим трубить, 435
Что те, кто ее посмел оскорбить,
Покрыты на век пятном стыда!
«А дерзнут они отрицать, — тогда
Герольд назначит неделю им,
Чтобы дать ответ моему мечу, 440
Пусть будет турнир судом моим.
Их змеиные души я выбить хочу
Из тел человеческих мечом моим!»

Так он сказал, с огнем в глазах —
Ибо леди обидели тяжко, а в ней 445
Он видит дружбу давних дней!
И вот лицо его в слезах
И он Джеральдину в объятья взял,
И встретила это объятье она,
И радостный взор ее сиял. 450
А дочь глядит, поражена
Виденьем тягостного сна.
Она содрогнулась; боль и страх
Промелькнули в ясных ее глазах
(О горе, горе, Кристабель, 455
Такие виденья знать тебе ль?)

Она снова увидела старую грудь,
Холодную грудь ощутила вновь,
Но имела лишь силу хрипло вздохнуть,
И барон, озираясь, поднял бровь, 460

Но увидел только свое дитя,
Стоявшее, взор к небесам обратя.

Виденье было, виденья нет,
Другое просияло вслед,
И стало отрадным виденье сна, 465
Что в объятьях леди провела она.
И внесло упоенье в душу, и вот
Глаза Кристабели и нежный рот
Засветились улыбкой!

Снова барон
«Что с тобою, дитя?» — спросил удивлен, 470
Она отвечала, когда он спросил,
«О нет, тревожного нет ничего».
Должно быть, она не имела сил
Иначе сказать, побороть колдовство.
Но из тех, кто видел Джеральдину, любой 475
Решил бы, что с неба сошла она:
Она глядела с такой мольбой,
Как будто страхом была полна,
Что Кристабель огорчена!
И с такой печалью прекрасных глаз 480
Она умоляла назад, домой
Ее поскорей отправить. . .

«Нет!
Нет!» — Леолайн воскликнул в ответ.
«Бард Бреси, вот тебе приказ:
Иди ты с громкой, веселой трубой, 485
Двух лучших коней возьми с собой
И возьми одного из моих пажей,
Чтоб он ехал сзади с лютейней твоей.
Нарядитесь оба в шелк и атлас
И скачите вперед, трубите в рог, 490

Да смотрите только, чтобы на вас
Не напали бродяги больших дорог.

Через Иртинг глубокий, скорей, скорей,
Мой веселый бард полетит вперед
Через Хэльгарский лес, вдоль Норренских
болот 495

И увидит он крепкий замок тот,
Что стоит, грозя Шотландии всей.
Бард Бреси, Бард Бреси, твой конь
быстроног,

Пусть несется конь, пусть рог звучит.
Не устанет конь, не замолкнет рог, 500

Лорду Роланду голос твой прокричит:
«В безопасности дочь твоя, о лорд,
Прекрасная дочь, хвала судьбе,
Сэр Леолайн ее спасеньем горд
И тебя приглашает немедля к себе 505

Со всей многочисленной свитой твоей,
Чтоб ты мог Джеральдину домой увезти,
Он сам тебя будет встречать на пути
Со всей многочисленной свитой своей,
На множестве резвых вспененных коней! 510
И я поклясться честью готов,

Что сердцу горше многих измен
Тот день, когда несколько злобных слов
Я сказал лорду Роланду из Трайермен.
Ибо с той поры много видел я,
Пролетело много солнечных смен, 515
Но заменят ли мне все мои друзья
Одного лорда Роланда из Трайермен».

Его колени руками обняв,
Джеральдина склонилась, прекрасна, как
свет, 520

И Бреси, всем привет послав,
Дрогнувшим голосом молвил в ответ:
«Твои слова, благородный барон,
Слаще звучат, чем лютни звон;
Но прошу как милости я, господин, 525
Чтоб не сегодня отправились мы,
Потому что видел я сон один
И дал обет святые псалмы
Пропеть в лесу, чтоб изгнать из него
Виденье странного сна моего. 530
Ибо видел во сне я в ту ночь
Птицу, что радует сердце твое,
Этой горлицы имя Кристабель, твоя дочь,
Сэр Леолайн, я видел ее!
Трепетала и странно стонала она 535
Средь зеленых деревьев — совсем одна.
Я увидел ее и был удивлен,
Что вызвать могло этот жалобный стон,
Ибо я ничего не видел кругом,
Кроме травы под старым стволом. 540

И тогда я пошел вперед, ища
Причину смятенья птицы той,
Что лежала, нежная, передо мной,
В траве крылами трепеща. 545
Я глядел на нее и не мог понять,
Что значит ее жалобный крик,
Но я наклонился, чтобы птицу взять,
Ради нашей леди, и в этот миг
Я увидел, что блестящая зеленая змея
Обвилась вокруг крыльев и шеи ее, 550
Яркой зеленью споря с травой,
К голове голубки прильнув головой.

Она шевелилась, вокруг птицы обвита,
Вздувая свою шею, как вздувала та.

Проснулся. . . Был полночный час 555
На башне часы прозвонили как раз.
Дремота прошла, но во тьме ночной
Непонятный сон все витал надо мной.
Он в моих глазах до сих пор живет,
И я дал обет, лишь солнце взойдет, 560
Отправиться в лес, помолившись вперед
И там пропев святые слова,
Рассеять чары колдовства».

Так Бреси сказал, его рассказ,
Улыбаясь, рассеянно слушал барон. 565
Не спуская полных восторга глаз .
С леди Джеральдины, промолвил он:
«О горлица нежная, лорда Роланда дочь,
Тут арфой и пеньем псалмов не помочь,
Но с лордом Роландом, вашим отцом, 570
Мы другим оружием змею убьем».
Ее он в лоб поцеловал,
И Джеральдина глаза отвела;
Скромна, по-девичьи мила,
И румянец щек ее пылал, 575
Когда от него она отошла.
Она перекинула шлейф свой
Через левую руку правой рукой
И сложила руки, сомкнула уста,
Голову склонила на грудь себе 580
И взглянула искоса на Кристабель —
О защите ее, мать Христа!
Лениво мигает змеиный глаз;
И глаза Джеральдины сузились вдруг;
Сузились вдруг до змеиных глаз, 585

В них блеснуло злорадство, блеснул испуг,
Искося бросила взгляд она,
Это длилось только единый миг,
Но, смертельным ужасом вдруг сражена, 590
Кристабель глухой испустила крик,
Зашаталась земля под ее ногой,
А леди к ней повернулась спиной
И, словно ища поддержки себе,
На сэра Леолайна, в немой мольбе,
Она обратила свет лучей 595
Божественных, диких своих очей.
У тебя, Кристабель, в глазах темно,
И вот ты видишь только одно!
И какая сила в том взоре была,
Если, прежде не знавшие лжи и зла, 600
Так глубоко впитали взоры твои
Этот взгляд, этот суженный взгляд змеи,
Что стало покорно все существо,
Весь разум твой, колдовству его!
Кристалели взор повторил тот взгляд, 605
Его тупой и предательский яд.
Так, с кружащейся в смутном сне головой,
Стояла она, повторяя его,
Этот взгляд змеиный, взгляд косою,
Перед самым лицом отца своего, 610
Насколько та, чья душа светла,
Змеиный взгляд повторить могла.

Когда же чувства вернулись к ней,
Она, молитву сотворя,
Упала к ногам отца, говоря: 615
«Умоляю вас матери ради моей
Эту женщину прочь от нас отослать».
Вот и все, что она могла сказать,

Потому что о том, что знала она,
 Передать не могла, колдовством больна. 620

Почему так бледна твоя щека,
 Сэр Леолайн? Дитя твое,
 Твоя гордость и радость, нежна и кротка,
 У ног твоих. Услышь ее!

Для нее ведь леди твоя умерла, 625
 О призраке вспомни ее дорогом,
 О ребенке своем не думай зла.

О тебе и о ней, ни о ком другом,
 Она молилась в предсмертный час, 630
 О том, чтобы она тебе была

Гордостью сердца, радостью глаз!
 И с этой мольбой был ей легок конец,
 Отец, отец!

Обидишь ли ты дитя свое —
 Свое и ее? 635

Но если так и подумал барон,
 Если это и было в сердце его,
 Еще сильнее разгневался он,
 Еще больше смутился как раз оттого.

Его злобе, казалось, предела нет, 640
 Вдрагивали щеки, был диким взор:
 От родного ребенка — такой позор!

Гостеприимства долг святой
 К той, чей отец его давний друг,
 В порыве ревности пустой 645
 Так малодушно нарушить вдруг!

Суровым взглядом повел барон
 И сказал своему менестрелю он,
 Раздраженно, резко ему сказал:
 «Бард Бреси, я тебя послал! 650

Чего ж ты ждешь?» Поклонился тот,
И дочери взгляда не бросив родной,
Сэр Леолайн, рыцарь седой,
Леди Джеральдину повел вперед!

Заключение второй части

Маленький ребенок, слабый эльф, 655
Поющий, пляшущий для себя самого,
Нежное созданье, краснощекий эльф!
Нашедший все, не ища ничего,
Наполняет радостью наши сердца,
Делает светлым взор отца! 660
И радость так полна и сильна,
Так быстро бьет из сердца она,
Что избыток любви он излить готов
Непреднамеренной горечью слов.
Быть может, прекрасно связать меж собой 665
Мысли чуждые одна другой,
Улыбаться над чарами, чей страх разбит,
Забавляться злом, которое не вредит,
Быть может, прекрасно, когда звучат
Слова, в которых слышен разлад, 670
Ощущать, как в душе любовь горит.
И что ж, если в мире, где грех царит
(Если б было так — о горе и стыд),
Этот легкий отзвук сердец людских
Лишь от скорби и гнева родится в них, 675
Только их языком всегда говорит!

ТРИ МОГИЛЫ

Отрывок из рассказа могильщика

Автор обнародовал нижеследующий непритязательный отрывок, будучи подвигнут на то настоятельными советами некоторых из самых прославленных ныне живущих поэтов. По замыслу фрагмента язык его драматичен, то есть соответствует характеру рассказчика; размер же подходит к обыденному слогу. Вниманию читателя предлагается отрывок не из поэмы, а из простой повествовательной баллады. Сам автор не уверен в том, может ли это служить оправданием подобного стиля в стихотворном сочинении, не рассчитанном на комический эффект. Во всяком случае, отрывок этот не претендует на поэтические достоинства и ни в коей мере не связан с воззрениями автора на поэтический слог. Если он обладает какой-либо ценностью, то лишь в психологическом отношении. Подразумеваемое содержание первой и второй частей таково.

Эдвард, молодой фермер, встречается в доме Эллен ближайшую ее подругу Мери, и завязывает с нею знакомство, приводящее ко взаимной склонности. С ее согласия и по совету их общей приятельницы Эллен он объявляет о своих надеждах и намерениях матери Мери, вдове лет под сорок, которая, обладая отличным здоровьем, хорошим состоянием и вырастив только двух дочерей (отец их умер, когда они были младенцами), в значительной мере сохранила приятную наружность и привлекательность, но была малообразованна и отличалась буйным нравом. Ее немедленный ответ на предложение Эдварда был примечателен:

«Что ж, Эдвард! Ты красивый малый, и дочь моя будет твоей». С этого времени все встречи влюбленных проходили на глазах матери, и, коротко говоря, она сама влюбилась в своего будущего зятя и пускала в ход все уловки, от ласковости до клеветы, дабы он перенес свои чувства с ее дочери на нее самое. (Повествование основано на истинных фактах не очень большой давности, хотя автор намеренно изменил имена и место действия; характеры действующих лиц и подробности событий также вымышлены им.) Однако Эдвард, хотя и смущенный ее странными попытками очернить дочь, по чистоте душевной все еще принимал ее возрастающую привязанность за материнскую нежность; наконец, увлеченная несчастной страстью, осыпав злобными нападками нрав и склонности Мери, она воскликнула в пылу распаленного чувства: «Ах, Эдвард! Право, право же, она тебе не подходит, нет у нее сердца, чтобы любить тебя так, как ты того стоишь. Это я тебя люблю, я! Женись на мне, и сегодня же я переведу все мое имущество на твое имя». Тогда с глаз влюбленного спала пелена, и, застигнутый врасплох, то ли от ужаса, который, подобно истерическому припадку, потряс его нервы, то ли оттого, что сознание странности и нелепости ее предложения заставило его в первый миг забыть о ее преступности, он оттолкнул ее от себя и разразился хохотом. Доведенная почти до иступления, женщина пала на колени и громким голосом, переходящим в вопль, стала молиться, накликаая проклятия и на него и на свою родную дочь. Мери, находившаяся в ту пору в комнате прямо над ними, услышав хохот Эдварда и кощунственную молитву матери, лишилась чувств. Он услышал, что она упала, взбежал наверх и, заключив ее в объятия, унес в дом Эллен; после бесплодных по-

пытках примириться с матерью Мери вышла за него замуж. — И тут начинается третья часть повествования.

Я выбрал этот сюжет не из-за особого влечения к трагическим, а тем более к чудовищным событиям (хотя в пору написания этих стихов, двенадцать с лишним лет тому назад, подобные истории были мне менее противны, чем ныне), но оттого, что нашел здесь веское доказательство тому, сколь сильно может воздействовать на воображение идея, поразившая его внезапно и резко. Я читал отчет Брайана Эдвардса о воздействии колдовства оби на вест-индских негров, а также сообщение Хирна^а о любопытнейших случаях сходного воздействия на воображение американских индейцев (те из моих читателей, у которых есть эта возможность, будут отменно вознаграждены, обратясь к упомянутым местам названных трудов); и у меня возник замысел показать, что подобные явления возможны не только среди диких или варварских племен; выяснить, как бывает в таких случаях поражено сознание и как проявляются и развиваются симптомы болезненного воздействия на фантазию.

Предполагается, что старый могильщик рассказывает эту историю на сельском кладбище путешественнику, чье любопытство было возбуждено видом расположенных друг возле друга трех могил, лишь над двумя из которых были надгробия. На первом, по обычаю, значились имя и даты, на втором же имени не было, но только дата и слова: «Милосердие господне беспредельно» *.

* Перевод В. В. Рогова.

[Часть I]

Под этим тернём в старину —
Как он хорош в цвету —
Любили летом мы прилечь
В жару и в духоту.

Сюда сходились и старик, 5
И с девушкой друг.
«Скажи, могильщик, почему
Так много жаб вокруг?
Ведь терн по-прежнему цветет 10
Ведь он не мертв, не сух;
Так почему кругом растут
Крапива и лопух?

И почему болиголов, . . .

И почему бросает тень 15
Всегда цветущий терн
На этих темных трех могил
Никем не смятый дерн?»
«Здесь мать жестокая лежит,
Где терн шумит, цветя, 20
Здесь молодая спит жена,
Здесь — бедное дитя.

Сердечнее, чем эти две
Я не знавал подруг
Но злая мать им принесла
Так много слез и мук. 25

У Эллен ясный разум был,
Нрав тихий и спокойный;
А Мери вся была огонь,
Что рвется к небу стройный.

- Раз Эдвард Мери попросил: 30
«Возьми мое кольцо».
Та вспыхнула от этих слов
И отвела лицо.
- «Ты знаешь, как богата мать,
А ты совсем бедняк; 35
Ступай и попроси ее
Благословить наш брак».
- И Эдвард к матери пошел
И отвечала мать:
«Что ж, я красивому, как ты, 40
Готова дочь отдать».
- Делила Мери свой восторг
С Элионор сполна;
Ей не по крови, но душой 45
Была сестрой она.
- Я полагаю, все поймут,
Кто лил слезу хоть раз,
Как ждало сердце жениха
Вкусить счастливый час. 50
- Мать больше, чем иная мать,
Их радостью жила,
И все предсвадебные дни
Она при них была.
- Под этим терном здесь они 55
Так жадно пили страсть,
И молча любовалась мать
И не . . .

[Часть II]

И вот уж куплено кольцо,
Назначен свадьбы срок, 60
И злая мать сама несет
Торжественный пирог.

«Не деве завтра день взойдет,
А молодой жене» —
Так Эдвард матери в тот день 65
Сказал наедине.

Он был с ней в горнице вдвоем;
И побледнела мать:
Шагала Мери наверху,
Готовила кровать. 70

Когда же по ступенькам вниз
Спускаться стала дочь,
Она внезапно поднялась
И молча вышла прочь.

Она стояла за дверьми; 75
Вот дочь подходит к ней —
«Уйди! Уйди! — вскричала мать, —
Сюда входить не смей.

Меня с товарищем моим
Ты разлучить пришла?» — 80
И злая ненависть огнем
Глаза ее зажгла.

Бедняжка Мери замерла,
Пригвождена к земле,
Бледна, как призрак неживой, 85
Блуждающий во мгле.

Она ни плакать не могла,
Ни биться, ни стонать,
Она не крикнула: «Зачем
Нельзя войти мне, мать?» 90

Но, как безумная, наверх
Вдруг бросилась она
И там на брачную постель
Упала, сражена.

Мать снова в горницу вошла, 95
В которой Эдвард был,
И так сказала: «Нет, нельзя,
Чтоб ты ее любил.

Она мне дочь, и эту боль 100
Ношу я столько лет;
Я час клянусь, когда ее
Произвела на свет.

Она надменна и горда
И зависти полна, 105
И лицемерна, и хитра,
И лживей, чем волна.

Когда ты с ней пойдешь к венцу,
Тебя несчастье ждет;
Она твою погубит честь
И сердце разобьет. 110

О боже, сколько лет я с ней
Делила смертный грех!
Она мне дочь, и тайну я
Хранила ото всех.

Она мне дочь, и для нее 115
Я на погибель шла;
Я не могу творить молитв, —
Так ноша тяжела.

Готова на ветер сорить
Она твоим добром, 120
И ты хоть вешайся при ней,
Ей будет нипочем».

Потом промолвила нежней
И за руку взяла:
«За твой единый поцелуй 125
Я все бы отдала.

И если б захотел ты взять
Меня своей женой,
Я б завещала все тебе,
Все, что ни есть за мной». 130

Тут юный Эдвард с места встал
И начал хохотать —
«Ты верно не в своем уме
Или хлебнула, мать!».

Безмолвно на колени пав, 135
Молчала долго мать;
Три раза колокол большой
Успел бы прозвучать.

«Та дочь над головой моей,
Кого носила я, 140
Пусть будет проклята навек
Отныне кровь твоя!

Будь проклят час, когда твой крик
Раздался в первый раз;
Будь проклят твой могильный ров 145
На кладбище у нас!

Проклятье матери наверх
До Мери донеслось,
И ложе брачное под ней
Дрожало и тряслось.

Во гневе Эдвард вышел в дверь 150
И посмотрел назад:
Стояла на коленях мать
Поднявши к небу взгляд.

На брачном ложе он нашел 155
Трепещущую дочь.
«Мой друг, здесь нехороший дом,
Мой друг, нам нужно прочь!»

Она от страха чуть жива;
Он ей помог привстать;
«Я бы собаки, — молвил он, 160
Не стал бы здесь держать».

Ее от ложа он повел,
Повел по ступеням.
Она б не смела в этот миг
Молиться небесам. 165

А мать с колен не поднялась
Средь горницы пустой
И гибель вечную пила
Несытою душой.

Но вот при звуке их шагов 170
Молитвы шепот стих;
Про бога позабыла мать,
Едва завидев их.

Мать встала — видела ее 175
Служанка в этот миг
И признавалась, что мороз
Все тело ей проник.

Когда невесту Эдвард вел,
С ней торопясь уйти,
Мать быстро бросилась вперед 180
И стала на пути.

Какой был смысл? Какой был смысл?
В словах ее таких:
«Я все же вас благословлю,
Невеста и жених. 185

Резвитесь, как чета ягнят,
Когда цветет апрель;
Пусть образ мой не затенит
Вам брачную постель.

Пусть будет радость ваш удел 190
Средь ночи и средь дня:
Уж я стара, уж я слаба,
Что вспоминать меня?

Что может сделать мать в годах?
Вам нечего дрожать. 195
Проклятье — звук, и не придет
На брачную кровать».

Они ушли, а мать рвала
Клочки седых волос,
Вся в пене, как в июньский день 200
Томимый зноем пес.

*

Вам странно, почему же мать
И бедное дитя,
И юная жена лежат, 205
Где терн шумит, цветя?

Три раза этот заступ мой
Из башенных сеней
Сквозь все затворы выходил
В час духов и теней.

Когда рой бесов злую мать 210
В ад потащил, свистя,
Могилу он отмерил ей,
Где терн шумит, цветя.

Когда позвала смерть домой 215
Несчастное дитя,
Могилу он отмерил ей,
Где терн шумит, цветя.

И это страшный, страшный куст;
Здесь духи налету
С него кору ночами рвут, 220
А он всегда в цвету.

*

[Часть III]

В саду священника дозрел
Тяжелый виноград,
И в ветре солнечном кружил
Багряный листопад. 225

Еще мотались по кустам
Колосья ячменя;
Стоит в глазах, как бы вчера,
Их свадьба у меня.

От церкви через этот лес 230
До Эдварда ворот
С подмили мшистая тропа
В густой тени ведет.

Тропою этой с женихом 235
Венчаться Мери шла;
Она, хоть и таила грусть,
Казалась весела.

Чуть на погост они пришли,
Где солнышко пекло,
У бедной Мери словно кровь 240
От сердца отвелѡ.

Чуть сил хватило руку ей
Священнику подать;
Она все видела, молясь,
Там, на коленях, мать. 245

Они пошли в обратный путь —
Во след я глянул ей,

Как раз, когда она вошла
Под сень густых ветвей.

Она ступила на тропу, 250
Всю выстланную мхом:
Ей было тяжело этот миг
Припоминать потом.

В тени ее окутал жар,
Потом схватила дрожь; 255
Веселый звон колоколов
Ее терзал, как нож.

Проклятье матери всегда
Ужасно для детей:
Мать и преступная — все мать, 260
Нет ничего святей.

Прошло полгода: тот же яд
Таила мать в крови;
Но Эдвард был примерный муж,
А Мери — луч любви. 265

«Сестра все не приходит к нам,
Мать запрещает ей:
О Эдвард! Я живу с тобой,
Я бы хотела быть другой,
Живей и веселей. 270

И почему я все грущу?
Нет ничего такого.
Должно быть, от туманных дней
Я не совсем здорова».

Шла изморозь — ни льда, ни вьюг! 275
А если свет блеснет,

- Бедняжка, чтоб не встретить мать,
Не отопрет ворот.
- Но Эллен в мокроту и грязь,
В те мрачные недели, 280
К ним приходила каждый день,
И с ней все веселели.
- О, Эллен верный друг была,
Сестры дороже милой!
Как жаворонок весела, 285
Она домой лишь к ночи шла,
И дом пустел, унылый.
- У нас на первый день Поста
Почти пустует храм:
Угрозы божьи в этот день 290
Должны читаться там.
- Покойный наш священник мне
Признался как-то раз,
Что хорошо бы этот чин
Совсем изъять у нас. 295
- В то утро мать пришла во храм
И к Эллен подошла;
У службы Эллен всякий день
В посту у нас была.
- И Эллен встретила ее 300
С приветливым лицом:
«Что, если гнев ее утих,
И мир вернется в дом?»
- День был едва на день похож —
Так небеса черны; 305

Бывает ночью храм светлей
При четверти луны.

Ревела буря, дикий дождь
О стекла бил упрямо;
Тонули возгласы молитв 310
В гуденье башни храма.

Молилась на коленях мать,
Поднявши к небу взгляд:
«Пусть ту, что рядом здесь со мной,
Иссушит тайный яд! 315

Услышь, услышь меня, господь.
Мои держащий дни:
Ту, что причастна к их любви,
Навеки прокляни!

Будь проклят день ее и ночь 320
На вечные года!»
Так помолившись, поднялась,
Спокойна и тверда,
И вышла в дверь, господень дом
Покинув навсегда. 325

Я видел Эялен. Как она
Вся побледнела вдруг!
Я думал, почему у ней
В глазах такой испуг?

И после службы близ нее 330
Мы все собрались в круг;
Она шаталась, и блуждал
В ее глазах испуг.

Потом решилась рассказать,
Чем сердце смущено: 335
«Ведь это клятва грешных уст,
Не все ли мне равно?»

И улыбнулась, и принять
Старалась бодрый вид,
Но лучше, если бы она 340
Заплакала навзрыд.

Она твердила, боль в душе
Пытаясь побороть:
«Ведь это клятва грешных уст,
И милостив господь!» — 345

В ее глазах блуждал испуг,
В душе была борьба:
«Ведь это клятва грешных уст,
Ужель я так слаба?»

Бедняжка — девочкой она 350
У ног моих играла —
От Мери утаила все,
Ни слова не сказала.

Но Мери слышала рассказ;
И Эллен обняла: 355
«О, Эллен, нас теперь она
Обеих прокляла!» —

Наружи Эдвард под холмом
Шагал вперед, назад,
Ломая сучья у дерев 360
И прутья вдоль оград.

Он их разламывал в руках
И в сторону швырял,
Как будто бешенство свое
Куда девать не знал. 365

Вы видите тот холм? Под ним
Их ферма и теперь.
Он слышал их, он слышал все
И скрежетал, как зверь.

С ним Эллен в горе с детских лет 370
И в радости сжилась,
И с нежным именем жены
Он имя друга дней весны
Соединял, молясь.

И он в часы своих молитв 375
К ним не делил любви,
И двух имен единый звон
Звучал в его крови!

Он в дом вошел; в его глазах 380
Была борьба видна;
И обе обняли его,
И Эллен и жена.

Он Мери плачущей лицо
К своей груди прижал;
Тут ярость перешла в тоску, 385
И Эдвард зарыдал.

А Эллен лить не стала слез,
Лишь обняла тесней,
Как будто что-то пронеслось
Ужасное пред ней. 390

[Часть IV]

Нехорошо, когда ногой
Могильный топчут прах;
Оно и днем зловещий знак,
И не к добру впотьмах.

Могилу видите, вон ту? 385
Бог даст, бог и возьмет:
Там, сударь, спит мое дитя,
Холодное, как лед.

Все остальные сам я рыл,
И — прах меня бери! — 400
Я лучше пропляшу на всех,
Чем трону эти три!

«Старик, невесел твой рассказ!» —
«Вы — что, вы — молодежь;
Мне семьдесят, а ведь и то, 405
Как вспомнишь, так всплакнешь.

Сестрица Мери этот мне
Поведала рассказ,
Хоть Эдвард сам мне кое-что
Говаривал подчас. 410

Ну, ладно! Мери, как сестре,
Друг Эллен помогала;
Она была все чаще с ней,
И ей все делалась милей;
Она весь дом держала. 415

Она по будням на базар,
А в праздник — в церковь шла;

Все как всегда, но это все
Лишь видимость была.

Грустила Эллен? Не скажу. 420
Но веселилась мало;
И Эдварда она своей
Веселостью пугала.

Она молчала по часам;
Чтоб избежать тоски, 425
Она певала про себя
Веселые стишки.

И слышалось в ее простых,
Уверенных словах,
Что у нее своя печаль, 430
Свой неотступный страх.

Вдруг скажет, кисть обняв свою:
«Нет, мне не исхудать!»
Раз Мери за руку взяла
(Взгрустнулось той опять), 435
В лицо взглянула и слегка
Ей стала руку жать.

Потом сильней, сильней, вцепясь
С какой-то дикой страстью,
И закричала: «Нет, нельзя 440
Себя принудить к счастью!»

Раз Мери обняла она
В самозабвенный миг,
И билось сердце, и елова
Шли сами на язык. 445

Они шли сами, как поток,
Что выступил из ложа,
И, взвизгнув, крикнула она:
«Как ты на мать похожа!»

Так понемногу стал весь дом 460
С уныньем неразлучен;
И, видя как грустит жена,
Был Эдвард хмур и скучен.

Он с неохотой ввечеру
Отодвигал засов; 455
Ему как будто стал чужим
Любимый прежде кров.

Раз вечером он книгу взял,
Не стал в нее смотреть,
Швырнул ее и простонал: 460
«Нет, лучше умереть!»

Взглянула Мери на него
С улыбкой неживой
И молча на руку к нему
Склонилась головой. 465

И Эдвард, громко зарыдав,
Колена преклонил:
«У ней разбитая душа! —
О, господи! Нет сил!»

Стоял туман. В такие дни 470
Работа тяжела.
Копнешь, раскашляешься. Все
Весна в тот год не шла.

И вдруг, на удивленье всем,
Жара и духота; 475
Все тени ищешь, а кругом
На ветках ни листа.

Так вот, есть уголок в лесу,
Его беседкой звать;
Вы, верно, знаете, хотя 480
Откуда вам и знать.

Поблизости и пастбищ нет,
Тропинок нет туда;
Там зеленеет остролист 485
Да говорит вода.

Деревья сами разрослись
В густой, тенистый свод;
Совсем беседка; в трех шагах
Студеный ключ течет.

Воскресным утром как-то раз 490
Друзья сюда пришли;
Алели ягоды; звучал
Церковный звон вдали.

Приятно слушать плеск ручья
И звон колоколов; 495
Приятно слушать их зараз
Средь тишины лесов.

Усталый Эдвард отдохнуть
На мягкий мох прилег
И задремал под звон ключа; 500
Тот ключ и в будни, лепеча,
Вас усыпить бы мог.

А он был не совсем здоров
И ночь провел без сна;
Беседа женщин рядом с ним 505
Была едва слышна.

«Смотри-ка, Эллен, как лучи
Сквозят в листьях густых.
Все солнца крошечные в них,
Не больше глаз твоих. 510

И славой каждое из них
Окружено своей,
И каждый голубой кружок
Оделся в радостный венок
Из тоненьких лучей». 515

И стали, глядя на лучи,
Судить про их цвета;
«Зеленый», — эта говорит,
«Янтарный», — скажет та.

А Эдвард был недобрым сном 520
Тем временем смущен;
С тревогой слушали они,
Как тяжело дышит он.

«И это — мать!», — он произнес,
Не открывая глаз, 525
Виднелись на его лице
И страх, и боль зараз.

Они вздохнули, угадав,
Что в мыслях у него;
Проснувшись, он взглянул вокруг, 530
Не видя ничего.

Он сел, и прежде, чем из глаз
Тяжелый сон ушел,
«Прости, Господь, — воскликнул он, —
Я сердце ей разбил!»

535

Тут Элен вскрикнула, дрожа,
И вдруг расхохоталась,
А Мери больше никогда
С тех пор не улыбалась.

1797—1809.

(М. Л. Логинский)

КУБЛА ХАН, ИЛИ ВИДЕНИЕ ВО СНЕ

Фрагмент

Летом 1797 года автор, в то время больной, уединился в одиноком крестьянском доме между Порлоком и Линтоном, на эксмурских границах Сомерсета и Девоншира. Вследствие легкого недомогания ему прописали болеутоляющее средство, от воздействия которого он уснул в кресле как раз в тот момент, когда читал следующую фразу (или слова того же содержания) в «Путешествии Пэрчаса»^а: «Здесь Кубла Хан повелел выстроить дворец и насадить при нем величественный сад; и десять миль плодородной земли были обнесены стеною». Около трех часов автор оставался погруженным в глубокий сон, усыпивший, по крайней мере, все внешние ощущения; он непререкаемо убежден, что за это время он сочинил не менее двухсот или трехсот стихотворных строк, если можно так назвать состояние, в котором образы вставали перед ним во всей своей вещественности, и параллельно слагались соответствующие выражения, безо всяких ощутимых или сознательных усилий. Когда автор проснулся, ему показалось, что он помнит все, и, взяв перо, чернила и бумагу, он мгновенно и поспешно записал строки, здесь приводимые. В то мгновенье, к несчастью, его позвал некий человек, прибывший по делу из Порлока, и задержал его больше часа; по возвращении к себе в комнату автор, к немалому своему удивлению и огорчению, обнаружил, что, хотя и хранит некоторые неясные и тусклые воспоминания об общем характере видения, но, за исключением каких-нибудь восьми или десяти разрозненных строк и образов, все остальное

исчезло, подобно отражениям в ручье, куда бросили камень, но, увы! без их последующего восстановления.

И все очарованье
Разрушено — мир призраков прекрасный
Исчез и тысячи кругов растут,
Уродуя друг друга. Подожди,
Несчастный юноша со взором робким, —
Разглядится поток, виденья скоро
Вернутся! Остается он следить,
И скоро в трепете клочки видений
Соединяются, и снова пруд
Стал зеркалом.

Все же, исходя из воспоминаний, еще сохранившихся у него в уме, автор часто пытался завершить то, что первоначально было, так сказать, даровано ему целиком. Σχμερον αἰτιον ασω^b *, но «завтра» еще не наступило.

В качестве контраста этому видению я добавил фрагмент ^c весьма несхожего характера, где с такой же верностью описывается сновидение, порожденное мучениями и недугом**.

1816.

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла Хан,
Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный,
Впадает в сонный океан.

5

* Завтра песнь я вам спою (греч.).

** Перевод В. В. Рогова.

На десять миль оградой стен и башен
Оазис плодородный окружен,
Садами и ручьями он украшен.
В нем фимиам цветы струят сквозь сон,
И древний лес, роскошен и печален, 10
Блестает там воздушностью прогалин.

Но между кедров, полных типшиной,
Расщелина по склону ниспадала.
О, никогда под бледною луной
Так пышен не был тот уют лесной, 15
Где женщина о демоне рыдала.
Пленительное место! Из него,
В кипенье непрерывного волненья,
Земля, как бы не в силах своего
Сдержатъ неумолимого мученья, 20
Роняла вниз обломки, точно звенья
Тяжелой цепи: между этих скал,
Где камень с камнем бешено плясал,
Рождалось внезапное теченье,
Поток священный быстро воды мчал, 25
И на пять миль, изгибами излучин,
Поток бежал, пронзив лесной туман,
И вдруг, как бы усилием замучен,
Сквозь мглу пещер, где мрак от влаги звучен,
В безжизненный впадал он океан. 30
И из пещер, где человек не мерял
Ни призрачный объем, ни глубину,
Рождались крики: вняв им, Кубла верил,
Что возвещают праотцы войну.

И тень чертогов наслажденья 35
Плыла по глади влажных сфер,
И стройный гул вставал от пенья,
И странно-слитен был размер

В напеве влаги и пещер.
Какое странное виденье — 40
Дворец любви и наслажденья
Меж вечных льдов и влажных сфер.

Стройно-звучные напевы
Раз услышал я во сне,
Абиссинской нежной девы, 45
Певшей в ясной тишине,
Под созвучья гуслей сонных,
Многопевных, многозвонных,
Ливших зов струны к струне.
О, когда б я вспомнил взоры 50
Девы, певшей мне во сне
О Горе святой Аборы,
Дух мой вспыхнул бы в огне,
Все возможно было б мне.
В полнозвучные размеры 55
ЗаклЮчить тогда б я мог
Эти льдистые пещеры,
Этот солнечный чертог

Их все бы ясно увидали
Над зыбью, полной звонов, дали, 60
И крик пронесся б, как гроза:
Сюда, скорей сюда, глядите,
О, как горят его глаза!
Пред песнопевцем взор склоните,
И этой грезы слыша звон, 65
Сомкнемся тесным хороводом,
Затем что он воскормлен медом
И млеком рая напоен!

ЭОЛОВА АРФА

Написано в Кливдоне, Сомерсетшир

Задумчивая Сара! Мне к руке
Щекой прижалась ты — и как приятно
Сидеть у нашей хижины, сокрытой
Жасмином белым и тенистым миртом,
(То символы: Невинность и Любовь!) 5
Следить за облаками, на глазах
Тусквеющими, за звездой вечерней,
Как Мудрость, безмятежною и яркой,
Горящей перед нами! Как прекрасен
На грядках аромат! И как все тихо! 10
Далекий ропот моря о молчанье
Нам говорит.

А та простая лютя,
К окну прикреплена! Нет, ты послушай!
Под ласкою небрежной ветерка
Она, как дева робкая, упреки 15
Возлюбленному шлет, ему внушая
Быть повольнее! А теперь по струнам
Смелее он проводит, звуки плавно
Вздываются по сладостным волнам —
Такие нежно-колдовские звуки 20
В час сумеречный эльфы издают,
Несомы ветерком из Царства Фей,
Где вокруг цветков медвяных нежно реют
Мелодии, подобны птицам райским,
Без отдыха, на крыльях неумных! 25
Вне нас и в нас едино бытие —
Душа всему, что движется навстречу,

Грех толковать мне о Непостижимом:
Лишь, трепеща, его хвалить я должен
С неодолимой внутреннею верой —
Того, кто милосердно исцелил
Несчастнейшего грешника и после
Мне даровал покой и кров смиренный
И деву, сердцем чтимую, — тебя!

80

1795.

(В. В. Рогов)

ОДА УХОДЯЩЕМУ ГОДУ

Краткое содержание

Ἰοῦ ἰοῦ, ὦ ὦ κακά.

᾿Ψπ' αὖ με δεινός ὀρθομαντείας πόνος
Ἐτροβεῖ, ταρασσῶν φροϊμίσις δσφροϊμίσι,
.....

Τὸ μέλλον ἤξει. Καὶ σύ μ' ἐν τάχει παρῶν
᾿Αγαν' ἀληθόμαντιν οἰκτεῖρας ἐπέεις*

Эсхил. Агамемнон. 1173—75; 1199—1200.

Ода начинается обращением к Божественному Промыслу, приводящему к единой великой гармонии все события времени, как бы бедственны ни казались смертным некоторые из них. Вторая строфа призывает людей отречься от их личных радостей и печалей и посвятить себя на время делу всего человеческого рода. Первый эпод говорит о Русской Императрице, умершей от апоплексии 17 ноября 1796 года, как раз перед тем заключив дополнительный договор^a с Королями, направленный против Франции. Первая и вторая антистрофы описывают образ Уходящего Года и т. д., как бы в видении. Второй эпод предвещает, в сокрушении духа, гибель отечества.

I

О Дух, гремящий Арфою Времени!
Чей смелый слух, не дрогнув, переймет

* Опять, опять

Меня кружит пророчества безумный вихрь
И мучит боль предчувствий. О, беда, беда!
.....

Что будет — будет. Слишком вещей скоро ты
Меня, свидетель скорбный, назовешь и сам.

(Перевод С. К. Анта)

Твоих гармоний чернотканый ход?
 Но, взор вперяя в вечный небосвод,
 Я долго слушал, сбросив смертный гнет, 5
 В тиши душевной ум смилив земной;
 И в вихре пышных риз передо мной
 Пронесся мимо Уходящий Год!
 Тихое забыв раздумье,
 В некоем святом безумье, 10
 Пока он в туче не исчез из глаз,
 Я бурно грянул песнь и славил этот час.

II

От оплаканных гробниц
 Из ужасной мглы темниц,
 От ночной тоски недуга, 15
 Из нор, где Бедность тщетно кличет
 друга,
 Оттуда, где во тьме ущелий
 Пламенник Любви заложен
 Иль где Надежда в колыбели
 Охраняет детский сон, — 20
 Пестрый правя хоровод,
 Вы, Скорби, Радости, вперед!
 Той дикой Арфой, той рукой,
 Чьим мощным взмахом ото сна
 Тревога струн пробуждена, 25
 Вас заклинаю всех сойтись толпой!
 Из мирного гнезда,
 Из нищенских лачуг,
 Все, в страшный час, сюда;
 Чтобы из вас священный вид исторг 30
 Природы в пытке материнских мук
 Плач и восторг!

Еще гремит то Имя, что вокруг
Воздвигло бурю и разверзло Ад;
Уже спешат на торжество веков 35
И Суд, и Честь! Их поднял, как набат,
Святая Вольность, твой высокий зов!

III

Я видел в шлеме Властолюбья лик!
Царей я слышал беспокойный крик —
«О, где ж Богиня Северных границ? 1* 40
Где гром ее победных колесниц?»
Беги, Царей собор!
Секирой смерти сражена,
Вовеки не вперит она
В лицо Убийства охмелевший взор! 45
Души павших без числа,
Тех, что Висла унесла,

1* Дополнительный Договор был только что заключен, и Россия готовилась, не ограничиваясь благочестивыми воззваниями, оказать более эффективную помощь державам, объединившимся против Франции. Я радуюсь не смерти Женщины (мысленно я никогда не смел представить себе Русскую Императрицу в дорогом и чтимом облике Женщины — Женщины, этом многогранном понятии, объемлющем Мать, Сестру, Жену!). Я радуюсь низвержению демона! Я радуюсь искоренению злого Начала, воплощаемого ею! Ровно шесть лет назад, день в день, была совершена кровавая резня в Измаиле. Тридцать тысяч людей, мужчин, женщин и детей были хладнокровно убиты только за то, что их гарнизон стойко и храбро оборонял город. Зачем вспоминать, что она отравила мужа, ее преступления в Польше, или ее недавнее, ничем не спровоцированное нападение на Персию, всепоглощающее честолюбие ее общественной деятельности или разнузданное сладострастие часов ее досуга! У меня нет никакого желания занять пост Историографа при Князе Преисподней — ! 23 декабря 1796 г.

Тех, что с башен Измаила,
 Где ров телами запружен,
 Ярость дикая скосила
 Под крик детей и вопли жен! 50
 Тени спящих без гробниц,
 Грозный трубный звук разлейте,
 Цепи мрачных верениц
 Вкруг ее могилы вейте! 55
 Кровожадный Дух угас —
 (Темен путь и грязны дни) —
 Вкруг нее ведите пляс,
 Как могильные огни!
 И пойте ей во тьме ночей 60
 Рок венчаных палачей!

IV

Отшедший Год! Не на земных берегах
 Тебя душа узрела! Где одна
 Пред троном облачным, тиха, мрачна,
 Ждет память, ты со стоном и в слезах, 65
 Кровавой ризой края рамена,
 Свои часы поведал! Тишиной,
 Внимая, сонм облекся неземной,
 Чьи волосы венчают пламена.
 Тут огнем очей блистая, 70
 Хор бесплотный покидая,
 Ступил вперед прекрасный Дух Земли
 И стал у ступеней, где тучи залегли.

V

Затихли арфы, смолк
 Небесный светлый полк. 75

И часто по ночам, во сне, 105
 Все тот же призрак виден мне.
 Холодный пот меня томит;
 Пылает слух, плывут глаза;
 Тяжелым гулом мозг обвит;
 На сердце дикая гроза; 110
 И дыханья трудный звук
 Сходен с хрипом смертных мук!
 Таким же бредом обуян
 На поле боевом солдат,
 Когда, полуживой от ран, 115
 Он в груди тел вперяет взгляд!
 (Окончен бой, в росе трава,
 Ночному ветру нет конца!
 Смотри: живая голова
 Дрожит в объятьях мертвеца!) 120

VII

Еще не пал, не покорен
 Родимый Остров, Альбион!
 Твои холмы, как райский сад,
 Солнечным дождем блестят;
 Твои луга средь мирных гор 125
 Оглашают бубенцы;
 Их зеленеющий простор
 Ограждают скал зубцы;
 И Океан под дикий вой
 Хранит, как сына, Остров свой!
 Тебе дарит свою любовь 130
 Гражданский Мир из года в год;
 И никогда огонь и кровь
 В твои поля не нес чужой народ.

VIII

Покинутый Небом! ^{1*} Стяжанием пьян,
 В трусливой дали, но гордыней венчан, 135
 Ты меж пашен и стад охраняешь свой дом,
 И Голод и Кровь разливаешь кругом!

Ты проклят всеми! Жадно ждут народы,
 Не клекчет ли Погибель с вышины!

Погибель с жутким взглядом!

Только сны 140

О пламени глубин, прорвавшем воды,

^{1*} Поэт, рассмотрев особые преимущества, которыми располагает Англия, сразу переходит к тому, как мы использовали эти преимущества. В силу того, что мы живем на острове, подлинные ужасы войны минули нас, и мы отблагодарили Провидение, пощадившее нас, тем пылом, с которым мы сеем эти ужасы меж народов, живущих в менее благоприятных географических условиях. Среди мира и довольствия мы возопили, примкнув к воплю алчущих голода и крови. Из ста семи минувших лет пятьдесят мы отдали Войне. Такое зло не может остаться безнаказанным. Мы гордимся и верим в наших союзников и наш флот, — но бог сотворил червя и подточит стебель нашей гордыни.

«Разве ты лучше Но-Аммона, находящегося между реками, окруженного водою, которого вал было море, и море служило стеною его? Эфиопия и Египет, с бесчисленным множеством других служили ему подкреплением; копты и ливийцы приходили на помощь тебе. Но и он переселен, пошел в плен; а о знатных его бросали жребий, и все вельможи скованы цепями. Так и ты — опьянеешь и скроешься. Все укрепления твои подобны смоковнице со спелыми плодами: если потрянуть их, то они упадут прямо в рот желающего есть. Купцов у тебя стало более, чем звезд на небе. Князья твои — как саранча, и военачальники твои — как рои мошек, которые во время холода гнездятся в щелях стен, и когда взойдет солнце, то разлетаются — и не узнаешь места, где они были. Нет врачества для ран твоих, болезненна язва твоя. Все, услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать о тебе; ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?» (Ветхий Завет, Книга Пророка Наума, глава III).

Ее дремоту тешат; всякий раз,
 Когда под пеной пламенной волны
 Провидит вновь ее драконий глаз
 Твой, Альбион, неотратимый час, 145
 Чудовище на ложе привстает
 И диким торжеством скрежещет сонный
 рот.

IX

Беги, беги, Душа!
 Напрасен Птиц пророческих глагол —
 Чу! хищники голодные, спеша, 150
 Крылами бьют сквозь долгий ветра стон!
 Беги, беги, Душа!
 Я, непричастный к этой бездне зол,
 С молитвой жаркой и в трудах
 Прося о хлебе скудной нивы прах, 155
 Скорбел и плакал над родной страной.
 Теперь мой дух бессмертный погружен
 В Субботний мир довольствия собой;
 И облаком страстей неомрачим
 Господень Образ, чистый Серафим. 160

ВОРОН

Рождественская сказка, которую школьник рассказал
своим младшим братьям и сестрам

Под старым дубом в тени ветвей
Паслось огромное стадо свиней.
Хрюкая, твари подгрызли ствол —
Так он грянулся оземь, что грохот пошел!
Ветер поднялся, свиньи ушли, 5
И желудь последний остался в пыли.
Тут Ворон явился, суровый и злой:
Состоял он при ведьме Печали слугой!
Был он черной смолы черней,
Перья его не боялись дождей. 10
Он желудь нашел и в землю зарыл
На речном берегу, где поток бурлил.
Куда же Ворон полетел?
Выше, ниже, — дерзок, смел, —
Через горы и доли Ворон летел, 15
Много лет и много зим
По краям летал чужим,
Повидал он белый свет —
Все исчислить мочи нет.

И он прилетел с Воронихой назад, 20
Стал дубом желудь, и ветви шумят.
Вывели птицы птенцов в гнезде,
Жили, не думая о беде.
Но раз Дровосек явился в лес,
Его лоб над глазами свисал, как навес, 25
Он топор держал, он все время молчал,
Но, кряхтя, топором махал и махал —
И дуб могучий на землю упал.
Погибли птенцы, не умея летать,
И от горя тогда умерла их мать. 30

Ветви злодей обрубил со ствола,
Ствол оголенный река унесла,
И его распилили на много досок
И корабль склотили — крепок, высок.
Но едва он из гавани выйти успел, 35
Как невиданный шторм завыл, закипел,
Корабль подхватил и на риф посадил —
А над мачтами, каркая, Ворон кружил;
И услышал он вопль погибавших тогда,
И верхушки мачт захлестнула вода! 40
Радостно Ворон взмахнул крылом
И увидел Смерть на туче верхом
И ей поспешил благодарность принести:
Тому, кто обижен, *Сладостна месть!*

В БЕСЕДКЕ

[Обращено к Чарлзу Лэму^а, Индия-Хаус, Лондон]

В июне 1797 года несколько долгожданных друзей навестили хижину автора; в утро их прибытия с ним произошел несчастный случай, лишивший его способности двигаться на все время, пока они у него гостили. Однажды вечером, когда они его оставили на несколько часов, он сочинил следующие строки в садовой беседке.

Ну, что ж! Они ушли, а я остался,
Беседка — мне тюрьма! И я лишен
Красот и ощущений, о которых
Я и тогда бы мог вспоминать,
Когда бы в старости ослеп! Они же, 5
Друзья, которых я навек, быть может,
Лишен теперь, по степи, по холмам
Блуждают радостно или спустились,
Как я советовал, на дно лощины,
Задебренной, глубокой, многошумной, 10
Полуденным светилом испещренной,
Где стройный ствол рябина опирает
О камни, словно мост; на ней нет веток,
Она влажна, и скудная листва
Дрожит, но не от ветра — водопад 15
Ее овеял! Там мои друзья
Увидят стебли тощие травы ^{1*}.
Что разом (фантастичное виденье!)
Кивают, мокрые, под мокрым краем
Синеющего сланца.

^{1*} *Asplenium scolopendrium*, называемый в некоторых местах «гадючьим языком», а в некоторых — «оленьим языком»; но Уизеринг^в пишет, что «гадючьим языком» в просторечии называют только *Ophioglossum*.

Вновь друзья, 20
Под необъятным небом стоя, видят
Бескрайнюю дорогу, шпиги храмов,
Холмистые поля, луга и море
С ладьей на нем, быть может, — паруса
Белеют ярко в голубом просвете 25
Меж островов в тени лиловой! Дальше
Друзья идут. Все рады — больше всех
Мой милый Чарлз! Грустил бы о Природе
И страждал, заточенный много лет
В огромном городе, борясь смиренно 30
Со злом, страданьем, бедствиями! Плавно
На запад нисходи, сияя, солнце!
Сверкай в косых лучах заката, вереск!
Роскошнее горите, облака!
Желтейте, роци дальние! Светись, 35
Лазурный океан! И пусть мой Друг,
Восторгом поражен, теперь стоит,
Как я стоял, безмолвно озираясь
Окрест себя, пока не станет все
Как бы бесплотным, в радужном сиянье, 40
Каким оваян Всемогущий Дух,
Являясь духам.

И восторг внезапный
Мне сердце охватил, как будто я
С друзьями нахожусь! Да, и в беседке 45
Я многое заметил, что меня
Утешило. Бледна в сиянье солнца,
Висит листва сквозная; я слежу
За тенью от листа и за листом,
Обрызганным лучами! И орешник
Расцвечен, и глубокое сиянье 50
Легло на плющ, что обвивает вязы

И темнотою своею их стволы
В час сумеречный оттеняет; тихо
Пронесся нетошрь; стрижи умолкли,
А одинокий шмель еще гудит 55
В бобовнике! Отныне буду знать:
Природа никогда не покидает
Тех, кто разумен и душою чист;
Да, в каждом уголке царит Природа,
На каждом пустыре найдется пища 60
Для чувств! Повсюду сердце ощутит
Любовь и Красоту! А иногда
Полезно обмануться в ожиданиях,
Чтоб духом воспарить и созерцать
С отрадой недоступную отраду. 65
Мой милый Чарлз! Когда последний грач
Летел в гнездо порою предвечерней,
Его благословил я, полагая,
Что ты увидишь черное крыло
(Ныряющее пятнышко в лучах), 70
Пересекающее алый диск,
И в тишине его услышишь скрип ^{2*},
Чарующий тебя, мой нежный Чарлз,
Кому приятен будет каждый звук,
Когда тебе вещает он о Жизни. 75

1797.

(В. В. Рогов)

^{**} Через несколько месяцев по написании этой строки я с удовольствием обнаружил, что Бартрамс наблюдает сходное явление у журавля саванн. «Когда эти птицы летят, удары их крыльев медленны, умеренны и регулярны; и даже если они находятся на значительном расстоянии или на большой высоте от нас, мы ясно слышим звук, издаваемый перьями: их стержни и бородки, соприкасаясь, скрипят, подобно корабельному рангоуту в бурном море».

ОГОНЬ, ГОЛОД И РЕЗНЯ

Военная эклога

Место действия — заброшенная тропа в Вандее.

Ведьма-Голод *лежит на земле;*
входят Ведьма-Огонь и Ведьма-Резня.

Ведьма-Голод

Кто вас в эту слал страну?

Ведьма-Резня (Ведьме-Огню).

Я ей на ухо шепну.

Ведьма-Огонь

Нет! Нет! Нет!

Веселиться будет ад,
Если звуки долетят.

5

Нет! Нет! Нет!

Шепнув, не оберешься бед.
Назвала его я раз,
Черти вняли мне тотчас,
Начался разгульный пляс,
Своды ада смех сотряс,
И они, пока дрожали,
Смех нечистый умножали.

10

Нет! Нет! Нет!

Веселиться будет Ад,
Если звуки долетят.

15

Ведьма-Голод

Еле слышно ты шепни,
По секрету намекни.

Ведьма-Резня

Четверкой букв он заклеюмен —
А вас кто слал? 20

Обе

Все он! Все он!

Ведьма-Резня

Тайком он логово отпер мое,
И тысяч трижды трехсот бытие
Прервалось, чтобы кровь мне пошла
на питье.

Обе

А кто поил тебя? 25

Ведьма-Резня

Все он!

Четверкой букв он заклеюмен.
Пустил и крикнул: улю-лю!
Его я одного хвалю.

Ведьма-Голод

Сестра, спасибо! Кровь течет, 30
Детей и женщин голод грызет.
Я на топком поле битвы ждала,
Череп и кости подобрала;
Мне колотушкой служили они,
Но ворона с волком попробуй, спугни! 35
И я тогда пустилась прочь:
На шир их мне взирать невмочь.
Я услышала стон и визг и тотчас
К щели в лачуге приставила глаз . . .
И что предстало мне в тени? 40

Обе

Ты нам на ухо шепни.

Ведьма-Голод

Ребенок бил большую мать:
Обрекла я их с голоду 'умирать!

Обе

Кто так велел?

Ведьма-Голод

Все он! Все он! 45
Четверкой букв он заклеюмен.
Велел и крикнул: улю-лю!
Его я одного хвалю.

Ведьма-Огонь

Я в Ирландии была! 50
Нивы и кусты я жгла,
И тускнел закат в огне!
Я шагала по стране,
Работа мне была легка,
Я хохотала, держась за бока:
Меня смешил взъяренный скот, 55
Когда средь пашен и болот
Он пробегал сквозь мрак и дым,
Рычащим пламенем гоним!
У хижин в зареве огней
Стреляли в голых бунтарей, 60
Огонь трещал, багрово-рыж,
И низвергались балки крыш
На злобных, немощных старух,
Чьи вопли мне ласкали слух.

Обе

Кто так велел? 65

Ведьма-Огонь

Все он! Все он!
Четверкой букв он заклеюмен.

Велел и крикнул: улю-лю!
Его я одного хвалю.

Все

Велел и крикнул: улю-лю! 70
О, как его я восхваляю?

Ведьма-Голод

Голод — мудрости залог.
Буду грызть и грызть народ,
Чтоб народ терпеть не смог —
И его проклятый род. . . 75

Ведьма-Резня

Он на клочья разорвет!

Ведьма-Огонь

Неблагодарные! Вот срам!
И это ваш ответ дарам
Того, кто столько сделал вам?
Убирайтесь! Я одна 80
Остаюсь ему верна.

Он пекся восемь лет о вас —
И долг вернуть в единый час,
Бесстыжие, уж вам ли смочь?
Ступайте прочь, ступайте прочь! 85

ПОЛУНОЧНЫЙ МОРОЗ

Мороз свершает тайный свой обряд
В безветрии. Донесся резкий крик
Совы — и чу! опять такой же резкий.
Все в доме отошли ко сну, и я
Остался в одиночестве, зовущем 5
К раздумью тайному; со мною рядом
Мое дитя спит мирно в колыбели.
Как тихо все! Так тихо, что смущает
И беспокоит душу этот странный,
Чрезмерный мир. Холм, озеро и лес, 10
С его неисчислимо-полной жизнью,
Как сны, безмолвны! Синий огонек
Обвил в камине угли и не дышит;
Лишь пленочка^{1*} из пепла на решетке
Все треплется, одна не успокоясь. 15
Ее движенья, в этом сне природы,
Как будто мне сочувствуют, живому.
И облакаются в понятный образ,
Чьи зыбкие порывы праздный ум
По-своему толкует, всюду эхо 20
И зеркало искать себе готовый,
И делает игрушкой мысль.

Как часто,
Как часто в школе, веря всей душой
В предвестия, смотрел я на решетку,
Где тихо реял этот «гость»! И часто, 25

1* *Лишь пленочка.* Во всех частях Королевства эти пленочки называют «гостями»; считается, что они предвещают приход отсутствующего друга.

С открытыми глазами, я мечтал
О милой родине, о старой церкви,
Чей благовест, отрада бедняка,
Звучал с утра до ночи в теплый праздник,
Так сладостно, что диким наслажденьем ³⁰
Я был охвачен и внимал ему,
Как явственным речам о том, что будет!
Так я смотрел, и нежные виденья
Меня ласкали, превращаясь в сон!
Я ими полон был еще наутро, ³⁵
Перед лицом наставника вперив
Притворный взор в расплывчатую книгу:
И если дверь приоткрывалась, жадно
Я озирался, и сжималось сердце,
Упорно веря в появление «гостя», — ⁴⁰
Знакомца, тетки или сестры любимой,
С которой мы играли в раннем детстве.

Мое дитя, что спит со мною рядом,
Чье нежное дыханье, раздаваясь
В безмолвье, заполняет перерывы ⁴⁵
И краткие отдохновенья мысли!
Мое дитя прекрасное! Как сладко
Мне думать, наклоняясь над тобой,
Что ждет тебя совсем другое знанье
И мир совсем другой! Ведь я возрос ⁵⁰
В огромном городе, среди мрачных стен,
Где радуют лишь небо да созвездья.
А ты, дитя, блуждать, как ветер, будешь
По берегам песчаным и озерам,
Под сенью скал, под сенью облаков, ⁵⁵
В которых тоже есть озера, скалы
И берега: ты будешь видеть, слышать
Красу обличий, явственные звуки

Довременного языка, которым
Глаголет бог, от века научая 60
Себе во всем и всем вещать в себе.
Учитель вышний мира! Он взлелеет
Твой дух и, даруя, вспоит желанья.

Ты всякое полюбишь время года:
Когда всю землю одевает лето 65
В зеленый цвет. Иль реполов поет,
Присев меж комьев снега на суку
Замшелой яблони, а возле кровля
На солнце курится; когда капель 70
Слышна в затишье меж порывов ветра
Или мороз, обряд свершая тайный,
Ее развесит цепью тихих льдинок,
Сияющих под тихою луной.

Февраль, 1798.

(М. Л. Лозинский)

ФРАНЦИЯ: ОДА

11*

Вы, облака, чей вознесенный ход
Остановить не властен человек!
Вы, волны моря, чей свободный бег
Лишь вечные законы признает! 5
И вы, леса, чаруемые пеньем
Полночных птиц среди угрюмых скал
Или ветвей могучим мановеньем
Из ветра создающие хорал, —
Где, как любимый сын творца, 10
Во тьме безвестной для ловца,

1* *Первая строфа.* Обращение к тем предметам Природы, размышление о которых внушило Поэту преданную любовь к Свободе. *Вторая строфа.* Радость Поэта при свершении Французской Революции и его бесконечное отвращение к Союзу держав против Республики. *Третья строфа.* Бесчинства и преступления во время власти Террористов рассматриваются Поэтом как недолговечная буря и как естественный результат недавнего деспотизма и грязных суеверий Папства. В действительности Рассудок уже начал внушать множество опасений; но все же Поэт стремился сохранить надежду, что Франция избрет лишь один путь победы — показать Европе более счастливый и просвещенный народ, чем при других формах Правительства. *Четвертая строфа.* Швейцария и отказ Поэта от прежних мыслей. *Пятая строфа.* Обращение к Свободе, в котором Поэт выражает убеждение, что те чувства и тот великий *и д е а л* Свободы, который разум обретает, созерцая свое индивидуальное бытие и возвышенные объекты вокруг нас (см. первую строфу), не принадлежат людям как членам общества и не могут быть дарованы или воссозданы ни при какой форме правления; но являются достоинством отдельных людей, если они чисты и полны любви и поклонения богу в Природе.

Как часто, вслед мечте священной,
 Я лунный путь свивал в траве густой,
 Величьем звуков вдохновенный
 И диких образов суровой красотой! 15
 Морские волны! Мощные леса!
 Вы, облака, средь голубых пустынь!
 И ты, о солнце! Вы, о небеса!
 Великий сонм от века вольных сил!
 Вы знаете, как трепетно я чтил,
 Как я превыше всех земных святыхъ 20
 Божественную Вольность возносил.

II

Когда, восстав в порыве мятежа,
 Взгремела Франция, потрясши свет,
 И крикнула, что рабства больше нет,
 Вы знаете, как верил я, дрожа! 25
 Какие гимны, в радости высокой,
 Я пел, бесстрашный, посреди рабов!
 Когда ж, стране отмщая одинокой,
 Как вызванный волхвами полк бесов,
 Монархи шли, в годину зла, 30
 И Англия в их строй вошла,
 Хоть милы мне ее заливы,
 Хотя любовь и дружба юных лет
 Отчизны осветили нивы,
 На все ее холмы пролив волшебный свет, — 35
 Мой голос стойко возвещал разгром
 Противникам тираноборных стрел,
 Мне было больно за родимый дом!
 Затем, что Вольность, ты одна всегда
 Светила мне, священная звезда; 40
 Я Францию проснувшуюся пел
 И за отчизну плакал от стыда.

III

Я говорил: «Пусть богохульный стон
Врывается в созвучья вольных дней,
И пляс страстей свирепей и пьяней, 45
Чем самый черный и безумный сон!
Вы, на заре столпившиеся тучи,
Восходит солнце и рассеет вас!»
И вот, когда вослед надежде жгучей,
Разлад умолк, и длился ясный час, 50
 И Франция свой лоб кровавый
 Венчала тяжким лавром славы,
 Когда крушительным напором
Оплот врагов смела, как пыль, она,
 И яростным сверкая взором, 55
Измена тайная во прах сокрушена,
 Вилась в крови, как раненый дракон, —
 Я говорил, провидя свет в дали:
 «Уж скоро мудрость явит свой закон 60
 Под кровом всех, кто горестью томим!
 И Франция укажет путь другим,
 И станут вольны племена земли,
И радость и любовь увидят мир своим».

IV

Прости мне, Вольность! О, прости мечты!
Твой стон я слышу, слышу твой укор 65
С холодных срывов Гельветийских гор,
Твой скорбный плач с кровавой высоты!
Цвет храбрецов, за мирный край сраженный,
И вы, чья кровь окрасила снега
Родимых круч, простите, что плененный 70
Мечтой, я славил вашего врага!
 Разить пожаром и мечом,
 Где мир воздвиг ревнивый дом,

Лишить народ старинной чести,
 Всего, что он в пустыне отыскал, 75
 И отравить дыханьем мести
 Свободу чистую необагрённых скал, —
 О, Франция, пустой, слепой народ,
 Не помнящий своих же страшных ран!
 Так вот чем ты горда, избранный род? 80
 Как деспоты, кичась, повелевать,
 Вопить на травле и добычу рвать,
 Сквернить знаменами свободных стран
 Храм Вольности, опутать и предать?

V

Кто служит чувствам, кто во тьме живет, 85
 Тот вечно раб! Безумец, в диких снах,
 Он, раздробив оковы на руках,
 Свои колодки волею зовет!
 Как много дней, с тоскою неизменной,
 Тебе вослед, о Вольность, я летел! 90
 Но ты не там, где власть, твой дух священный
 Не веет в персти человеческих дел.
 Ты ото всех тебя хвляющих,
 Чудясь молитв и песен льстящих,
 От тех, что грязнет в суеверьях, 95
 И от кощунства буйственных рабов
 Летешь на белоснежных перьях,
 Вожатый вольных бурь и друг морских валов!
 Здесь я познал тебя, — у края скал,
 Где стройный бор гуденье хвои 100
 В единый ропот с шумом вод сливал!
 Здесь я стоял с открытой головой,
 Себя отдав пустыне мировой,
 И в этот миг властительной любви
 Мой дух, о Вольность, встретился с тобой. 105

ЛЬЮТИ, ИЛИ ЧЕРКЕССКАЯ ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ

Я над рекой блуждал всю ночь,
Милый призрак гнал я прочь.
Нет, образ Льюти, не зови,
В душе у Льюти нет любви!

Сиянье зыбкое луны 5
И звезды дрожащий след
Колебала грудь волны,
Но сильнее падал свет
На белеющий утес,
Скрытый сумраком ветвей. . . 10
Так белел меж темных кос
Лоб возлюбленной моей. . .

Нет, лживый призрак, не зови.
В душе у Льюти нет любви!

Я видел: медленно к луне 15
Тучка бледная плыла.
Вот просветлела в вышине
И, тая в радужном огне,
Лик луны заволокла.

О, как теперь напоена 20
Янтарным пламенем она!

Так Льюти я ищу с тоской
И, встретив, радуюсь минуте
И бледной мертвенной щекой
Я пью румянец нежный Льюти. . . 25

Нет, лживый призрак, не зови —
В душе у Льюти нет любви!

Но тучка дальше плыть должна.
Зачем так скоро, о, побудь! 30
Но, видно, тучка не вольна,
И снова, пепельно-бледна,
Она плывет в далекий путь. . .

Так медленно отходит прочь
Все печальней,
Все бледней. 35
Она скользит в глухую ночь,
Как души мертвых в мир теней.

Так суждено мне без тебя,
О Льюти, в скорби изнемочь,
Томясь, тоскуя и любя! 40

Там — высоко во тьме ночной —
Я вижу дымку, пар сквозной
Бледней тончайших облаков —
Как бы зефиров легкий рой,
Резвясь на воле ночью ясной, 45
Унес вуалевый покров
С груди покойницы прекрасной.
Ведь девы также умирали
От нежной страсти и печали. . .

Нет, лживый образ, не зови — 50
В душе у Льюти нет любви!

Чу, с обрыва ком за комом
Вниз летит при каждом шаге,
Будто гул, рожденьный громом,
Глухо тонет в сонной влаге. 55

Два стройных лебедя в тиши.
Проснулись, зыбля камыши.

О птицы снежные, как пышно
Скользите вы в лучах луны, —
Как будто музыке неслышной
Движенья плавные верны. 60

Всю ночь блуждайте вы вдвоем
В лучах луны, а спите днем!

Я знаю сад, где Льюти спит.
Беседка милую таит. 65

В саду жасмины пахнут сладко,
Над ложем свищет соловей.
О голос ночи, мне б украдкой
На миг проникнуть в глубь ветвей,
Как ты, незримый гость ночей! 70
Там дышат груди молодые,
Вздымаясь тихо в сладком сне,
Как эти лебеди речные
На тихо зыблемой волне!

Нет, лживый призрак, не зови —
В душе у Льюти нет любви! 75

О, если б Льюти снился сон,
Что я лежу пред ней, безгласный,
Ее жестокостью сражен,
Но все ж, как призраки, прекрасный. 80

Я рад бы смерти, чтоб во сне
Вздохнула Льюти обо мне. . .
О призрак! Скорбь мою развей,
Ведь может Льюти стать добрей. . .

СТРАХИ В ОДИНОЧЕСТВЕ

Написано в апреле 1798 г. во время угрозы
неприятельского нашествия^а

Зеленый, тихий уголок в холмах,
Укрomный, тихий дол! Безмолвной края
Не оглашала жаворонка песнь.
Повсюду вереск, лишь один откос
Одет, как радостной и пышной ризой, 5
Всегда цветущим золотистым дроком,
Что распустился буйно; но долина,
Омытая туманами, свежа,
Как поле ржи весной иль юный лен,
Когда сквозь шелк его стеблей прозрачных 10
Косое солнце льет зеленый свет.
Здесь мирный, благодатный уголок,
Любезный всем, особенно тому,
Кто сердцем прост, кто в юности изведал
Довольно безрассудства, чтобы стать 15
Для зрелых лет спокойно умудренным!
Здесь он приляжет на увядший вереск,
И жаворонок, что поет незримо
Любимое пустыней песнопенье,
И солнце, и плывущий в небе ветер 20
Его наитьем нежным покорят;
И он, исполнен чувств и дум, поймет
Отраду созерцанья и постигнет
Священный смысл в обличиях Природы!
И, тихо погружаясь в полусон, 25
Он будет грезить об иных вселенных,
Все, слыша голос, жаворонок, твой,
Поющий, словно ангел в облаках!

О, боже мой! Как горестно тому,
Кто жаждет душу сохранить в покое, 30
Но поневоле чувствует за всех
Своих земных собратьев, — боже правый!
Мучительно подумать человеку,
Какая буря может закипеть
И здесь, и там, по этим тихим склонам — 35
Нашествие врага, и гром, и крик,
И грохот нападения: страх и ярость,
И пламя распри — в этот миг, быть может,
Здесь, в этот миг, на острове родном:
Стенанья, кровь под этим светлым солнцем! 40
Сограждане! Мы согрешили все,
Мы тяжко согрешили перед богом
Жестокостью. От запада к востоку
Стон обвинения несется к небу!
Несчастные нас обличают; толпы 45
Неисчислимых, грозных, наших братьев,
Сынов господних! Как зловонный облак,
Поднявшийся с Каирских чумных топей,
Так мы несли далеким племенам,
Сограждане, и рабство, и мученья, 50
И горшкую из язв — свои пороки,
Чей тихий яд все губит в человеке,
И плоть и душу! Между тем, как дома,
Где личное достоинство и мощь
Зарыты в Комитетах, Учрежденьях, 55
Ассоциациях, Палатах, — праздный
Цех пустословия и пересказов,
Союз ревнителей взаимной лести, —
Благопристойно, словно в час молитвы,
Мы пили скверну в чаше изобилья; 60
Не признавая ничьего господства,
Мы торговали жизнью и свободой

Несчастных, как на ярмарке! Слова
 Христовы, что еще могли бы
 Пресечь погибель, сказанные мудро, 65
 Бормочутся людьми, чей самый голос
 Твердит, как им их ремесло постыло,
 Иль зубоскалами, которым лень
 Признать их ложью иль постичь их правду.
 О богохульство! Книга Жизни стала 70
 Орудьем суеверия; на ней
 Лепечут клятвы, с мыслью их нарушить;
 Должны все клясться — все, повсюду, в школе,
 На пристани, в совете, на суде;
 Все, все должны — мздоимец и мзгодатель, 75
 Купец и стряпчий, пастор и сенатор,
 Богатый, бедный, юноша, старик;
 Все, все готовы к вероломству, веру
 Призвав на помощь; имя божье стало
 Фиглярским заклинаьем; и, ликуя, 80
 Из своего угрюмого гнезда
 (Зловещий облик!) Филин Атеизм,
 Взлетев на мерзких крыльях, белым днем,
 Смыкает веки с синими краями
 И, чуя солнце царственное в Небе, 85
 Взывает: «Где оно?»

Ценить отвыкнув
 Мир, огражденный флотом и морями,
 Не зная бранной жизни, мы любили
 Будить войну, увлечены войной!
 Увы! не ведав, в ряде поколений, 90
 Ее злосчастий (голода, чумы,
 Осад, сражений, бегства в снег и в стужу),
 Мы, всем народом, требовали громко
 Войны и крови; буйная забава,

Нам, зрителям, она была приятным 95
Предметом для бесед. Не помышляя
О нами не испытанных невзгодах,
Не думая о случае, хоть он
Настолько темен, что нельзя найти
Ему причины явственной, — повсюду 100
(Снабдив велеречивым предисловьем
И призываньем бога в небесах)
Мы слали повеленья умереть
Десяткам тысяч! Юноши, и девы,
И женщины, что плачут, если лапку 105
Сломать жуку, читают про войну —
Излюбленная к завтраку приправа!
Несчастный, знающий слова святы
Лишь по божбе, умеющий едва
Призвать благословение господне, 110
Становится витией, знатоком
Механики побед и поражений,
Всех терминов науки об убийстве,
Которые мы бегло произносим,
Как отвлеченья, как пустые звуки, 115
Что не родят ни образов, ни чувств!
Как будто павший воин не был ранен;
Как будто ткань богоподобной плоти
Рвалась без муки тягостной; как будто
Несчастный, легший на кровавом поле, 120
Был не убит, а вознесен на небо;
Как будто мертвого вдова не кличет
И бог не судит! Потому идут
На нас дни бед, сограждане мои!
Что, если отомщающий, всеильный, 125
Всем воздающий промысл нам откроет
Смысл наших слов, заставит нас постичь
Безумие и пустоту всех наших

Жестоких дел?

О, не спеши карать,
 Отец небесный! Не спеши карать нас! 130
 Не дай изведать нашим женам бегство
 Под непосильным бременем малюток,
 Любимых деток, что вчера смеялись
 У их груди! Мужья, сыны и братья,
 Покоившие нежный взгляд на тех, 135
 Кто с вами рос у очага родного,
 Вы все, внимавшие субботним звонам
 Не с мертвым сердцем, станьте ныне чисты!
 Вперед! как мужи! отразить врага
 Безбожного, пустой, но злобный род, 140
 Который честь поносит, сочетая
 С убийством радость; и, суля свободу,
 Сам слишком чувственный, чтоб быть свободным,
 Свет жизни гасит, убивает в сердце
 Надежду, веру, все, что утешает, 145
 Что возвышает дух! Вперед! И сбросим
 Их рать на возмущенный океан,
 И пусть она качается в волнах,
 Как жалкий сор, что с наших берегов
 Смел горный вихрь! И если б нам вернуться 150
 Не в упоенье славы, но со страхом,
 Раскаявшись в ошибках, пробудивших
 Врагов свирепых ярость!

Я сказал,
 О братья! О британцы! Я сказал
 Вам злую правду, но не злобой движим 155
 И не мятежным, неуместным рвением;
 В том нет прямого мужества, кто, прячась
 От совести, боится увидеть

Свои пороки. Все мы слишком долго
Питались заблужденьями! Одни, 160
Томясь враждой неутолимой, ждут
Всех перемен от смены управленья;
Как будто правящая власть — одежда,
К которой наши бедствия пришиты,
Как кружева и ленты, и с одеждой 165
Их можно снять. Другие слепо ждут
Всем язвам исцеленья от немногих
Ничтожных слуг карающей Десницы,
Займствующих качества свои
От наших же грехов и беззаконий, 170
Их воспитавших. Третьи, между тем,
Объяты буйным идолопоклонством;
И все, кто не падет пред их богами
И им молитв не вознесет, — враги
Отечества!

Таким сочтен и я. — 175
Но, о Британия! родимый остров!
Ты всех имен дороже и святей
Мне, сыну и товарищу, и брату,
И мужу, и отцу, который чтит
Все узы чувства и нашел их все 180
В окружии твоих скалистых взморий.
Моя Британия! родимый остров!
И как не быть тебе святой и милой
Мне, от твоих озер и облаков,
Холмов, долин, утесов и морей 185
Впивавшему, пока себя я помню,
Всю сладость чувств, все благородство мыслей,
Все обожание творца в природе,
Все, что родит любовь и преклоненье,

Что духу смертному дает вкусить 190
 Грядущей жизни радость и величье?
 В моей душе нет образов и чувств,
 Мне не внушенных родиной! Прекрасный
 И благодатный остров! Мой единый,
 Величественный храм, где я брожу 195
 Благоговейно и с высокой песнью,
 Любя творца! —

О, если бы мой страх
 Сыновний был напрасен! и угрозы
 И похвальба свирепого врага
 Прошли, как вихрь, что прошумел и замер 200
 Среди дерев и, слышный в отдаленье,
 Здесь, меж холмов, не преклонил травы.

Но вот уже роса далеко шлет
 Плодовый запах золотого дрока:
 Простился свет с вершиною холма, 205
 Но озарен еще лучом наклонным
 Маяк, плющом обвитый. До свиданья,
 О ласковый, безмолвный уголок!
 Тропой зеленой, вереском холмов
 Иду домой; и вдруг, как бы очнувшись 210
 От угнетавших душу мне предчувствий,
 Себя я вижу на высоком гребне
 И вздрагиваю! После одиноких
 Часов в спокойной, замкнутой ложбине
 Вся эта ширь — и сумрачное море, 215
 Свинцовое, и мощное величье
 Огромного амфитеатра тучных
 Поросших вязами полей — подобна
 Содружеству, ведущему беседу
 С моим сознанием, взвихривая мысли! 220

А вот и ты, мой милый Стоуи! Вижу
И колокольню, и четыре вяза
Вокруг жилища друга моего;
За вязами, неразличим отсюда
И мой смиренный дом, где мой ребенок 225
И мать его живут в тиши! Проворным
И легким шагом я иду туда,
Зеленый дол, тебя припоминая
И радуясь, что тишиной природы
И одинокой думой смягчена 230
Моя душа и стала вновь достойна
Хранить любовь и скорбь о человеке.

Незер-Стоуи, апреля 20, 1798. (М. Л. Лозинский)

СОЛОВЕЙ

Поэма-беседа, апрель 1798 г.

День отошедший не оставил в небе
Ни облака, ни узкой полосы
Угрюмого огня, ни смутных красок.
Взойдем сюда, на этот старый мост.
Отсюда видно, как блестит поток, 5
Но струй не слышно; он течет бесшумно
По мягкому ковру травы. Все тихо,
Ночь так спокойна! И хоть звезды тусклы,
Подумаем о шумных внешних ливнях,
Что радуют зеленый мир, и мы 10
Найдем отраду в тусклом свете звезд.
Но слушайте! Вот соловей запел.
«Звучнейшая, печальнейшая» птица!
Печальнейшая птица? Нет, неправда!
Нет ничего печального в Природе. 15
То, верно, был ночной скиталец, с сердцем,
Пронзенным памятью о злой обиде,
Недуге давнем иль любви несчастной
(Собой, бедняга, наполнявший все
И слышавший в нежнейших звуках повесть 20
Своей же скорби), иль ему подобный,
Кто первый назвал эту песнь печальной.
И этой басне вторили поэты,
Которым, чем за рифмами гоняться,
Гораздо лучше было бы прилечь 25
На мху лесной лощины, у ручья,
При солнце или месяце, внушеньям
Живых стихий, и образов, и звуков
Всю душу отдавая, позабыв
И песнь свою, и славу! Эта слава 30

Тонула бы в бессмертии Природы, —
Удел достойнейший! — и эта песнь
С Природой бы слилась, и как Природу
Ее любили бы. Но так не будет;
И поэтичнейшая молодежь, 35
Что коротает сумерки весны
В театрах душных, в бальных залах, сможет
По-прежнему сочувственно вздыхать
Над жалобною песнью Филомелы.

Мой друг, и ты, сестра! Открыта нам 40
Другая мудрость: в голосах Природы
Для нас всегда звучит одна любовь
И радость! Вот веселый соловей
Стремит, торопит сладостный поток
Своих густых, живых и частых трелей, 45
Как бы боясь, что тьмы апрельской ночи
Ему не хватит, чтобы песнь любви
Спеть до конца и с сердца сбросить груз
Всей этой музыки!

Я знаю рощу,
Дремучую, у стен высоких замка, 50
Где не живут уже давно. Она
Вся заросла густым хвостником,
Запущены широкие аллеи,
По ним трава и лютики растут.
Но я нигде на свете не встречал 55
Так много соловьев; вдали, вблизи,
В деревьях и кустах обширной рощи
Они друг друга окликают пеньем, —
Где и задор, и прихотливость лада,
Напевный рокот и проворный свист, 60
И низкий звук, что всех других отрадней, —
Такой гармонией волнуя воздух,

Что вы, закрыв глаза, забыть готовы,
 Что это ночь! Меж лунными кустами
 С полураскрытой влажною листвою 65
 Вы по ветвям увидите сверканье
 Их ярких, ярких глаз, больших и ярких,
 Когда лампаду страстную затеплит
 Светляк во мраке.

Молодая дева,
 Живущая в своем радушном доме 70
 Поблизости от замка, в поздний час,
 (Как бы служа чему-то в этой роще,
 Что величавей, чем сама Природа)
 Скользит по тропам; ей давно знакомы
 Все звуки их и тот летучий миг, 75
 Когда луна за облако зайдет
 И смолкнет все кругом; пока луна,
 Вновь выплывая, не пробудит властно
 И дол, и твердь, и бдительные птицы
 Не грянут разом в дружном песнопенье, 80
 Как если бы нежданный ветер тронул
 Сто небывалых арф! Она видала
 Порой, как соловей сидит, вертясь,
 На ветке, раскачавшейся от ветра,
 И в лад движенью свищет, ошалев, 85
 Шатаемый, как пьяное Веселье.

С тобой, певец, до завтра я прощаюсь,
 И вы, друзья, прощайте, не надолго!
 Нам было хорошо помедлить тут.
 Пора и по домам. — Вновь эта песнь! 90
 Я был бы рад остаться! Мой малютка,
 Который слов не знает, но всему
 Забавным подражает лепетаньем,
 Как бы сейчас он к уху приложил

Свою ручонку, оттопырив палец, 95
Веля нам слушать! Пусть Природа будет
Ему подругой юности. Он знает
Вечернюю звезду; раз он проснулся
В большой тревоге (как ни странно это,
Ему наверно что-нибудь приснилось); 100
Я взял его и вышел с ним в наш сад;
Он увидал луну и вдруг умолк,
Забыв про плач и тихо засмеялся,
А глазки, где еще дрожали слезы,
Блестели в желтом лунном свете! Полно! 105
Отцам дай говорить! Но если Небо
Продлит мне жизнь, он будет с детских лет
Свыкаться с этой песнью, чтобы ночь
Воспринимать, как радость. — Соловей,
Прощай, и вы, мои друзья, прощайте! 110

ГЕНДЕКАСИЛЛАБЫ В ДУХЕ КАТУЛЛА

Дорогая, внемли милетской сказке!
Обдуваем ветрами, в кущах лавра,
Храм, мерцаая, над мысом возвышался;
И вставал в тонкой дымке над волнами, 5
Богом стад сотворен, прекрасный остров.
И с его берегов, суровых, дальних,
Часто челн доплывал при лунном свете
До пещеры, в подножье мыса скрытой,
Где средь миртов тропинка извивалась 10
И вела к рощам лавра возле храма.
Там, средь роз, Киферее посвященных,
Часто жрица, прелестна, как виденье,
Душу сыну богини изливала,
Утлый челн умоляла не оставить
И незримо по сумеречным волнам 15
Направлять, чтобы вновь пловец отважный,
Трепеща, мог поникнуть ей на лоно.

1799 (?).

(В. В. Рогов)

МЫСЛИ ДЬЯВОЛА

I

Дьявол утром, с серного ложа восстав,
Покинул пределы ада:
На Землю — на ферму свою — поглядеть
И узнать, как живет его стадо.

II

По горам он шел, по долам шагал, 5
Полезной прогулке рад,
И длинным хвостом непрестанно махал,
Как тростью машет фат.

III

Каков же дьявол был на вид?
О! По-воскресному франтовит: 10
Сюртук из алого сукна,
А в штанах дыра для хвоста видна.

IV

Он увидал: у конюшни бьет
Палкой змею адвокат,
И черту припомнились в тот же миг 15
Авель и его брат.

V

Ехал аптекарь на белом коне
По делу, и, как ни странно,
Дьявол припомнил друга: Смерть
В Откровениях Иоанна. 20

VI

Увидев, коттедж, а при нем
 Для двух карет помещенье,
 Ухмыльнулся черт: он всегда одобрял
 Паче гордости униженье.

VII

Букинисту богатому дьявол сказал: 25
 «Одинаковы наши призванья!
 Я сам когда-то сидел, как баклан,
 Возле Древа Познанья» ^{1*}

VIII

Черт увидел, как рыла яму свинья 30
 И сама же в нее попала;
 «Она похожа, — нечистый изрек, —
 На коммерцию Англии в нынешний век —
 Меж ними разницы мало».

IX

Ряд одиночных камер предстал 35
 В Колд-Батской тюрьме перед ним,
 И нечистый был рад: он способ узнал,
 Как усилить в аду режим.

X

Там тюремщик узника заковал
 Во мгновение ока в оковы.

^{1*} Мистер Джон Мильтон, этот интереснейший из биографов дьявола, приводит этот анекдот в своем «Потерянном Рае», а здесь мы имеем собственное свидетельство самого дьявола относительно верности и точности этого анекдота.

«Что значит практика! — дьявол
изрек. — 40
Раз-два — и готово!»

XI

И тот же страж отсидевших срок
Не спешил отпускать из-под кровли,
И черту припомнился долгий дебат
Об отмене работорговли. 45

XII

Он знакомую старую увидал:
На моленье она спешила
К методистам в часовню, и дьявол ей
Поклонился учтиво и мило.

XIII

Нос она задрала и сказала ему: 50
«Изыди! Крепка моя вера!»
И стала облизываться, воззрясь
На какого-то кавалера.

XIV

Он видел, как одив министр,
Давно уж им любим, 55
В Палату некую прошел,
А большинство — за ним.

XV

И вспомнил из Писанья черт
О том, как в оный век
В сопровожденье гадов Ной 60
Прошествовал в ковчег.

XVI

Стал бедных грабить черт
Для богатого господина,
Одному шотландцу он руку пожал,
Не пугаясь сукина сына. 65

XVII

Увидев, как некий генерал
Багровеет, накачан вином,
Нечистый в пекло заспешил;
Ошибся дьявол: он решил,
Что все горит кругом. 70

1799.

(В. В. Рогов)

ЛЮБОВЬ

Восторги, страсти и мечты,
Все, что волнует нашу кровь, —
Питает ясный, чистый свет
Твоих лампад, Любовь.

Мне часто снится наяву 5
Воспоминанье дней былых,
Когда лежал я на холме
У башен вековых.

С зарей мешался блеск луны 10
И предо мной стояла дева, —
Моя надежда и любовь,
Мой ангел — Женевьева.

Я пел, и слушала она,
Облокотясь у изваянья
Стального рыцаря — в лучах 15
Закатного сиянья.

Так мало горя и забот
В душе у юной Женевьевы,
Но любо слушать ей мои 20
Печальные напевы.

Я пел ей повесть старины.
Рассказ был мрачен и печален,
Суров и дик, как скорбный вид
Седеющих развалин.

Она внимала, глядя ниц, 25
В румянце нежного смущенья,

Боясь взглянуть и встретить взгляд
Любви и восхищенья.

О скорбном рыцаре гласил 30
Рассказ далекой старины
Как обожал он десять лет
Принцессу той страны.

Как он страдал. . . Но мой напев
Подобен страстной был мольбе,
Как будто пел я о другом, 35
А думал о себе.

Она внимала, глядя ниц,
С волненьем пламенным в крови,
Прощая пристальный мой взгляд,
Исполненный любви. 40

Когда ж я пел, с каким стыдом
Был верный рыцарь прогнан прочь,
И, обезумев, в чащах гор
Скитался день и ночь,

Как выходя из темных нор, 45
Иль выбегая из дубрав,
Иль возникая в блеске дня
Среди зеленых трав, —

Как у разбойников отбил
Безумец даму в поздний час, — 50
Не зная сам, кого от мук
И от позора спас.

И как, в раскаянье обвив
Колена рыцаря рукой,
Пыталась леди возвратить
Душе его покой. 55

И в тихий грот его взяла
И не смыкала ночью глаз,
Пока в себя он не пришел —
Увы, в предсмертный час, 60

И прошептал. . . Но лишь достиг
Я скорбной повести предела,
И, дрогнув, голос мой упал
И арфа онемела, —

Все то, что властно над душой,
Объяло сердце Женеьевы:
Волшебный вечер, мой рассказ,
И скорбный вздох напева, 65

И дум и чувств неясный рой,
И страх, дающий жизнь надежде,
И все желанья, глубоко
Подавленные прежде, — 70

Все потрясло ее до слез —
Любви, восторга, состраданья. . .
И шепот с губ ее слетел —
Чуть слышный, как дыханье. 75

Она звала меня — и грудь
Ее вадымалась молодая.
Поймав мой взгляд, она ко мне
Приблизилась, рыдая. 80

Руками шею обвила,
Приникла робко и несмело,
И мне украдкой в лицо,
Откинувшись, смотрела.

То страсть была — и страх, и стыд, ⁸⁵
И было робкое стремленье
Тесней прижать младую грудь —
И скрыть ее волнение.

Но успокоенная мной,
В своей любви призналась дева ⁹⁰
И с той поры она — моя,
Мой ангел — Женева!

УНЫНИЕ: ОДА

*Вчера молодую я видел луну
Со старой лунной на руках.
Мы на море можем попасть в беду,
Мне душу тревожит страх.
Баллада о сёре Патрике Спенсе *.*

I

О, если прав был бард, что до сих пор
Балладою о Спенсе знаменит,
То ночь спокойная не избежит
Тех ветров, что готовят ей разор —
Они страшней, свирепей ветерка, 5
Что плача, лепит в небе облака;
Эола лютия жалобно бренчит —
Пусть лучше замолчит!
Вот новая луна встает
И озаряет небосвод, 10
Она мерцает в сумраке ночном,
Как будто затканная серебром.
На лоне новой — старая луна
Вещает мне, что близок бурный шквал.
Скорей бы стала ночь грозой полна, 15
Скорей бы шумный ливень захлестал!
Тот грохот, что в былом меня страшил,
Но дух мой возносил,
Как встарь, меня, быть может, посетит,
Мою тупую боль разбередит. 20

II

Без боли горе, сердца сон тупой,
Души унынье, пустота и мрак —

* Перевод О. Б. Румера

Наружу не прорваться им никак
 Словами, вздохом иль слезой. . . 25
 Любимая! Уныло, как всегда,
 Не пробужден напевами дрозда,
 Весь этот вечер в думы погружен,
 Смотрел я на пылающий закат,
 На изжелта-зеленый небосклон,
 И всё смотрю — но безучастен взгляд! — 30
 На стаю тучек, что легко парят
 И звездам бег стремительный дарят;
 На звезды, что скользят меж легких туч —
 И то сверкнет, то гаснет яркий луч;
 На тонкий полумесяц, что застыл 35
 В лазури без туманов и светил —
 Мне ясно эта красота видна,
 И все ж души не трогает она!

III

Я сломлен, угнетен,
 Последних сил лишен — 40
 Не снять с груди убийственную кладь!
 Грустна душа моя,
 Хоть вечно стал бы я
 На луч зеленый в небесах взирать;
 Да, безнадежный труд — искать волны 45
 Ту жизнь и ту любовь, чьи корни —
 в глубине.

IV

Мы то лишь получаем, что даем,
 Жива Природа с нашим бытием:
 Мы и фату и саван ей дарим!
 И если нечто явится для нас 50
 Ценней того, что в хладном мире зрим
 Подачкой страждущим сынам земным —

Сама душа должна явить в тот час
Сиянье, облак, пламенем палим,
Чтобы Земля им облеклась — 55
И пусть раздастся, сладок и высок,
Самой душою порожденный глас,
Всех сладких звуков на земле исток!

V

О сердцем чистая! Ты поняла,
Откуда эта музыка сошла! 60
Откуда он и кем он дан —
Сей облак, сей светящийся туман,
Что одаряет щедро красотой.

О дорогая! То отрада, знай,
Что только к чистым сходит в час
святой, 65

И облако и ливень дождевой,
Что дух упоевает красотой,
Даря душе, с природою слитой,
Иную землю, новый рай, 70
Каких для гордых и греховных нет,
Отрада — нежный глас, отрада — свет
Сокрыта в нас, мой друг!
Там и слышна и зрима красота,
И тех мелодий эхо — каждый звук,
Того сиянья отблеск — все цвета. 75

VI

В былые дни, хотя мой путь был крут,
Я часто скорбь веселостью борол
И знал, что сны Фантазии соткут
Мне счастье из одолевавших зол. 80
Я был увит надеждой, как лозой,
И мне моим казался плод любой.
А ныне я придавлен грузом бед,

Мне безразлично, что веселья нет
 И отнимает каждый час
 То, что всегда внимал я с детских лет: 85
 Воображения узывный глас.
 Одно могу я: стойко пренебречь
 Мученьями рассудка моего
 И, может быть, из сердца вон извлечь 90
 Природное людское естество —
 Не надобно мне больше ничего.
 Да, часть бывшая целое мертвит,
 И я почти привык к тому, что ум язвит.

VII

Прочь, мысли-змеи! Не душите ум,
 Что явью удручен! 95
 Как воеет ветер, злобен и угрюм,
 Дотоле незаметный! Что за стон,
 Как бы рожденный пыткой, летит
 С дрожащей лютни! Как струна звенит!
 Утесы, тэйрн¹*, грозой разбитый
 ствол, 100
 Сосновый бор, не тронут топором
 Или приют колдуны, ветхий дом,
 Твоим порывам лучше б подошел,
 Безумный лютник! Ты порой дождей,
 Побегов первых, дремлющих полей 105
 Устроить пир для Дьявола готов
 Среди листвы, бутонов и цветов.
 О яростный трагический Актер!
 До исступленья дерзостный Поэт!

* Тэйрнами обычно, если не всегда, называют высокогорные озера, питающие водою озера в долинах. Это обращение к грозному ветру не покажется экстравагантным тем, кто слышал его ночной порою и в гористой местности.

Что в голосе твоём?
Вещаешь ты о поле боевом, 110
Где льется кровь, рокочет стонов хор,
Где избавления от лютой смерти нет!
Но чу! Как тихо! Грозный рокот смолк,
Стенанья трепетные не слышны,
Совсем утихли вопли в темноте, 115
Повествованием иным заменены!
Не Отвэй ли сейчас
Ведет простой рассказ
О робкой крошке, сбившейся с пути? 120
Хоть близок дом родной,
Но в темноте ночной
Не в силах девочка его найти,
И то чуть слышно примется стенать,
То громко закричит, чтоб услышала мать. 125

VIII

Полночный час — но сон ко мне нейдет,
Пусть милая не ведает забот!
О нежный Сон! Ее овей крылом,
Ты, ливень, жажду почки утоли!
Пусть звезды озарят подруги дом, 130
Храня покой почиющей Земли!
Восстанет пусть она
Веселою от сна,
И голоса ее да будет весел звук;
Пусть все живет, чем полон мир большой, 135
Оживлено ее живой душой!
Дух безыскусный, свыше вдохновен,
Будь радостна, живи, не зная мук,
Любовь моя, мой добрый, верный друг.

ГИМН ПЕРЕД ВОСХОДОМ СОЛНЦА В ДОЛИНЕ ШАМОНИ

Кроме рек Арвы и Арвейрона, которые берут начало у подножия Монблана, по его склонам стремительно сбегают пять потоков; и в нескольких шагах от ледников во множестве растет *Gentiana major* с прелестнейшими голубыми лепестками.

Или ты властен горный бег денницы
Заворожить? Пока она стоит
Над страшной головой твоей, Монблан,
У ног твоих и Арвейрон, и Арва
Гремят немолчно; ты же, грозный облик! 5
Встаешь из моря молчаливых сосен
Так молчаливо! Над тобой, вокруг,
Глубок, и черен, и веществен воздух,
Сплошная тьма: и мнится, ты в него
Вонзаешь клин! Но если вновь взгляну я, 10
Он — твой спокойный дом, хрустальный храм,
Он — вековая твоя обитель!
О грозный, тихий! На тебя смотрел я,
Пока, еще доступный чувствам плоти,
Ты не исчез для мысли: в созерцанье
Я обожал Незримое одно. 15

Как сладостный напев, такой отрадный,
Что мы ему, не сознавая, внемлем,
Ты, между тем, с моей сливался мыслью,
С моею Жизнью, с тайным счастьем Жизни,
Пока Душа, восхищена, разъята, 20
Переливаясь в мощное виденье,
Как в свой же образ, не рванулась в Твердь!

Проснись душа! Ты большую хвалу
Должна воздать! не только эти слезы,
Немой восторг и благодарный трепет! 25
Проснись, о песнь! Проснись, проснись же, сердце!
Долины, скалы, пойте все мой Гимн.

Ты прежде всех, единый царь Долины!
Ты, что со мраком борешься всю ночь,
Ты, что всю ночь встречаешь рати звезд, 30
Всходящих ввысь и нисходящих долу;
Друг на рассвете утренней звезды,
Сам алая звезда и соглашатай
Зари: проснись, проснись и пой хвалу!
Кто опустил твои основы в Землю? 35
Кто алым светом напоил тебя?
Кто из тебя кипенье рек исторг?

И вы, пять дико радостных потоков!
Кто вас воззвал из сумрака и смерти,
Из ледяных и темных недр воззвал 40
И ринул вниз с зубчатых черных круч,
Всегда дробимые и вечно те же?
Кто дал вам жизнь, которой нет конца,
И мощь, и прыть, и бешенство, и радость,
Немолчный гром и блеск бессмертной пены? 45
И кто велел (и стала тишина)
Здесь стихнуть волнам и оцепенеть?

Вы, Ледники! с чела высоких тор
Свисающие вдоль огромных рытвин —
Как бурный ток, внезапно мощным словом 50
Удержанный в неистовом паденье!
Замершие, немые водопады!
Кто вас украсил, как Врата Небес,
Под ясною луной? Кто молвил солнцу

Одеть вас радугой? Кто синей вязью 55
 Живых цветов подножье вам убрал? —
 Бог! пусть ответят, словно клич народов,
 Потоки! Ледники пусть вторят, бог!
 Бог! пойте звонко, луговые воды!
 Вы, сосны, пойте, как живые души! 60
 Есть голос и у них, у снежных глыб,
 Они, свергаясь, прогрохочут, бог!
 Вы, синие цветы у вечных льдов!
 Вы, козы, в играх у орлиных гнезд!
 И вы, орлы, друзья вершинных гроз! 65
 Вы, молнии, косые стрелы туч!
 Вы, чудеса и знаменья природы!
 Взывайте — бог, пусть все звучит хвалой!

И ты, Монблан, с ушедшей в небо гранью, 70
 По чьим снегам неслышная лавина
 Несется вниз, сверкая в чистом свете,
 В пучину туч, облекших грудь твою, —
 Ты, непомерный Исполин, который,
 Когда я голову подъямлю, тихо
 Склоненную, к твоей вершине, долго 75
 Скользя глазами, мутными от слез,
 Величественно, как воздушный облак,
 Встаешь ты предо мной, — вставай же вечно,
 Вставай, как дым кадильный от Земли! 80
 Державный Дух, воссевший между гор,
 Посол Земли перед безмолвной Твердью,
 О Иерарх! поведай небесам,
 Поведай звездам и поведай солнцу,
 Что славит бога, сонмом уст, Земля! 85

НАДПИСЬ ДЛЯ СТЕПНОГО РОДНИКА

Платан, звенящий пчелами, подобен
Намету патриархов! Пусть всегда
Его седые ветви осеняют
Источник малый с круглым водоемом,
Куда нависший камень преграждает 5
Листве опавшей путь! Пусть ключ всегда,
Тих, как дыханье спящего младенца,
Стремит размерно ледяную влагу
Для путника! Пусть непрестанно пляшет
Песок, завитый конусом, на дне, 10
Веселый, как прислужник фей, поверхность
Спокойных вод не покрывая рябью.
Прохлада здесь, и сумерки, и тень,
И мягкий мох — удобное сиденье.
Вблизи второго дерева не сыщешь. 15
Испей, скиталец! Отдохни! И если
Невинен сердцем ты — здесь освежишь
Твой дух, внимая еле слышным звукам —
Иль ветерку или гуденью пчел!

ПЕСНЯ

Из «Запольи»

Я увидала столб огня,
До неба вознесенный.
В нем птичка реяла, звеня, —
Певец замороженный.

В тумане светлом утонув, 5
Он вился, ярк и лучист,
Глаза — огонь, червонный клюв,
А перья — аметист.

И так он пел: «Прости, прости!
О прошлом не грусти. 10
Цветов увядших не вернуть,
Росинкам дважды не сверкнуть.
Май, счастлив будь!
Пора нам в путь,
В далекий путь! 15
Прощай! Забудь!»

ТРУД БЕЗ НАДЕЖДЫ

Строки, написанные 21 февраля 1825 г.

Природа трудится. Пчела гудит,
Ползет улитка, птица бьет крылом.
На воздухе Зима с улыбкой спит:
Приход Весны ей грезится за сном.
Лишь я томлюсь в бездействии немом,
Не собираю мед, не строю дом.

5

Но помню я цветущие брега,
Где ключ, как нектар, льется сквозь луга.
Цветы, цветите для кого-нибудь —
Не для меня! Ручьи, стремитесь в путь!
Уста замолкли, без венца чело —
Что ж душу на дремоту обрекло?
Труд без надежды в сито нектар льет,
Надежда же без цели не живет.

10

1825.

(В. В. Розов)

- Представьте мысленно на миг 26
В саду любительницу книг, —
Предутренный цветок, —
Меж тем, как из небесных сфер
Алмазный блещет Люцифер,
Венчающий восток; 30
Среди смятенных полчищ звезд,
Надменный, только он
Остался встретить рать лучей,
Объявших небосклон.
- О, Элис знала много книг, 35
И был в руках у ней
Рассказ Назона про богов
И смертных и зверей.
Язвительная речь посла
Отравой душу ей прожгла; 40
Но Элис от страниц
На сэра Хью не подняла
Презрительных ресниц.
«Предатель, прочь! Твой взор нечист
Перед моим лицом! 45
И как лорд Джульен мог ко мне
Прислать тебя гонцом?
- Стрелку проворному ответь,
Что тихий путь верней;
Я ставлю здесь другую сеть, 50
И для других зверей».
- С улыбкой мрачной отошел
От девушки вассал,
Как средь пучин от корабля
Отходит грузный вал, 55

И тот, ныряя вглубь, замрет,
Ударом сотрясен,
И тяжело продолжает путь,
И скрип его — как стон.

Казалась Элис смущена 60
Насмешкой колкой болтуна;
Но отлетел дурман,
И вот уже в плаще она
И за плечом колчан..

Терновый куст стоит в цвету, 65
Мы видим веток черноту
В туманный ранний час;
Но в солнце тающая мгла
Стоцветным блеском расцвела,
И каждый лист — алмаз! 70

Слеза в улыбку перешла,
И снова Элис весела,
Ей сладок клич погонь.
Хип! Флорьен, хип! Коня, коня!
Где мой любимый конь? 75

Они уж вышли зверя гнать.
Мой мальчик, торопись!
Лорд Джульен не любитель ждать:
Кто опоздал, держись!»

Тот Флорьен был испанский паж, 80
Красив лицом и смел.
Он горд и счастлив был вполне,
Скача за Элис на коне,
Но, шлейф неся, краснел.

И вот они летят вдвоем 85
Светло вокруг. У Элис лук
И вырезной колчан.
За нею с радостным лицом
Играет в воздухе копьем
Веселый мальчуган. 90

И если бы на миг она
Не задержала скакуна,
Взглянуть навстречу дню,
Как солнце приняло вдали
Прощальный поцелуй земли, 95
Они б настигли Хью.

Случилось, что по той тропе,
Где Джульен поджидал,
Соседний рыцарь, запоздав,
К охотникам скакал. 100
И Джульен должен был в сердцах,
Сопутствовать ему:
С невестой только сговорен,
Не мог найти предлога он
Остаться одному. 105

Он мял перчатку, хмурил бровь,
Кусая губы чуть не в кровь,
Не в силах избрести исход.
Увы, но так уж повелось:
Любовь и гордость ходят врозь. 110
А всякой гордости любовь
Простую смелость предпочтет!

Был у опушки свод дерев
Просторен и высок.
Там, как в обители монах, 115

Шагая, петь бы мог.
Из-под его густой листвы,
Где полумгла и тень,
Манил зеленый шелк травы,
Зеленый, светлый день. 120

И здесь лорд Джульен сел в седло;
Поодаль стали в круг
Вассалы и домашний люд;
Псы в нетерпении своры рвут,
Копыта топчут луг. 125

Доехав до поляны, Хью
Пришпорил между трав
И стал за Джульеном в строю,
Ни слова не сказав.

Лорд Джульен повернул коня 130
«Что? Элис не склонна
Принять любезный ваш покров?
Иль на поле, боясь лесов,
Подъедет к нам она?»

Ему угрюмо отвечал, 135
Косясь по сторонам, вассал:
«Нет, нам не стоит ждать!

Ее ответ и мой рассказ
Навряд ли позабавят вас,
И я бы рад молчать. 140

Я прибыл рано. У ворот
Еще висел засов.
Я только две живых души
Застал в тени садов.

«Меня не ждали; и меня 145
Не встретили тепло;

В густой беседке я нашел
Дочь старого Дю Кло.

«Да что там! Небогатый клад
Не жалко и терять. 150
Не мне девичью болтовню
Пред вами повторять».

«В чем дело? — вскрикнул Джульен; боль
Свела черты его лица.
И речь коварную вассал 155
С притворным гневом продолжал:
«Не хмурьтесь: Кто к чему готов:
Умею вабить соколов,
Не женские сердца.

«Она сказала мне: «Ответь, 160
Что тихий путь верней.
Я ставлю здесь другую сеть,
И для других зверей».

«Но я игру прелестных глаз,
Ей-богу, разгадал тотчас: 165
Простился, ухожу,
Оглядываюсь наугад, —
Миледи дарит долгий взгляд
Нарядному пажу».

Едва предательских речей 170
Последний звук умолк, —
Меж двух дубов, от смеха пьян,
Веселый мчится мальчуган
Одетый в черный шелк.

Конь непокорен седоку, 175
А тот кричит на всем скаку,

Оборотясь туда,
Где слышен чей-то звонкий смех:
«Не мой, миледи, это грех,
Конь захотел сюда». 180

И вот за ним, во весь опор —
Смотрите! Что за ясный взор!
Какое гордое чело!
Тебе бы только серп луны,
Чтоб стать Дианой старины, 185
Дочурка славного Дю Кло.

Темнее сна, лорд Джульен ждал,
Быстрее сна, к нему скакал
Конь Элис в блеске дня!
Пропела меткая стрела, 190
Не вскрикнув, Элис замерла
И покатилась из седла,
В крови, к ногам коня.

1882 (?).

(М. Л. Лозинский)

ДОПОЛНЕНИЯ

ПОЭМА О СТАРОМ МОРЯКЕ

Часть первая

- Старый Моряк
встречает трех
юношей,
званных на
свадебный
пир, и
удерживает
одного.
- Старик Моряк, он одного
Из трех сдержал рукой.
«Что хочешь ты, с огнем в глазах,
С седою бородой?»
- Открыты двери жениха, 5
И родственник мне он;
Уж есть народ, уж пир идет,
Веселый слышен звон».
- Но держит все его старик: 10
«Постой, корабль там был. . .»
«Пусти седобородый лжец».
Старик его пустил.
- Свадебный
Гость
зачарован
глазами
старого
мореплава-
теля и
принужден
выслушать
его рассказ.
- Вперил в него горящий взор.
Гость — дальше ни на шаг,
Ему внимает, как дитя, 15
Им овладел Моряк.
- Присел на камень Брачный Гость
И головой поник;
И начал с пламенем в глазах 20
Рассказывать старик.
- «Корабль плывет, толпа кричит,
Оставить рады мы
И церковь, и родимый дом,
Зеленые холмы.
- Моряк
рассказывает,
как корабль
плыл к югу
при хорошем
ветре и тихой
- Вот солнце слева из волны 25
Восходит в вышину,
Горит и с правой стороны
Спускается в волну.

- погоде, пока
не прибли-
зился
к Экватору. Все выше, выше с каждым днем
Над мачтою плывет. . .» 30
Тут Гость себя ударил в грудь,
Он услышал фাগот.
- Свадебный
Гость слышит
музыку;
но Моряк
продолжает
свой рассказ. Уже вошла невеста в зал,
И роз она милей,
И головы веселый хор 35
Склоняет перед ней.
- И Гость себя ударил в грудь,
Но дальше ни на шаг.
И так же, с пламенем в глазах,
Рассказывал Моряк. 40
- Корабль
унесен
штормом
и Южному
полюсу. «Но вот настиг нас шторм, он был
Властителен и зол,
Он ветры встречные крутил
И к югу нас повел. 45
- Без мачты, под водою нос, 45
Как бы спасаясь от угроз
За ним спешащего врага,
Подпрыгивая вдруг,
Корабль летел, а гром гремел,
И плыли мы на юг. 50
- И встретил нас туман и снег
И злые холода,
Как изумруд, на нас плывут
Кругом громады льда.
- Страна льда
и пугающего
гула,¹⁴
где не видно
ничего живого. Меж снежных трещин иногда
Угрюмый свет блеснет:
Ни человека, ни зверей, —
Повсюду только лед. 55

- Отсюда лед, оттуда лед,
Вверху и в глубине,
Трещит, ломается, гремит, 60
Как звуки в тяжком сне.
- Наконец
большая
морская
птица,
называемая
Альбатросом,
прилетает
сквозь
снеговой
туман. Ее
встречают
радостно и
гостеприимно.
И вот
Альбатрос
оказывается
добрым пред-
знаменова-
нием и
сопровождает
корабль,
возвращаю-
щийся
к северу
сквозь туман
и плавучие
льды.
- И напоследок Альбатрос
К нам прилетел из тьмы;
Как, если б был он человек, 65
С ним обходились мы.
- Он пиццу брал у нас из рук.
Кружил над головой.
И с громом треснул лед, и вот 70
Нас вывел рулевой.
- И добрый южный ветер нас мчал,
Был с нами Альбатрос,
Он поиграть, поесть слетал
На корабельный нос.
- В сырой туман на мачте он 75
Спал девять вечеров,
И белый месяц нам сиял
Из белых облаков».
- Старый Мо-
ряк, нарушая
гостеприим-
ство,
убивает
птицу, при-
носящую
счастье.
- Господь с тобой, Моряк седой,
Дрожишь ты, как в мороз! 80
Как смотришь ты? — «Моей стрелой
Убит был Альбатрос».

Часть вторая

«Вот солнце справа из волны
Восходит в вышину

- Во мгле, и с левой стороны 85
Уходит в глубину.
- И добрый южный ветер нас мчит,
Но умер Альбатрос,
Он не летит играть иль есть 90
На корабельный нос.
- Товарищи Я дело—адское свершил,
бранят Ста- То было дело зла.
рого Я слышал: «птицу ты убил,
Моряка за то, что он что ветер принесла;
убил птицу, Несчастный, птицу ты убил, 95
приносящую счастье. Что ветер принесла».
- Но когда туман
прояснел, они оправдывают
его поступок и тем самым
приобщаются к его престу-
плению. Когда же солнечным лучом
Зажегся океан,
Я слышал: «птицу ты убил,
Пославшую туман,
Ты прав был, птицу умертвив, 100
Пославшую туман».
- Ветер про-
должается. Корабль
входит в Тихий
Океан и плывет
на север, пока не доходит
до Экватора. Белеет пена, дует ветер,
За нами рябь растет;
Вошли мы первыми в простор, 105
Тех молчаливых вод.
- Стих ветер, и парус наш повис,
И горе к нам идет,
Лишь голос наш звучит в тиши
Тех молчаливых вод.
- Корабль неожиданно
останавли-
вается. В горячих, медных небесах 110
Полднью порой
Над мачтой Солнце, точно кровь,
С Луну величиной.

- За днями дни, за днями дни 115
Мы ждем, корабль наш спит,
Как в нарисованной воде,
Рисованный стоит.
- Месть за Альбатроса начинается. Вода, вода, одна вода. 120
Но чан лежит вверх дном;
Вода, вода, одна вода,
Мы ничего не пьем.
- Как пахнет гнилью — о, Христос! —
Как пахнет от волны,
И твари слизкие ползут 125
Из вязкой глубины.
- В ночи сплетают хоровод
Блудящие огни.
Как свечи ведьмы, зелены,
Красны, белы они. 130
- Их преследует дух, один из незримых обитателей нашей планеты, которые — не души мертвых и не ангелы. И многим снился страшный дух,
Для нас страшней чумы,
Он плыл за нами под водой
Из стран снегов и тьмы.
- В гортани каждого из нас. 135
Засох язык, и вот,
Молчали мы, как будто все
Набили сажей рот.
- Матросы, придя в отчаянье, хотят извалять всю вину на Старого Моряна, в знак чего они привязывают ему на шею групп морской птицы. Со злобой глядя на меня,
И стар и млад бродил; 140
И мне на шею Альбатрос
Повешен ими был».

Часть третья

- Старый Моряк замечает что-то вдали. «Так скучно дни идут. У всех Стекланный блеск в глазах. Как скучно нам! Как скучно нам! Как страшен блеск в глазах! Смотрю вперед, и что-то вдруг Мелькнуло в небесах. 145
- Сперва, как легкое пятно, И как туман потом; 150
Плывет, плывет и, наконец
Явилось кораблем.
- Пятно — туман — корабль вдали, И все плывет, плывет: 155
Как бы по воле духа вод
То прыгнет, то нырнет.
- При приближеньи это оказывается кораблем; и дорогой ценой Морян добывает у Жажды возможность говорить С засохшим, черным языком Кричать мы не могли; Тогда я руку прокусил, Напился крови и завыл: 160
— Корабль, корабль вдали!
- С засохшим, черным языком, В движеньях не тверды, Они пытались хохотать И снова начали дышать, 165
Как бы хлебнув воды.
- Врыв радости и за ним ужас. Ибо разве бывает корабль, плывущий без ветра или течения? — Смотри! — кричал я — как он тих, Не даст он счастья нам; Но без течения, без ветров. Летит он по водам. — 170

- На западе волна в огне,
Уходит день, как дым;
И был над самою волной
Шар солнца недвижим,
Когда чудесный призрак вдруг
Меж нами встал и ним. 175
- Ему кажется,
что это
только скелет
корабля.
- Сквозь снасти Солнце видно нам
(Услышь, Мария, нас!)
Как за решеткою тюрьмы
Горящий, круглый глаз. 180
- Увы! (я думал и дрожал)
Он продолжает плыть!
И неужели паруса —
На Солнце эта нить?
- И рей кажутся
тюремной
решеткой
на лике
заходящего
Солнца.
На борту
корабля-
скелета
только
женщина-
призраки и
смерть,
ее товарищи.
Каково судно,
такова
и команда!
- Пылает Солнце, как в тюрьме 185
Ужели между рей?
И женщина смеется нам? —
Не Смерть ли? И вторая там?
Не Смерть ли та, что с ней?
- Рот красен, желто-золотой 190
Ужасный взор горит:
Пугает кожа белизной,
То Жизнь по Смерти, дух ночной,
Что сердце леденит.
- Смерть и
Жизнь
по Смерти
разыгрывают
между собой
моряков,
и последняя
получает
Старого
Моряка.
- Вот близко, близко подошли 195
И занялись игрой,
И трижды свистнув, крикнул
дух:
«Я выиграл, он мой!»

Нет сумерек
по заходе
солнца. Уж Солнца нет; уж звезд черед:
Недолго вечер был, 200
И с шумом призрачный корабль
Опять в моря уплыл.

Мы слушали, смотрели вновь
И как из кубка, нашу кровь
Точил из сердца страх; 205
Мутнели звезды, мрак густел
Был рулевой под лампой бел;

Восход
месяца. Роса — на парусах.
А на востоке встал тогда
Рогатый месяц, и звезда 210
Запуталась в рогах.

Один за
другим. И каждый месяцем гоним,
Безмолвие храня,
Глазами, полными тоски,
Преследует меня. 215

Его товарищи
падают —
мертвыми. И двести их, живых людей
(А я не слышал слов),
С тяжелым стуком полегли,
Как груда мертвецов.

Помчались души их, спеша 220
Покинуть их тела!
И пела каждая душа,
Как та моя стрела».

Часть четвертая

Свадебный
Гость боится. —Ты страшен мне, седой Моряк
С костлявою рукой! 225

что говорит
с призраком.

Ты темен, как морской песок,
Высокий и худой.

Но Старый
Моряк
уверяет его,
что он жив,
и продолжает
свою ужасную
исповедь.

Страшны горящие глаза,
Костлявая рука, —
«Постой, не бойся, Брачный

Гость: 230

Не умер я пока.

Один, один, всегда один,
Один среди зыбей!
И нет святых, чтоб о душе
Припомнили моей.

235

Он презирает
тварей,
порожденных
затишьем,

Так много молодых людей
Лишились бытия:
А слизких тварей миллион
Живет; а с ними я.

И сердится,
зачем они
живут, когда
столько людей
погибло.

Гляжу на гниль кипящих вод
И отвожу мой взгляд;
Гляжу на палубу потом,
Там мертвецы лежат.

240

Гляжу на небо и мольбу
Пытаюсь возносить,
Но раздается страшный звук,
Чтоб сердце мне сшить.

245

Когда же веки я сомкну,
Зрачков ужасен бой,
Небес и вод, небес и вод
Лежит на них тяжелый гнет,
И трупы под ногой.

250

Но проклятье
ему видно
в глазах
мертвецов.

Холодный пот с лица их льет,
Но тленье чуждо им,
И взгляд, каким они глядят,
Навек неотвратим.

255

Сирот проклятье с высоты
Свергает духа в ад;
Но, ах! Проклятье мертвых глаз
Ужасней во сто крат!

260

Семь дней и семь ночей пред ним
Я умереть был рад.

Подвижный месяц поднялся
И поплыл в синеве:
Он тихо плыл, а рядом с ним
Одна звезда, иль две.

265

Была в лучах его бела,
Как иней, глубина;
Но там, где тень от корабля
Легла, там искрилась струя

270

Убийственно-красна.

При свете
месяца он
в полной
тишине
видит
божьих
тварей.

Где тени не бросал корабль,
Я видел змей морских:
Они неслись лучам во след,
Вставали на дыбы, и свет

275

Был в клочьях снеговых.

Где тени не бросал корабль,
Наряд их видел я, —
Зеленый, красный, голубой.
Они скользили над водой,
Там искрилась струя.

280

Их красота и
их счастье. Они живыми были! Как
Их прелесть описать!
Весна любви вошла в меня,
Он Я стал благословлять: 285
благослов-
ляет их в
сердце своем. Святой мой пожалел меня,
Я стал благословлять.

Чары начи-
нают спадать. Я в этот миг молиться мог:
И с шеи, наконец,
Сорвавшись, канул Альбатрос 290
В пучину, как свинец».

Часть пятая

«О, милый сон, по всей земле
И всем отраден он!
Марии вечная хвала!
Она душе моей дама 295
Небесный милый сон.

По милости
богоматери
Старый Моряк
освежен
дождем. На деле чай один пустой
Случайно уцелел;
Мне снилось, полон он водой;
Проснулся — дождь шумел. 300

Мой рот холодным был и ткань
На мне сырой была;
О, да! Пока я пил во сне,
И плоть моя пила.

Но я ее не замечал, 305
Так легок стал я вдруг,
Как будто умер я во сне,
И был небесный дух.

Он слышит
звуки и
замечает
странные
небесные
знаменья.

И я услышал громкий ветер;
Он веял вдалеке, 310
Но все ж надулись паруса,
Висевшие в тоске.

И разорвались небеса,
И тысяча огней
То вспыхнет там, то здесь мелькнет; 315
То там, то здесь, назад, вперед,
И звезды пляшут с ней.

Идущий ветер так могуч, —
Сломать бы мачту мог;
Струится дождь из черных туч, 320
И месяц в них залег.

Залег он в трещине меж туч,
Что были так черны:
Как воды падают со скал,
Так пламень молнии упал 325
С отвесной крутизны.

Трупы
корабельных
матросов
заколдованы,
и корабль
плывет.

Ветров не чувствует корабль,
Но все же мчится он.
При свете молний и Луны.
Мне слышен мертвых стон. 330

Они стенают и дрожат,
Они встают без слов,
И видеть странно, как во сне,
Встающих мертвецов.

Встал рулевой, корабль плывет, 335
Хоть также нет волны;
И моряки идут куда,
Где быть они должны,

Берясь безжизненно за труд,
Невиданно-страшны. 340

Племянник мертвый мой со мной
Нога к ноге стоял:
Тянули мы один канат,
Но только он молчал.

Но не души умерших
матросов
и не демоны земли
или воздуха,
но благословенный рой
ангелов
ниспослан по молитве
его святого.

— Ты страшед мне, седой Моряк! — 345
«Не бойся, Гость, постой!
Не грешных душ то рать была,
В свои вернувшихся тела,
А душ блаженный строй:

Когда настал рассвет, они 350
Вкруг мачт соплись толпой;
И, поднимая руки ввысь,
Запели гимн святой.

Летели звуки вновь и вновь,
Коснутся высоты 355
И тихо падали назад,
То порознь, то слиты.

То пенье жаворонка я
Там различал едва;
То пенье птички небольшой 360
Меж небесами и водой
Струила синева.

Уединенной флейты плач,
Оркестра голоса,
Хор ангелов, перед каким 365
Немеют небеса.

- Все смолкло; только в парусах
До полдня слышен зов,
Как бы в июньскую жару
Журчанье ручейков, 370
Что нежным голосом поют
В тиши ночных лесов.
- И так до полдня плыли мы
Средь полной тишины:
Спокойно двигался корабль, 375
Влеком из глубины.
- Одинокий дух
мчит корабль
от Южного
полюса
до Экватора,
повинуясь
сонму анге-
лов, но воз-
мездие должно
продол-
жаться.
- На девять сажен в глубине
Из стран снегов и тьмы
Плыл дух; и наш взносил корабль
На водные холмы. 380
Но в полдень зов средь парусов
Затих, и стали мы.
- Над мачтой Солнце поднялось,
Идти нам не дает:
Но через миг опять корабль 385
Вдруг подскочил из вод,
Почти во всю свою длину
Он подскочил из вод.
- Как конь, встающий на дыбы,
Он сразу подскочил: 390
В виски ударила мне кровь
И я упал без сил.
- Демоны,
спутники
Полярного
Духа,
незримые
обитатели
стихий,
принимают
- Как долго я лежал без чувств,
Я сам узнать бы рад;
Когда ж вернулась жизнь ко мне, 395
Я услышал, что в вышине
Два голоса звучат.

участие в его
работе; и двое
из них
сообщают
один другому,
что долгое и
жестокое
мщение
Старому
Моряку
совершенно
Полярным
Духом,
который
возвращается
на юг

— Кто это? — говорил один,
— Не это ли матрос,
Чьей злой стрелой был убит
Незлобный Альбатрос?

400

Самодержавный властелин
Страны снегов и мглы
Любил ту птицу и отмстил
Хозяину стрелы. —

405

Ответный голос схожим был
С медвяною росой;
— Он к покаянью принужден
На век останний свой».

Часть шестая

Первый голос

«Но Расскажи мне! — слышно вновь, 410
— Ответь подробней мне,
Затем так движется корабль?
Что скрыто в глубине?»

Второй голос

Как пред своим владыкой раб
И океан смирен; 415
Его горящий круглый глаз
На Месяц устремлен —

И если знает он свой путь,
То это Месяц правит им;
Смотри, мой брат, как нежен
взгляд 420

Взгляд Месяца над ним.

Первый голос

Но как в безветрии корабль
Идет, заморожен?

Второй голос

Моряк лежит
без чувств,
потому что
ангелы уносят
корабль на
север так
быстро, что
человек не
может
выдержать.

Раздался воздух впереди,
Сомкнулся сзади он.

425

Летим, мой брат, скорей летим!
Мы запоздали так:
Пока корабль идет вперед,
Пробудится Моряк. —

Чудесное
движение
замедлено;
Моряк
очнулся, и
возмездие
продол-
жается.

Проснулся я; и мы плывем
В безветренных водах:
Кругом столпились мертвецы,
И Месяц в облаках.

430

Стоят на палубе они,
Уставя на меня
Глаза стеклянные, где луч
Небесного огня.

435

С проклятьем умерли они,
Проклятье в их глазах.
Я глаз не в силах отвести,
Ни изойти в слезах.

440

Возмездие,
наконец,
кончается.

И чары кончились: опять
Взглянул я в зелень вод,
И хоть не видел ничего,
Но все глядел вперед.

445

Как путник, что идет в глуши
С тревогой и тоской

И закружился, но назад
На путь не взглянет свой
И чувствует, что позади
Ужасный дух ночной. 450

Но скоро ветер на меня,
Чуть ощутим, подул:
Его неслышный, тихий шаг
Воды не колыхнул. 455

Он освежил мое лицо,
Как ветер весны, маня
И, проникая ужас мой,
Он утешал меня.

Так быстро, быстро шел корабль, 460
Легко идти ему;
И нежно, нежно веял ветер, —
Мне веял одному.

И Старый
Моряк снова
видит родину.

О, дивный сон! Ужели я
Родимый вижу дом? 465
И этот холм и храм на нем?
И я в краю родном?

К заливу нашему корабль
Свой направляет путь —
О, дай проснуться мне, Господь, 470
Иль дай навек заснуть!

В родном заливе воды спят,
Они, как лед, ровны,
На них видны лучи луны
И тени от луны. 475

- Немым сиянием луны
Озарены вокруг
Скала и церковь на скале,
И флюгерный петух.
- Ангелы
оставляют
трупы и
являются
в одеждах
света.
- И призраки встают толпой, 480
Средь белых вод красны,
Те, кто казались мне сейчас
Тенями от луны.
- В одеждах красных, точно кровь,
Они подходят к нам: 485
И я на палубу взглянул —
Господь! Что было там!
- Лежал, как прежде, каждый труп,
Ужасен, недвижим!
Но был над каждым в головах 490
Крылатый серафим.
- Хор ангелов манил рукой
И посылал привет,
Как бы сигнальные огни,
Одеянные в свет. 495
- Хор ангелов манил рукой,
Ни звука в тишине,
Но и безмолвие поет,
Как музыка во мне.
- Вдруг я услышал весел плеск 500
И кормщика свисток;
Невольно обернулся я
И увидал челнок.

Там кормщик и дитя его,
Они плывут за мной: 505
Господь! Пред радостью такой
Ничто и мертвых строй.

Отшельника мне слышен зов
Ведь в лодке — третьим он! 510
Поет он громко славный гимн,
Что им в лесу сложен.
Я знаю, может смыть с души
Кровь Альбатроса он.

Часть седьмая

Лесной
Отшельник.

Отшельник тот в лесу живет
У голубой волны. 515
Поет в безмолвии лесном,
Болтать он любит с Моряком
Из дальней стороны.

И по утрам, по вечерам
Он молит в тишине: 520
Мягка его подушка — мох
На обветшалом пне.

Челнок был близко. Слышу я:
— Здесь колдовства ли нет? 525
Куда девался яркий тот,
Нас призывавший, свет?

И не ответил нам никто, —
Сказал Отшельник, — да!

- Чудесное приближение корабля. Корабль иссох, а паруса? Взгляни, как ткань худа! 530
Сравненья не найти; одна
С ней схожа иногда
Охапка листьев, что мои
Ручьи лесные мчат; 535
Когда под снегом спит трава
И с волком говорит сова.
С тем, что пожрал волчат. —
—То были взоры сатаны!
(Так кормщик восклицал)
— Мне страшно. — Ничего!
плывем! — 540
- Отшельник отвечал.
- Челнок уже у корабля,
Я в забвенье немом,
Челнок причалил к кораблю,
И вдруг раздался гром. 545
- Корабль внезапно тонет. Из-под воды раздался он
И ширится, растет:
Он всколыхнул залив, и вот
Корабль ко дну идет.
- Старый Морян находит спасенье в челноке. От грома океан застыл, 550
И небеса в тоске,
И, как утопленник, я всплыл
Из глубы налегке;
Но я глаза свои открыл
В надежном челноке. 555
В воронке, где погиб корабль,
Челнок крутил волчком;
Все стихло, только холм гудел,
В нем отдавался гром.

Открыл я рот — и кормщик вдруг, 560
Закрыв лицо, упал;
Святой Отшельник бледен был
И Бога призывал.

Схватил я весла: и дитя,
Помешано почти, 565
Смеется, не отводит глаз
От моего пути.
— Ха! Ха! — бормочет, — как я рад,
Что может Черт грести. —

И я в стране моей родной, 570
На твердой я земле!
Отшельник вышел и спешит,
Скрывается во мгле.

Старый Моряк
умоляет
Отшельника
принять его
исповедь;
и его душа
облегчена.

«Постой! Я каяться хочу!»
Отшельник хмурит взор 575
И вопрошает: «Кто же ты?
Что делал до сих пор?» —

И пал с меня тяжелый груз
С мучительной тоской,
Что вынудила мой рассказ; 580
И я пошел иной.

Но все-таки
тоска
заставляет
его бродить
из страны
в страну.

С тех пор гнетет меня тоска
В неведомый мне час,
Пока я вновь не расскажу
Мой сумрачный рассказ. 585

Как ночь, брожу из края в край,
Метя то снег, то пыль;

- И по лицу я узнаю,
Кто может выслушать мою
Мучительную быль. 590
- О, как за дверью громок шум!
Собрались гости там;
Поет невеста на лугу
С подружками гостям,
И слышится вечерний звон, 595
Зовя меня во храм.
- О, Брачный Гость, я был в морях
Пустынных одинок,
Так одинок, как, может быть,
Бывает только бог. 600
- Но я тебя не попрошу:
На пир меня возьми!
Идти мне слаще в божий храм
С хорошими людьми.
- Ходить всем вместе в божий храм 605
И слушать там напев,
Которым с богом говорят,
Средь стариков, мужчин, ребят,
И юношей, и дев.
- И учит на своем
собственном
примере
любви и
вниманью ко
всей твари,
которую
создал
и любит бог.
- Прощай, прощай! Но, Брачный
Гость, 610
Словам моим поверь!
Тот молится, кто любит всех,
Будь птица то, иль зверь.
Тот молится, кто любит все —
Создание и тварь; 615

Затем, что любящий их бог
Над этой тварью царь».

Моряк, с глазами из огня,
С седою бородой
Ушел, и следом Брачный Гость 620
Побрел к себе домой.

Побрел, как зверь, что оглушен,
Спешит в свою нору:
Но углубленной и мудрей
Проснулся поутру. 625

(Н. Гумилев)

Глава XIV

Возникновение «Лирических баллад» и первоначально намеченные задачи. — Предупреждение ко второму изданию. — Позднейшие разногласия, их причины и ожесточенность. — Философские определения стихов и поэзии со схолиями¹.

В первый год, когда мы стали соседями с мистером Вордсвортом, беседы наши часто касались двух кардинальных пунктов поэзии, ее способности пробуждать сочувствие читателя путем верного следования правде жизни и способности придавать ей интерес новизны изменчивыми красками воображения. Внезапное очарование, которое лунный свет или закат солнца неожиданной светотенью сообщают знакомому и привычному ландшафту, казалось, доказывало возможность сочетать первое со вторым. Это и составляет поэзию природы. Так появилась мысль (не припомню, у кого из нас) сочинить серию стихотворений двух родов. В стихотворениях первого рода события и действующие лица должны были, хотя бы частично, быть сверхъестественными; достоинство этих произведений должно было состоять в том, чтобы вызвать симпатию читателей драматической истинностью эмоций, какие, естественно, возникали бы в подобных ситуациях, имей они место в действительности. А в известном смысле они и казались действительными каждому человеку, который по каким-либо причинам обманывался, веря, что пребывает во власти сверхъестественных сил. Предмет стихов

* Литературная биография (лат.).

второго рода надлежало выбрать из повседневной жизни; здесь следовало представить события и персонажи, какие можно было бы обнаружить в любой деревне и ее окрестностях, где только отыщется чувствительный и склонный к размышлениям ум, готовый их отыскать или заметить их появление.

Эта идея и породила план «Лирических баллад», в которых, как мы уговорились, я должен был направить мои усилия на лица и характеры сверхъестественные или, по крайней мере, романтические; при этом следовало наделить эти призраки воображения человекоподобием и убедительностью, чтобы вызвать у читателей ту готовность к временному отказу от недоверия, которая и составляет поэтическую веру. Мистер Вордсворт, со своей стороны, поставил целью придать прелесть новизны повседневному и возбудить чувства, аналогичные восприятию сверхъестественного, пробуждая сознание от летаргии обыденности и направляя его на восприятие красоты и чудес мира, лежащего перед нами, сокровища неиссякаемого, которое, однако, вследствие себялюбивых забот и пелены привычности мы, имея очи, не видим, имея уши, не слышим, а, имея сердца, не чувствуем и не понимаем.

С этой целью написал я «Старого морехода» и готовил, в числе других поэм, «Темную даму» и «Кристалль», где я в большей мере осуществил бы мой идеал, нежели в первой моей попытке. Но труды мистера Вордсворта снискали ему настолько больший успех, а число его стихов настолько превзошло мною написанное, что мои сочинения, вместо того, чтобы их уравновешивать, показались скорее чужеродными вставками. Мистер Вордсворт добавил два или три стихотворения, написанные им от своего лица в том пылком, возвышенном и выдержанном тоне, какой характерен для его

дарования. В этом виде «Лирические баллады» и были напечатаны, представленные им как некий эксперимент: могут ли предметы, по природе своей исключаящие обычные украшения и вообще слог, далекий от разговорного, быть изложены языком повседневной жизни и при этом вызвать то удовольствие и интерес, которые и являются отличительной чертой поэзии. Второе издание он снабдил предуведомлением значительного объема, из которого, невзирая на некоторые места, имевшие, по видимости, противоположный смысл, явствовало, что он якобы ратует за распространение этого стиля на поэзию всех родов и отвергает как дурные и неоправданные все обороты и формы речи, не соответствующие тому, что он (по-моему, неудачно, ввиду двусмысленности выражения) назвал языком реальной жизни. Из этого предуведомления, предпосланного стихам, истинную и самобытную талантливость которых невозможно было отрицать, сколь бы ошибочной ни считать их направленность, и возникли все длительные разногласия. Ибо только сочетанием очевидного таланта с предполагаемой его еретичностью могу я объяснить упорство, а в иных случаях — говорю это с огорчением — и буйную ожесточенность, с какою повели спор нападающие.

Будь стихотворения мистера Вордсворта столь глупыми и ребяческими, какими их долгое время трактовали, отличайся они и вправду от сочинений других поэтов лишь убожеством языка и ничтожностью мысли; содержи они на самом деле не более того, что найдем в пародиях на них и в «подражаниях» — то их мертвый груз разом потонул бы в трясине забвения, потянув за собой и предуведомление. Но число поклонников мистера Вордсворта увеличивалось год за годом. И поклонники отыскивались не среди низшего разряда чита-

телей, но главным образом из числа молодых людей, наделенных сильною чувствительностью и умом, склонным к размышлениям; и восторг их (быть может, до какой-то степени воспламененный противоборством) отличался напряженностью и, право же, можно сказать, религиозным пылом. Эти факты, а также интеллектуальная энергия автора, ощущаемая более или менее сознательно даже и там, где ее, по видимости, шумно отрицали, сталкиваясь с неприязнью к его мнениям и боязнью их последствий, породили критический водоворот, который сам по себе вынес бы разбираемые стихи на поверхность с той же яростью, с какою закружил их.

Со многими местами этого предуведомления, в смысле, им приписанном и, казалось бы, несомненно подтвержденном словесно, я никогда не соглашался, но, напротив, возражал против них, считая их ошибочными в принципе и противоречащими (по крайней мере, на первый взгляд) как другим частям того же самого предуведомления, так и поэтической практике автора в большинстве его сочинений.

В своем последнем собрании мистер Вордсворт, как я обнаружил, лишил это предуведомление его почетного места, перенеся его в конец второго тома, дабы читатель по собственному выбору прочел его или пренебрег им. Но, сколько я вижу, он не объявил ни о каких переменах в своем поэтическом кредо. Во всяком случае, если рассматривать предуведомление как источник разногласий, в которых мне была оказана незаслуженная честь путем частого сопряжения моего имени с именем мистера Вордсворта, я считаю целесообразным объявить раз и навсегда, по каким пунктам я держусь с ним тождественного мнения, а по каким решительно с ним расхожусь. Но, дабы меня поняли, я предварительно должен, елико возможно короче, пояснить мои

взгляды: во-первых, на то, что такое Стихотворение; а, во-вторых, что такое сама Поэзия, как по роду, так и по сути.

Задача философского изыскания — установить справедливое различие; при этом привилегия философа — постоянно сознавать, что различие не есть разделение. Чтобы составить адекватные понятия о какой-либо истине, мы должны мысленно разграничить ее различимые части; в этом — технический процесс мышления. Но, совершив это, мы затем должны восстановить их соответственно нашему понятию о единстве, в каком они на деле существуют, и в этом — результат мышления. Стихотворение состоит из тех же элементов, что и прозаическое сочинение; следовательно, различие между ними должно заключаться в различном сочетании их элементов вследствие различия их целей. Соответственным различию целей будет и различие в сочетании элементов. Возможно, что цель эта — облегчить воспоминание о каких-либо фактах или наблюдениях путем искусственного их сочетания; и произведение будет стихотворным лишь потому, что отличается от прозы размером или рифмою, или же тем, и другим вместе. В этом, низшем смысле можно назвать стихотворением хорошо известное перечисление дней месяцев:

Тридцать дней у сентября,
У июня, ноября,
У апреля... и т. д.

и прочие поделки того же разряда. А поскольку предвкушение повтора звуковых и метрических эффектов доставляет особое удовольствие, то все сочинения, обладающие подобною приманкою, каково бы ни было их содержание, могут быть названы стихами.

Это касается поверхностно воспринимаемой формы. Разница же задач и содержания дает дополнительные

критерии для различения. Непосредственной целью может послужить передача неких истин — то ли истины абсолютной и доказуемой, как в трудах, посвященных точным наукам, то ли фактов пережитых и запечатленных, как в истории. Наслаждение, и притом самого высокого и постоянного рода, может вытекать из достижения цели, но само по себе оно — не цель. В других трудах доставить наслаждение может быть непосредственной задачей; и хотя моральная или интеллектуальная истина и должна была бы служить конечной целью, это зависит от характера автора, а не от разряда, к которому относится произведение. Воистину блаженно то состояние общества, в каком непосредственная задача была бы погублена извращением надлежащей конечной цели; и даже Анакреонтов Бафилл² или Вергилиев Алексис³ вызвали бы гадливость и отвращение, невзирая на всю прелесть образов или слога!

Но доставление наслаждения может быть непосредственной целью и труда, не облеченного в стихотворный размер, и цель эта может быть достигнута в высокой степени, как это бывает с повестями и романами. Так даст ли простое добавление размера, — с рифмой или без нее, — этим произведениям право называться стихами? Ответ таков: ничто не может нравиться постоянно, не содержа в себе причину того, почему оно нравится именно так, а не иначе. Если привести размер, то и всем остальным компонентам надлежит ему соответствовать. Они должны оправдывать постоянное и определенное внимание к каждой составной части, возбуждать которое призваны все точные повторы ударений и звуков. Стало быть, окончательный вывод может быть сформулирован так. Стихи — тот вид сочинений, который противоположен научным трудам

тем, что непосредственной целью ставит себе не истину, а удовольствие; от всех же других видов (имея данную цель общею с ними), отличается тем, что предполагает наслаждение от целого, насколько та совместима с особым удовольствием, доставляемым каждым компонентом.

Нередко возникают разногласия вследствие того, что каждый из спорящих придает одному и тому же слову различный смысл, и в иных случаях это обнаруживалось еще разительнее, нежели во время диспутов о настоящем предмете. Если кто-либо пожелает называть стихами все сочинения, снабженные рифмою, размером, или и тем и другим вместе, я не нахожу нужным оспаривать это мнение. Это определение, по крайней мере, достаточно характеризует устремления его автора. Если же будет добавлено, что и целое также занимательно или трогательно, я, разумеется, признаю, что это — еще одна уместная составная часть стихотворения, его дополнительное достоинство. Но если хотят определить, что есть настоящее стихотворение, то я отвечу, что составные части такового взаимно друг друга поддерживают и поясняют, в пропорциях своих гармонируя с задачами и знакомым нам воздействием метрического лада и содействуя ему. Философически мыслящие критики всех веков согласны с конечным суждением всех стран, когда отказываются признать истинным стихотворением с одной стороны то, что распадается на ряд выразительных стихов или двустиший, какие, привлекая к себе все внимание читателя, отрываются от контекста и образуют самостоятельное целое, а не часть общей гармонии; с другой же стороны, они отказывают в таком признании и непоследовательному сочинению, из которого читатель быстро выносит общий итог, не будучи привлечен составными его частями. Читатель должен быть ведом не только и не главным образом

машинальным порывом любопытства или беспокойным желанием достичь окончательного разрешения, но приятною активностью ума, возбужденного притягательностью самого путешествия. Подобно движению змеи, бывшей для египтян символом могущества разума, или полету звука в воздухе, на каждом шагу он останавливается, и отступая вспять, обретает силу, толкающую его вперед. «*Præserpitandus est liber spiritus*»*, счастливо выразился Петроний⁴; здесь эпитетом *liber* уравновешен предшествующий глагол, и трудно себе представить больше смысла, сжатого в меньшем количестве слов.

Но если это может быть сочтено удовлетворительной характеристикой стихотворения, надлежит еще найти определение поэзии вообще. Сочинения Платона и Джереми Тейлора⁵, а также «*Theoria sacra*» Бернета⁶ предоставляют нам неопровержимые доказательства того, что самая высокая поэзия может существовать без размера и даже без других отличительных признаков стихотворения. Первая глава Исаяи (да и весьма значительная часть всей книги) — поэзия в самом возвышенном смысле слова; и все же было бы столь же странным, сколь и неразумным утверждать, будто непосредственная цель пророка — наслаждение, а не истина. Коротко говоря, какой бы специфический смысл мы ни придавали слову «поэзия», неизбежным следствием из него вытекает, что стихотворение скольконибудь значительного объема не может и не должно быть целиком поэзией. И все же, если добиваться создания гармонического целого, то остальные компоненты должны быть расчислены в соответствии с поэзией; а достичь этого можно лишь тщательным отбором и ис-

* Свободный дух должен устремляться (*лат.*).

куственным расположением, в которых проявится один, хотя и не самый характерный признак поэзии. А это, в свою очередь, не что иное, как способность возбуждать более непрерывное и равномерное внимание, нежели то, на какое рассчитан язык прозы, разговорной или письменной.

Мои личные выводы относительно природы поэзии в строжайшем смысле слова отчасти были предвосхищены в некоторых замечаниях о фантазии и воображении в начале этого труда. Вопрос «что такое поэзия?» почти тождествен вопросу «что такое поэт?», и ответ на один связан с решением другого. Ибо самобытность самого поэтического гения определяет и модифицирует образы, мысли и эмоции в сознании поэта.

Поэт, если рассматривать его в идеальном совершенстве, приводит в движение всю душу человека, взаимоподчиняя все способности в соответствии с их относительными преимуществами и достоинствами. От него исходит дух и тон единства, в котором одно сливается с другим посредством той синтетической и волшебной силы, коей — и только ей — мы присвоили имя Воображения. Сила эта, первоначально приведенная в действие волею и мышлением и пребывающая под их неслабнувшим, хотя деликатным и незамечаемым контролем (*laxis offertur habenis **), выражается в равновесии или примирении противоположных или противоречивых свойств: тождественности с различием; чувства новизны и свежести со старыми и привычными предметами; более чем обыкновенного волнения с более чем обыкновенной упорядоченностью; вечно бодрствующего рассудка и упорного самообладания с энтузиазмом и чувством, глубоким или бурным; и, сливая

* Несется, распустив поводья (лат.).

и приводя к гармонии естественное и искусственное, все же подчиняет искусство природе, стиль — смыслу, а наше восхищение поэтом — нашему сочувствию поэзии. «Несомненно», — как замечает сэръ Джон Дэвис о душе (а слова его, слегка их изменив, можно еще с большей справедливостью отнести к Воображению), —

Несомненно, она превращает

Тела в души, странно их возвышая,
Как огонь преобразовывает в огонь все, что
сжигает,

Как мы обращаем нашу пищу в нашу природу.

Из низменной материи тел она выводит их формы

И извлекает из вещей некую квинтэссенцию,

Которую преобразует в свою истинную природу,

Дабы легко вознести на своих небесных крылах.

Так поступает она, когда из индивидуальных
состояний

Извлекает всеобщее, .

Оно же, заново облаченное в различные имена
и судьбы,

Украдкой проникает через наши чувства
в наши умы *.

Заключаем: Здравый Смысл — Тело поэтического гения, Фантазия — его Одевание, Движение — его Жизнь, Воображение же — Душа, пребывающая везде и в каждом и преобразующая все в единое грациозное и разумное целое.

(В. В. Рогов)

* Цитата из Дэвиса ⁷ приводится в подстрочном переводе.

МОЕ ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПОЭТАМИ

Мой отец был священником в Веме, графство Шропшир, и в 1798 г. (цифры, образующие эту дату, кажутся мне подобными «ужасному имени Демогоргона») ¹ мистер Кольридж прибыл в Шрусбери, чтобы заменить мистера Роу в должности пастора унитариянского прихода. Он приехал в субботу, поздно вечером, накануне своей первой проповеди. Мистер Роу, с беспокойством и волнением ожидавший прибытия своего преемника, самолично явился на остановку дилижанса и не увидел там никого, хоть отдаленно напоминающего пастора, кроме круглолицего человека в коротком черном пальто (вроде охотничьей куртки, казавшейся ему явно не по плечу), который необычайно оживленно беседовал со своими попутчиками. Мистер Роу едва успел вернуться и рассказать о постигшем его разочаровании, как появился сам круглолицый человек в черном и рассеял все сомнения относительно своей личности, начав говорить. Он продолжал заниматься этим, оставаясь в Шрусбери, да и, насколько мне известно, предается этому занятию и по сей день. Достопочтенные жители Шрусбери пребывали в благоговейном недоумении в течение трех недель, которые он провел там, переполошив добрых горожан, «подобно орлу, попавшему в голубятню» ², и окаймлявшие горизонт горы Уэльса в бурном смятении признали, что не слышали столь мистических звуков со времен

Благородной арфы Хоэла
и нежных песен Луэллина ³.

... Мой отец, живя в десяти милях от Шрусбери, имел обыкновение обмениваться визитами с мистером Роу и мистером Дженкинсом из Уитчера, расположен-

ного еще на девять миль далее. . . По заведенному обычаю, Кольридж, как вероятный преемник мистера Роу, согласился навестить нас и встретиться с отцом, но еще до этого, в первое же воскресенье после прибытия Кольриджа, я отправился послушать его проповедь. В наши дни упадка веры в поэта и философе, проповедующем слово божие с кафедры унитариянской церкви, таится нечто романтическое, как бы возрождающее суровый дух раннего христианства, перед таким соблазном устоять невозможно.

Поднявшись ранним январским утром 1798, я прошел десять миль, утопая в грязи, чтобы услышать проповедь заезжей знаменитости. Никогда, сколько бы долгих дней мне не пришлось еще прожить, я не совершу другого подобного путешествия, как в то холодное, сырое, хмурое утро зимы 1798 г. Il y a des impressions qui ni le temps, ni les circonstances peuvent effacer. Dusse-je vivre des siècles entiers, le doux temps de ma jeunesse ne peut renaitre pour moi, ni s'effacer jamais dans ma mémoire *. Когда я добрался до церкви, органист уже играл сотый псалом, а затем мистер Кольридж встал и прочитал фразу из Евангелия: «Опять удалился на гору один»⁴. При этом его голос «вознесся, подобно густому облаку пряных духов»⁵, а, когда поэт дошел до последних слов, которые он произнес низким грудным голосом, моему юношескому воображению представилось, будто звуки эти исходят из самой глубины человеческого сердца и молитва в торжественной тишине разносится по вселенной. В голову мне пришла мысль об Иоанне Крестителе, который взывал «гласом вопию-

* Бывают впечатления, которые ни время, ни обстоятельства не могут изгладить из нашей памяти. Живи я хоть целые века, сладостная пора моей юности не сможет вернуться вновь, ни когда-либо исчезнуть из моей памяти (*франц.*).

щего в пустыне», «носил пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед»⁶. Последовавшая затем проповедь Кольриджа напоминала полет орла, борющегося с ветром. Она была посвящена миру и войне; церкви и государству — не их союзу, но противостоянию — духу вселенной и духу христианства, не их тождеству, но различию. Он сказал о тех, кто начертал крест на знаменах, обогранных людской кровью. Кольридж обратился к поэзии и пасторали. Говоря о губительности войны, он нарисовал разительный контраст между простодушным пастушком, гонящим волов по полю или сидящим под боярышником, играя на свирели своему стаду, «как будто он никогда не состарится»⁷, и тем же самым крестьянским парнем, которого обманом завербовали, похитили, привезли в город, напоили в таверне и превратили в жалкого мальчишку-барабанщика в мерзком наряде профессионального убийцы с торчащими напомаженными волосами и косичкой, болтающейся за спиной.

Так пел поэт столь милый нам когда-то⁸.

Что же касается меня, то я не получил бы большего удовольствия, даже если бы услышал музыку сфер. Поэзия и Философия встретились. Правда и Гений обняли друг друга пред алтарем Религии. Это превзошло даже мои ожидания.

В следующий вторник вдохновенный оратор приехал к нам, меня позвали в гостиную, и я пошел со смешанным чувством надежды и страха. Он очень любезно поздоровался со мной, и в течение долгого времени я внимал его речи, не произнося ни слова, и молчание это не было истолковано мне во вред. «В течение этих двух часов, — впоследствии шутил он, — мы беседовали со лбом Вильяма Хэзлита». Вблизи он выглядел

совсем иначе, чем мне представилось во время проповеди. Издалека, в полумраке собора черты его лица казались до странности необычными, мрачными и нечеткими; я решил, что его лицо изрыто оспой. Но его чело было чистым и светлым,

Как светлы дети тех лазурных далей⁹.

У него был высокий, широкий и ясный лоб, как бы изваянный из слоновой кости; густые брови нависали над подвижными глазами, цвета морской воды. Нежный румянец покрывал его лицо, подобный тому, что алеет на бледных задумчивых лицах, запечатленных испанскими портретистами Мурильо и Веласкесом¹⁰. У него был рот оратора, толстые чувственные губы, добродушный и круглый подбородок; но нос, стержень лица, демонстрирующий силу воли, — слабо очерченный, маленький, незаметный — как и то, чего он достиг в жизни. Как будто взирающий с высоты гений лица Кольриджа бросил его (наградив недюжинными способностями и огромным честолюбием) в таинственный мир мысли и фантазии, лишив поддержки и руководства его нестойкую волю, уподобив его Колумбу, дерзнувшему отплыть к Новому свету в скорлупке, без весел и компаса. Или, по крайней мере, так мне кажется теперь, Кольридж был слегка полноват, склонен к ожирению, или, как Гамлет, несколько «тучен и одышлив»¹¹. Волосы Кольриджа (теперь, увы, седые) были тогда черными и блестящими, как вороново крыло, спадая на лоб мягкими прядями. Такие длинные разметавшиеся пряди обычно бывают у людей восторженных, чьи мысли стремятся ввысь. Такие волосы, хотя и другого цвета, всегда можно увидеть на изображении Христа. Они неотделимы от облика всех, кто проповедует Христа распятого, а Кольридж был тогда как раз одним из них.

. . . Мой отец относился к поэзии как к весьма неопределенному роду занятий; но он приветствовал все, что служило во славу унитариянства. Он едва ли удивился или возрадовался более, если бы у нашего гостя выросли крылья. Ведь мысли Кольриджа были поистине крылаты: и когда мягкие ласкающие звуки его голоса заполнили нашу маленькую, обшитую панелями гостиную, отец сдвинул очки на лоб, покрасневшую кожу которого прикрывали седые пряди волос, и улыбка радости осветила его доброе морщинистое лицо при мысли о том, что Истина обрела нового союзника в стане Фантазии! Кроме того, Кольридж, казалось, сразу же обратил на меня внимание, и уже одного этого было достаточно. Он беседовал со мной по-дружески, хотя и несколько снисходительно, и коснулся множества тем. За обедом он еще более оживился, рассуждая весьма менторским тоном о Мери Уолстонкрафт¹² и Макинтоше¹³. Последнего он назвал (в ответ на слова отца о том, что «*Vindiciae Gallicae*» отличная книга) умным, ученым человеком, мастером своего дела, искусным литературным кладовщиком, который точно знает, что и где лежит, хотя товары и не являются его собственностью. По мнению Кольриджа, Бэрк¹⁴ намного превосходил его и формой, и содержанием. Бэрк был метафизиком, Макинтош — только логиком. Бэрк был оратором (почти поэтом), мыслившим образами, ибо он умел видеть природу, Макинтош же — резонером, замечавшим только общие места. Тут я отважился сказать, что я всегда был очень высокого мнения о Бэрке и что (насколько я мог заметить) только вульгарные, лстящие толпе люди могли с презрением отзываться о нем. Это было первым мнением, которое я высказал в присутствии Кольриджа, и он назвал его очень верным и интересным. Мне помнится, что баранья

нога и репа, которую мы ели в тот день, были необычайно вкусны. Кольридж добавил, что Макинтош и Том Веджвуд ¹⁵ (о котором он, однако, говорил с большим уважением) весьма пренебрежительно отозвались о его друге мистере Вордсворте, на что он ответил: «Вордсворт стоит настолько выше вас, что издалика его фигура кажется вам маленькой!» Годвин ¹⁶ как-то похвастался ему, что они с Макинтошем проспорили целых три часа, так и не убедив друг друга; Кольридж возразил ему: «Если бы среди вас был гений, он бы решил ваш спор в пять минут». Он спросил меня, знаю ли я Мери Уолстонкрафт, и я сказал, что как-то раз видел ее в течение нескольких минут, и мне показалось, что она парирует возражения Годвина против одной из ее теорий с легкостью и грацией. Он ответил, что это лишний раз доказывает превосходство воображения над рациональным интеллектом. Он не был особенно высокого мнения о Годвине (из прихоти либо предубеждения, истинного или притворного), но ему очень нравились ораторские способности миссис Уолстонкрафт и совсем не нравились ее книги. В течение некоторого времени мы беседовали о Холкрофте ¹⁷. На вопрос, не поразил ли его Холкрофт своими произведениями, он ответил, что скорее боится, как бы тот не поразил его ударом кулака. Я посетовал на то, что он не дает мне возможности развить мысль, требуя дефиниций даже самых обычных слов: «Что такое ощущение, сэр? Что такое идея?» Кольридж объяснил, что подобные неточности преграждают дорогу к истине, образуя своеобразные баррикады на каждом нашем шагу. Многие из нашей беседы уже изгладились из моей памяти, больше, чем сохранилось в ней, но день прошел приятнейшим образом, а на следующее утро мистер Кольридж должен был вернуться в Шрусбери. Спустившись к завтраку,

я обнаружил, что Кольридж только что получил письмо от своего друга Тома Веджвуда, который предлагал ему 150 фунтов в год, если поэт решится оставить свои нынешние занятия и целиком посвятит себя стихам и философии. Завязывая шнурки ботинка, Кольридж, по-видимому, окончательно склонился принять предложение. Поэтому его отъезд еще больше огорчил меня. Своенравный энтузиаст навсегда покидал нас, чтобы отправиться в таинственные гроты богов, в места, воспетые старинными легендами. Вместо того, чтобы жить в десяти милях от нас, служа пастором диссидентского прихода в Шрусбери, Кольридж отныне будет обитать на Парнасе, пасти овец на Сладкой горе¹⁸. Увы! Путь туда был мне неизвестен, и щедрость мистера Веджвуда не внушала мне никакой благодарности. Моему огорчению вскоре настал конец; спросив перо и чернила и написав что-то на листке бумаги, мистер Кольридж решительным шагом приблизился ко мне и, вручив мне драгоценный документ, сказал, что это его адрес — Незер-Стоуи, графство Сомерсет; он будет рад принять меня там через несколько недель и, если я пожелаю, выедет, чтобы встретить меня на полпути. Я был не менее потрясен, чем пастух (это сравнение заимствовано из «Кассандры»¹⁹), увидевший, как молния упала к его ногам. В замешательстве я пробормотал слова благодарности и принял приглашение (по сравнению с ним пособие мистера Веджвуда казалось мне мелочью); уладив это важное дело, поэт-проповедник отправился в путь; я прошел вместе с ним шесть миль. Было ясное зимнее утро, и он всю дорогу разговаривал со мной. . .

В течение последующих месяцев холодное дыхание зимы радовало меня; весенний воздух ободрял и вдохновлял. Золото закатов, серебро ночных звезд светили

мне на пути к новым надеждам и чаяниям. Весной я должен посетить Кольриджа. Эта мысль никогда не покидала меня, наполняя собой все мои чувства. В назначенное время я написал ему, в ответ Кольридж попросил отложить мой предполагаемый визит на неделю-другую, но с большим дружелюбием уговаривал меня приехать к нему позднее. Эта отсрочка не охладила, но скорее разожгла мой пыл. . .

Незер-Стоуи находится в красивой местности, зеленой и холмистой, расположенной недалеко от морского берега. Буквально на днях, двадцать лет спустя, я вновь увидел Незер-Стоуи с холма близ Тонтонна. Подобно ландшафту местности, лежащей у моих ног, мне открылся ландшафт моей жизни! После обеда Кольридж повел меня в Алфоксен, старинный романтический особняк семьи Сент-Обенов, где жил Вордсворт. Один из друзей поэта, владевший тогда этим особняком, предоставил его Вордсворту в безвозмездное пользование. По ряду причин та пора (сразу же после Французской революции) не была временем торжества корысти. Дух окрылился, и мягкость снизошла в сердца людей, пробив броню наших эгоистических интересов. Вордсворта не было дома, но занимавшаяся хозяйством сестра поэта угостила нас скромным ужином и предоставила в наше распоряжение стихи своего брата, «Лирические баллады», которые тогда еще были в форме рукописи, или листков сивиллы²⁰. Я с большим удовольствием прочитал некоторые из них, и проникся верой новообращенного. В ту ночь я спал в старинном с голубыми портъерами зале, увешанном портретами круглолицых предков времен Георга I и Георга II²¹.

На утро, сразу же после завтрака мы отправились в парк, и, когда мы уселись на ствол старого ясеня, Кольридж продекламировал звонким и мелодичным

голосом балладу о «Бетти Фой». Я был чужд критицизму и скепсису. Описания природы и правда чувств местами тронули меня, остальное же я принял на веру. Но, слушая «Терн», «Безумную мать» и «Жалобу покинутой индианки»²², я ощутил ту глубокую силу и тот пафос, которые впоследствии были признаны

Ума высокомерью вопреки²³

главными достоинствами Вордсворта; и ощущение нового стиля и нового духа в поэзии снизошло ко мне. Я как бы увидел свежевспаханное поле или вдохнул первые порывы долгожданного весеннего ветра,

Пока еще трепещет юный год²⁴.

Мы с Кольриджем отправились в Стоуи в тот же вечер, и по пути его звучный голос, повествовавший

О Провидении, предвидении, воле и судьбе,
Неумолимом роке, свободной воле и точном
предвидении²⁵,

раздавался в гулких рощах, у волшебных ручьев и водопадов, сверкавших в летнем свете луны! Он сокрушался, что Вордсворт был не склонен верить бытующим в народе суевериям и что поэтому в его поэзии было нечто вещественное, прозаическое, склонность к явному и часто малозначительному. Гений Вордсворта не был духом, слетавшим к нему с небес; подобно цветку, он рос из-под земли, распускаясь, как молодой побег, на котором поет щегол. Кольридж, однако, добавил (если мне не изменяет память), что эти замечания касаются только описательных стихотворений Вордсворта; его философская лирика проникнута величественным и всеобъемлющим духом, благодаря которому его душа живет во вселенной, как во дворце, открывая истину с помощью интуиции, а не дедукции.

На следующий день из Бристоля в Незер-Стоуи приехал Вордсворт. Я как сейчас вижу его. Кольридж в общем-то верно описал его внешность, хотя он и был еще более худ и похож на Дон Кихота. Он был эксцентрично одет (в соответствии с модой того вольного времени) в коричневый бумазейный жакет и полосатые панталоны. Походка Вордсворта была свободной, слегка раскачивающейся, как у героя его поэмы Питера Белла²⁶. Впадины у висков свидетельствовали о глубокой духовной восприимчивости; горящий взор (как, если бы он видел в предметах больше, чем скрывается за их внешней оболочкой), высокий и узкий лоб мыслителя, римский нос, щеки, изрезанные морщинами, говорившими об игре страстей и сильной воле, и насмешливая складка губ, совсем не гармонирующая с торжественно-величавым выражением лица. Бюсту работы Чэнтри недостает сходства, но скульптор уступил соблазну придать ему правильность черт и торжественность; голова Вордсворта, введенная Хейдоном²⁷ во «Въезд Христа в Иерусалим», лучше всего передает печально-задумчивое выражение его лица. Он сел и заговорил свободно и непринужденно; у него был чистый и ровный голос с низкой гортанной модуляцией и сильной примесью северного «р», что придавало его речи пикантность выдержанного вина. Он сразу же принялся за уничтожение головки чеширского сыра, торжественно заявив, что его жизненный опыт в благах мира сего значительно уступает опыту мистера Саути. Вордсворт великолепно описал нам пьесу монаха Льюиса «Призрак замка»²⁸, которую он видел в Бристоле. Он сказал, что пьеса полностью отвечала вкусу публики. Это преимущество *ad captandum**, однако, никоим образом

* Легкости понимания (лат.).

не являлось достоинством, согласно строгим принципам новой школы, которая не только не ищет, но скорее пренебрегает легкой славой. Вордсворт, выглянув из низкого решетчатого окна, сказал: «Как красиво садится солнце на этом желтом берегу!» Я же подумал про себя: «Какими глазами эти поэты смотрят на природу!» И с тех пор, когда бы я ни глядел на предметы, купающиеся в лучах заходящего солнца, я всегда воображал, будто делаю открытие, или благодарил мистера Вордсворта за то, что он сделал его для меня!

На следующий день мы снова посетили Аляфоксен, и Вордсворт прочел нам в парке «Питера Белла»; и выражение его лица и голоса при чтении очень сильно отличалось от комментариев позднейших критиков! Что бы мы ни думали о самой поэме, при ее чтении лицо Вордсворта «было схоже с книгой, где можно много прочесть»²⁹, а о духовном преображении героя поэт возвестил пророческим голосом. Декламационная манера обоих — и Кольриджа, и Вордсворта — была исполнена музыки, увлекавшей и обезоруживавшей их слушателей. Они, наверное, обманывали самих себя, постоянно пользуясь этим аккомпанементом. Манера Кольриджа — более насыщена, жива и разнообразна; Вордсворт — ровнее, сдержанней и задушевней. Первого можно назвать драматичным, второго лиричным. Кольридж рассказал мне, что он любит сочинять, бродя по полям наугад или пробираясь сквозь лесные заросли, в то время как Вордсворт всегда пишет (если ему удастся), прогуливаясь по ровной, усыпанной гравием дорожке, или там, где поток его мысли не может быть прерван никаким посторонним вмешательством. По дороге назад в тот же вечер мы вступили с Вордсвортом в метафизический спор в то время, как Кольридж объяснял его сестре своеобразие соловьиных тре-

лей, и ни один из нас не смог выразить своих мыслей достаточно четко и вразумительно.

Так я провел три недели в Незер-Стоуи и его окрестностях. Вечерами мы обычно вели интереснейшие разговоры в беседке (ее сделал из коры дерева друг поэта Том Пул), сидя под двумя развесистыми вязами, слушая жужжание пчел, летавших вокруг нас, и потягивая флип *. Тогда же мы договорились совершить прогулку по Бристольскому каналу до Линтона. Мы отправились в путь пешком — Кольридж, Джон Честер и я. . . Утром на второй день нашей экскурсии мы великолепно позавтракали в старомодной гостинице. . . Там мы и нашли маленький истрепанный томик «Времен года»³⁰, валявшийся на подоконнике. Увидев его, Кольридж воскликнул: «Это — настоящая слава!» Он сказал, что Томсон — скорее великий, чем хороший поэт; его стиль — в той же степени искусствен, в какой мысли — естественны. Каупера³¹ он назвал лучшим из современных поэтов. Он сказал, что «Лирические баллады» — эксперимент, который он и Вордсворт собираются предпринять, чтобы посмотреть, как публика воспримет стихи, написанные более естественным и простым языком, чем ранее; они полностью отказались от искусственности поэтического языка и пользовались только теми словами, которые вошли в обиходную речь со времен Генриха II³². Кольридж сопоставил Мильтона с Шекспиром. Он сказал, что просто не знает, кого предпочесть. Шекспир кажется ему юношей в искусстве; он так же высок и силен и гораздо энергичнее Мильтона, но он не выглядит зрелым мужем; став таковым, он превратился бы в монстра. Он с презрением ото-

* Флип — горячий подслащенный напиток, изготавливаемый из пива или сидра с примесью специй и иногда молока и яиц (Прим. пер.).

звался о Грее ³³ и с неприязнью о Попе. Его манера стихосложения раздражала Кольриджа. Он заметил, что «уши этих авторов двустипший должны иметь короткую память, которая не может охватить гармонию целого куска». Он был низкого мнения о Юниусе ³⁴ как о писателе и не любил доктора Джонсона ³⁵; он ценил Бэрка ³⁶, как оратора и политика гораздо больше, чем Фокса ³⁷ или Питта. Но Бэрк, по его мнению, сильно уступал более ранним прозаикам, в частности, Джереми Тейлору ³⁸, богатством стиля и образов. Ему нравился Ричардсон ³⁹, но не Филдинг ⁴⁰, и я не смог заставить его признать достоинства «Калеба Вильямса». Короче говоря, он глубоко и тонко понимал тех писателей, которые ему нравились и о которых он судил беспристрастно; и был капризен, упрям и пристрастен по отношению к тем, которые не снискали его любви или симпатии. . . . Вскоре после возвращения в Стоуи мы вновь отправились в путь, я — домой, а он — в Германию. . . . Мы не виделись около двух лет, пока он бродил в лесах Гарца в Германии; в отличие от отъезда Кольриджа, его возвращение было сходно с падением кометы или метеора. Лишь после его приезда я познакомился с друзьями поэта, Лэмом и Саути. Последний всегда представляется мне (как в день нашей встречи) с тетрадью для заметок под мышкой, а первый с *bon mot* на устах. Я встретился с ним у Годвина, где они вели горячий спор с Холкрофтом и Кольриджем о том, что лучше: человек, каков он есть, или каким он должен быть ⁴¹. «Покажите мне человека, — сказал Лэм, — каким он не должен быть». Эти слова положили начало нашей дружбе, которая, как мне кажется, крепка и по сей день. Но об этом пока довольно. Но это тема для другой поэмы, // Рассказ иной поведает о ней ⁴².

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- H* — *Lawrence Hanson*. The Life of S. T. Coleridge. The Early Years. New York, Russell and Russell, 1962.
- L* — Collected Letters of Samuel Taylor Coleridge. Edit. by Earl Leslie Griggs, vol. 1. Oxford, Clarendon Press, 1956.
- LR* — *John Livingston Lowes*. The Road to Xanadu. A Study in the Ways of the Imagination. New York, Vintage Books, 1959.
- N* — The Notebooks of Samuel Taylor Coleridge. Edit. by Kathleen Coburn, vol. 1. 1794—1804. Text. London, Routledge and Kegan Paul, 1957.
- NR* — *Arthur H. Nethercot*. The Road to Tryermaine. A Study of the History, Background, and Purposes of Coleridge's «Christabel». New York, Russell and Russell, 1962.
- P* — The Poems of Samuel Taylor Coleridge including Poems and Versions of Poems herein published for the first time. Edit. with textual and bibliographical Notes by Ernest Hartley Coleridge. London — New York — Toronto, Oxford University Press, 1964.
- SP* — Selected Poems of Samuel Taylor Coleridge. Edit. with an Introduction and Notes by James Reeves. London, Heinemann, 1969.

ПОЭМЫ И ЛИРИКА КОЛЬРИДЖА

1.

Судьба Кольриджа-поэта сложилась парадоксально. Он надолго пережил бурный расцвет своего творчества, охватывающий не многим более одного десятилетия на рубеже XVIII и XIX веков. Многие замыслы его остались невоплощенными; другие не были осуществлены полностью. Кольридж не написал своих «Скитаний Каина»¹ — романтической вариации на библейскую тему, к которой позднее обратился Байрон в мистерии «Каин». Он не закончил ни «Кубла Хана», ни «Трех могил», ни «Кристабели» . . . По сравнению с другими литераторами его времени — с Байроном, которого, казалось, никогда не покидало вдохновение, с неутомимым Вальтером Скоттом, даже с педантически методичным в своих писаниях Саути — Кольридж представлялся и окружающим, и самому себе заведомым неудачником, не оправдавшим надежд, которые возлагались на него в юности. В 1802 г., когда ему было всего тридцать лет, он уже прощался в оде «Уныние» с былыми радостями творчества и проклинал «мрачный сон Реальности», сковавший его поэтическое воображение.

Но само это скорбное прощание с поэзией было великолепным, вдохновенным произведением большого мастера-поэта.

¹ Сохранился только подробный прозаический конспект второй песни поэмы и восемнадцать стихотворных строк. Рассказывая в 1828 г. историю этого неосуществленного замысла, Кольридж писал, что «вместо того был написан «Старый Мореход» (Р 287). Это проливает свет на возможные библейские мотивы и аллюзии в «Сказании о Старом Мореходе».

Написанное этим «неудачником» зачастую жило странной, двойной жизнью. Широкая публика знала о нем как о поэте немного. Его ранняя трагедия «Осо-рио» (1797) была издана только в 1813 г., в переработанном виде, под названием «Раскаяние».

«Кристабель», написанная в 1797 г., так же, как и возникший годом позже «Кубла Хан», увидели свет только в 1816 г. (благодаря энергичной поддержке Байрона). Но на протяжении этих долгих лет любители и знатоки поэзии читали их и в рукописи, и наизусть. Поэтические открытия Кольриджа становились живым и действенным началом английской литературы даже и без помощи типографского станка. Особенно примечательна в этом отношении история «Кристалели». В предисловии к позднему переизданию своей «Песни последнего менестреля» (1805) Вальтер Скотт подробно рассказал о том, какую важную роль сыграла поэма Кольриджа в кристаллизации замысла и поэтической формы этого произведения. А между тем Скотт не имел случая прочесть «Кристабель» хотя бы в рукописи: он воспринял ее на слух, в чтении одного из своих друзей, и запомнил надолго. Скотт и сам восхищался средневековой народной поэзией, сам собирал и обрабатывал баллады. Но и общий поэтический тон «Кристалели», и причудливый драматичный «неправильный» ритм ее стиха, и романтическая попытка непосредственной передачи средневекового сознания, — все это захватило Скотта. «Я должен воздать должное мистеру Кольриджу, как ученик учителю»², — писал он в 1830 г.

² *Walter Scott. Introduction and Notes to the Lay of the Last Minstrel.* — In: *The Poetical Works of Sir Walter Scott.* Ed. by J. Logie Robertson. L., Frowde, 1894, p. 52.

Байрон (также первоначально воспринявший «Кристабель» на слух) принужден был сопроводить свою поэму «Осада Коринфа» (написанную в 1815 г., изданную в начале 1816 г.) примечанием, где признавал разительное сходство девятнадцатой строфы (предвещающей явление Альпу духа Франчески) с двенадцатью строками неопубликованной поэмы Кольриджа и отводил от себя обвинение в преднамеренном плагиате. «Кристабель» — «эта причудливая поэма поразительной оригинальности и красоты» (как охарактеризовал ее Байрон) владела его воображением и позже. В разгар своей семейной драмы он взял оттуда эпитафию к стихотворению «Прощай», обращенному к жене (строки 408—426). Из «Кубла Хана» был взят эпитафию мистерии «Небо и земля» (1822), — «woman wailing for her demon-lover» — строка, вмещавшая в себе одну из главных трагических сюжетных коллизий произведения — любовь смертных женщин к мятежным ангелам-богоотступникам. Под обаянием поэзии Кольриджа, и особенно «Кристабели», находился и Шелли (см. ниже примечания к этой поэме).

Роль Кольриджа в творческом развитии Вордсворта была особенно велика. Хотя их сотрудничество было непродолжительным по времени, общение с Кольриджем помогло Вордсворту «открыть» самого себя, найти свой неповторимый поэтический голос. К числу важнейших вех в истории английской поэзии принадлежат те главы позднейшей автобиографии Кольриджа (*Biographia Literaria*, 1817), которые посвящены истории знаменитого сборника «Лирических баллад» (1798) и критическому разбору творчества Вордсворта и его эстетических взглядов. Эти главы, как и эпистолярное наследие обоих поэтов и воспоминания их современников, позволяют представить себе, в какой

наэлектризованной атмосфере возник замысел этого новаторского сборника, куда вошли многие лирические шедевры Вордсворта — и «Сказание о Старом Море-ходе» Кольриджа.

Это новаторство было замечено и за пределами Англии. В 1828 г., за шесть лет до смерти Кольриджа, Пушкин писал в заметке «О поэтическом слог»: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному . . . так ныне Wordsworth, Coleridge увлекли за собою мнения многих . . . Произведения английских поэтов . . . исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина»³.

Сам Кольридж, как и большинство современных ему английских критиков, скорбел о незавершенности «Кристабели» и о фрагментарности «Кубла Хана». В наше время, в свете позднейшего опыта европейской поэзии, эти сетования кажутся напрасными: недосказанность, таинственность, даже «загадочность» сами по себе составляют одну из неотъемлемых примет романтической поэтики Кольриджа и придают этим произведениям особую прелесть. Но это не снимает вопроса о глубоком творческом кризисе, мучительно переживавшемся Кольриджем-поэтом на протяжении последнего тридцатилетия его жизни.

В современном английском и американском литературоведении наметилась тенденция умалять значение этого кризиса или даже отрицать его. Высказывается

³ А. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 80—81.

даже мнение, что главная заслуга Кольриджа перед мировой культурой — это его теоретико-эстетические, философские, богословские сочинения — подступы к тому «magnum opus» или «opus maximum» (великому, величайшему труду), который он всю жизнь проектировал, но так и не смог создать. Несомненно, что и в лекциях о Шекспире, Мильтоне и других английских поэтах, и в его «Biographia Literaria», и в посмертно изданных «Застольных беседах» Кольридж высказал много значительных и ценных мыслей об искусстве. Но, будь он только автором этих сочинений, он вошел бы в историю английской литературы как персонаж второго плана — редкостный эрудит, одаренный эссеист и критик, своеобразный шеллингианец на английский лад, с приправой отечественного эмпиризма и эксцентричности. Его эстетические взгляды могли бы интересовать специалистов — историков литературы. Но главным и лучшим памятником, который оставил по себе Кольридж, являются, конечно, его стихи.

2.

Сэмюэль Тейлор Кольридж (1772—1834) родился в многодетной семье сельского священника в местечке Оттери Сент-Мери, в Девоншире. Позднее, вспоминая своего отца, Кольридж уподобил его фильдинговскому пастору Абрагаму Адамсу (из «Приключений Джозефа Эндруса»). Это был такой же английский Дон Кихот XVIII в., чудака и бессребренник, непрактичный, вспыльчивый и добрый. Он умер, когда его предпоследнему сыну, Сэмюэлю, было всего восемь лет. В памяти мальчика сохранился зимний вечер, когда отец назвал ему имена звезд и планет и рассказал о чудесах мироздания. «Я слушал его с восторгом и восхищением, —

вспоминал поэт, — но без малейшей примеси удивления или недоверия. Рано начав зачитываться сказками о феях и джинах, и т. п., я привык к Необъятному» (L 1, 354).

С волшебными сказками связано и другое воспоминание Кольриджа об отце. Обнаружив, что мальчик зачитывается тайком сказками «Тысяча и одной ночи» и не может заснуть от возбуждения и страха, разгневанный пастор швырнул злополучные книги в огонь. Но было уже поздно. Как вспоминает сам Кольридж в том же цикле автобиографических писем 1797—1798 гг., адресованных его другу Томасу Пулу, уже к шести годам он «стал мечтателем» (L 1, 347); оглядываясь на собственное детство с высоты своих двадцати пяти лет, он самокритически определяет свой тогдашний нрав как смесь «чувствительности, воображения, тщеславия, лени и глубокого и горького презрения почти ко всем, кто попадал в круг моих размышлений» (L 1, 348). Многие черты этого автопортрета сохранились и в дальнейшем в облике Кольриджа.

В 1782 г. будущий поэт был помещен в так называемый «Христов госпиталь» в Лондоне — благотворительное учебное заведение, где шестьсот-семьсот мальчиков, облаченных в синие куртки и желтые чулки, жили впроголодь, подчиняясь жестокой палочной дисциплине и готовясь или к службе во флоте, или к духовному званию. Кольридж принадлежал к последним. К 1785 г. относится его первая попытка взбунтоваться против предназначенной ему роли служителя церкви. Тринадцатилетний Сэмюэль обратился к учителю с просьбой отдать его в подмастерья к сапожнику, объяснив, что не верит в бога, а потому не желает быть священником. Как и следовало ожидать, сапожник, — которого Кольридж предусмотрительно при-

вел с собой, — был с позором изгнан из школы, а юный бунтовщик подвергнут примерному наказанию.

Школьные годы были для Кольриджа периодом бурного духовного развития и брожения. Он читал Вольтера и Эразма Дарвина, у которых черпал аргументы против христианства, а одновременно увлекался идеалистической философией Платона и позднейшими мистиками — Плотинем, Проклом, Ямвлихом . . . Между тем, на горизонте занималось зарево Французской революции; ее могучее воздействие сказалось в творчестве Кольриджа не только в эти ранние годы, но и в дальнейшем. В 1789 г. семнадцатилетний поэт откликнулся на события во Франции стихотворением «Разрушение Бастилии» (из которого до нас дошли первая и три последних строфы), где славил торжество «радостной Свободы» и мечтал о времени, когда все страны мира, «от полюса до полюса», сольются воедино под ее знаменем, как «одна независимая душа».

Редкие способности, разносторонняя начитанность, пылкое воображение и удивительный дар красноречия уже тогда выделяли Кольриджа среди его сверстников. Его одноклассник Чарльз Лэм (в очерке «Христов госпиталь тридцать пять лет тому назад») набросал портрет юного поэта, каким он был «на заре своей весны», в ту пору, когда «надежда вела его как огненный столп, еще не обернувшийся столпом мрака». «Логист, метафизик, бард! — бывало, помню, случайный прохожий, зашедший под наши аркады, останавливался и недвижимый, замороженный . . . восхищенно внимал тебе; а ты проникновенно и звучно излагал тайны Ямвлиха или Плотина (ибо даже в те годы ты бесстрашно упивался сим философическим питьем) или декламировал по-гречески Гомера или Пиндара, — а стены древнего

монастыря Серых Братьев отвечали своим эхо на голос вдохновенного приютского мальчика!»⁴

Школьный наставник Кольриджа, суровый доктор Бойер, не жалевший усилий, чтобы выбить из своего питомца еретический и вольнодумный дух, сумел, однако, разглядеть в его первых стихах признаки таланта и занес некоторые из них в «Золотую книгу» Христова госпиталя. В числе сохранных таким образом ранних произведений Кольриджа была «Монодия на смерть Чаттертона» (1790). В гибели Чаттертона (1752—1770), одинокой жертвы общественного равнодушия и презрения к поэзии, Кольридж пророчески угадывает прообраз собственной судьбы. В финале «Монодии» он молит о том, чтобы в час грядущих испытаний сохранить мужество и не поддаться отчаянию, подобно несчастному Чаттертону, который покончил с собой, не вынеся неравной борьбы с «Бедностью в обличье великана».

И тема «Монодии», и ее поэтическая трактовка предвещают направление будущих творческих исканий Кольриджа. Характерен психологический драматизм поэмы, воссоздающий борения противоречивых порывов в душе Чаттертона в последние часы и минуты перед смертью. Сквозь многочисленные отвлеченные аллегории — дань классицистической поэзии XVIII в. — проступает общественный смысл трагедии непризнанного юного таланта и глубокая лирическая «сопричастность» автора судьбе своего героя. Характерна и смелость, с какою Кольридж-романтик изображает смерть в ее отталкивающих, ужасных *реальных* подробностях: строка, где говорится об особом трупном

⁴ Charles Lamb. Essays of Elia. London. The Library Press, s. a., p. 31—32.

колорите тела Чаттертона («thy corpse of many a livid hue»), предвосхищает некоторые изобразительные эффекты «Сказания о Старом Мореходе».

Уже в эти ранние годы творчества ужасное обладает особой притягательной силой для Кольриджа: в сонете «К автору «Разбойников»» (1794) он выделяет как кульминационный момент трагедии вопль умирающего с голоду старика Моора. Будь он на месте Шиллера, он предпочел бы умереть, создав эту сцену, — залог своего бессмертия.

В эстетике Кольриджа уже в эту пору обнаруживаются черты сходства с эстетическими взглядами Эдмунда Берка, развитыми в его «Философском исследовании о происхождении наших представлений о возвышенном и прекрасном» (1757).

По окончании «Христового госпиталя» Кольридж поступил в качестве студента-стипендиата в Кембриджский университет для дальнейшего приготовления к должности священника. Эта перспектива, однако, по-прежнему не прельщала его. Поэзия, политика, свободные беседы на философские темы занимали его гораздо более. В конце 1793 г., наскучив университетской рутинной и запутавшись в долгах, он предпринял отчаянный шаг — завербовался рядовым в драгунский кавалерийский полк, назвавшись, ради конспирации, Сайласом Томкином Комбербэком — и очень скоро убедился в том, что совершил ошибку. Не умея ни держаться в седле, ни владеть оружием, он пользовался попустительством командиров, бесславно проводил большую часть времени в лазарете, отсиживаясь там от службы, но, впрочем, снискал расположение товарищей тем, что писал для них красноречивейшие любовные письма. Старшему брату с трудом удалось выкупить злополучного волонтера из полка и вернуть

его в Кембридж. Впрочем, скоро он снова оставил университет, не окончив курса, — и теперь уже навсегда. Его увлекали новые, смелые замыслы. Встреча с Робертом Саути (впоследствии придворным поэтом-лауреатом, а в ту пору студентом Оксфордского университета и таким же восторженным вольнодумцем, как и Кольридж) способствовала возникновению плана «Пантисократии» — идеальной общины свободных и равных тружеников, которую молодые энтузиасты предполагали основать по ту сторону Атлантики, где-нибудь на поэтических берегах Сусквеганны. . .

План «Пантисократии» был подготовлен предшествующими политическими интересами и увлечениями Кольриджа. В нем отразилось и влияние революционно-демократических «Прав человека» Пейна и «Исследования о политической справедливости» Годвина с его резкой критикой частной собственности, и желание воссоздать лучшее из опыта Французской революции, так сказать, в «чистой», экспериментальной форме, на девственной пустынной земле, где — как мечтали юные утописты — можно было бы попросту абстрагироваться от каких бы то ни было устоявшихся общественных связей.

Кольридж самозабвенно погрузился в разработку проекта «Пантисократии» (буквально: «власть всех»). «Пантисократия — о, я составлю такую программу! — писал он Саути 18 сентября 1794 г. — . . . Я выстроил мои доводы в боевом порядке — тактические достоинства математика будут сочетаться в них с энтузиазмом поэта» (L 1, 103). Все было обдуманно; был даже изобретен новый, производимый от греческого корня глагол «to aspheterize» (экспроприировать) — «нам, право же, необходимо было такое слово — вместо того, чтобы брести по извилистой, пыльной, искожен-

ной большой дороге обыденной речи, мы сокращаем путь, пересекая мягкий, зеленый нехоженный луг новшества!» (L 1, 84) — писал тому же другу Кольридж, упоенный собственным словотворчеством⁵.

Решено было, что число первых новоселов ограничится двенадцатью молодыми супружескими парами. Холостяки, мечтавшие о «Пантисократии», спешно вступали в брак. В числе их оказался и Кольридж; не без внутреннего сопротивления, почти нехотя, под сильным нажимом своего друга он женился на бристольской мещаночке Саре Фрикер⁶, сестра которой стала женой Саути. Этот неравный брак не мог быть и не был счастливым.

Для реализации плана «Пантисократии» недоставало немногого — капитала в полторы или две тысячи фунтов, который организаторы считали достаточным для начала. В поисках денег друзья пускались и в различные литературные начинания. Среди них должна быть названа ходульная, наспех сочиненная «историческая драма» в стихах «Падение Робеспьера» (1794), написанная совместно Кольриджем (акт I) и Саути (акты II и III). Эта попытка представить Термидор как залог упрочения свобод французского народа не вызвала сочувствия ни в консервативных, ни в демократических английских кругах и осталась почти незамеченной. Гораздо более значителен относящийся

⁵ Социально-утопические планы Кольриджа отразились в его стихотворениях: «Пантисократия» (1794) и «О перспективе установления пантисократии в Америке» (1794).

⁶ «Я принял пыльное увлечение схемой за привязанность, хотя минутное размышление должно было бы подсказать мне, что подобное чувство не вырастает так быстро, словно грибы — . . . но вся жизнь моя — цепь ошибок» (L 1, 132), — это горестное объяснение мотивов его помолвки с Сарой Фрикер, предшествовавшее их женитьбе, не предвещало ничего хорошего.

к тому же периоду цикл «Сонетов, посвященных видным деятелям», опубликованный в радикальной газете «Морнинг кроникл» (1794—1795). Прославляя героев прогрессивного лагеря — Пристли, Годвина, Шеридаана, Костюшко, — Кольридж в то же время выступает и как сатирик: от имени Свободы он укоряет Берка за его отступничество, а в сонете «Питт» выводит главу английского правительства в виде Иуды Искариота, который, лицемерно лобзая свою родину, обрекает ее мукам Голгофы⁷. (К той же теме Кольридж обратится и позже, — в частности, в «военной эклоге» 1798 года «Огонь, Голод и Резня», посвященной обличению антинародной политики Питта). В Бристоле он выступает с зажигательными политическими лекциями, рискуя навлечь на себя такую же расправу, жертвой которой незадолго до этого стал Пристли⁸. Наезжая в Лондон, он завязывает знакомство с видными деятелями Корреспондентских обществ — Телуолом, Холкрофтом и другими, и вместе с Годвином навещает Джозефа Джерролда, заключенного в Ньюгейтскую тюрьму по обвинению в государственной измене.

Пылкое красноречие Кольриджа было так увлекательно, что даже суховатый и сдержанный рационалист Годвин, в ту пору уже автор шумевшего «Исследо-

⁷ Из позднейших прижизненных изданий своих стихов Кольридж исключил и этот сонет, и сонет к Годвину.

⁸ «Аристократы оказывают столь яростное и упорное сопротивление, — пишет Кольридж своему другу Дайеру по поводу этих своих выступлений в феврале 1795 г., — что я начинаю опасаться, не перевешивает ли вызываемое мною зло то добро, которое я могу сделать. — Чернь и чиновники, болваны и булыжники, вестовщики и вербовщики ополчились против меня в ужасном заговоре». Помещение, где он читал свою последнюю лекцию, добавляет Кольридж, было осаждено толпой, грозившей расправиться с «проклятым якобинцем» (L 1, 152).

вания о политической справедливости», подпал под его влияние; впоследствии Годвин называл Кольриджа в числе немногих собеседников, общение с которыми способствовало его духовному росту.

Между тем, планы создания «Пантисократии» потерпели полное крушение. Это было тяжким ударом для Кольриджа, тем более что главной причиной краха оказался даже не недостаток материальных средств, а разброд в среде самих «пантисократийцев». Саути первым предложил отступить от первоначальной программы и взять с собой в Америку слуг — быть может, даже чернокожих рабов — для того, чтобы возложить на них обременительный физический труд. Кольриджу это казалось возмутительной профанацией основной идеи «Пантисократии» — так же, как и предложенный Саути компромиссный план организации совместного доходного хозяйства где-нибудь в Уэльсе. «Сердце мое увяло — и Жизнь, кажется, вызывает во мне скорее отвращение, чем боль. . .» (L I, 132), — пишет он в одном из последних писем к Саути. Настал день, когда два главных лидера «Пантисократии» перестали здороваться, встречаясь на улицах Бристоля.

События, происходившие в большом мире, не менее тревожили Кольриджа. Он по-прежнему считал себя борцом за права народа. Затеяв в 1796 г. издание еженедельника «Страж» (The Watchman; вышло десять номеров), он обещал, что «как верный СТРАЖ будет сообщать о состоянии политической атмосферы и охранять Свободу и ее друзей от нападений разбойников и убийц!!» (H 92). Под «разбойниками и убийцами», как видно из контекста той же программной статьи, подразумевались, в частности, тогдашние английские министры: Кольридж объявлял, что намерен препятствовать антидемократическому законодательству Грен-

вила и Питта и «сотрудничать с патриотическими обществами» в борьбе за всеобщее избирательное право. В программе «Стража» преобладали уже, однако, просветительские задачи. Провозглашая, что «Знание — это Сила» (Н 91), Кольридж доказывал, что утверждение «суверенитета народа» предполагает прежде всего его просвещение.

В сущности издатель «Стража» был, конечно, далек от трудового народа Англии: к нему охотнее прислушивались в кругах образованных диссидентов — купцов, фабрикантов и предпринимателей, поддерживавших вигийскую оппозицию правительству⁹ (именно в этой среде нашел Кольридж покровителей в лице братьев Веджвудов, владельцев известной фабрики фарфора, которые, начиная с 1798 г., долгое время выплачивали ему ежегодную пенсию с условием, чтобы он всецело посвятил себя литературной деятельности).

К тому же, к концу 90-х годов массовое демократическое движение в самой Англии пошло на убыль. Это было вызвано и репрессивными мерами правительства (так называемыми «законами о затыкании ртов», серией политических процессов, жестоким подавлением восстаний во флоте, разгромом Корреспондентских обществ и других радикально-демократических организаций), а также и войной, которая изъела из общественной жизни страны значительную часть наиболее активной трудящейся молодежи. Уже никто не мог ожидать в Англии,

⁹ Со своей анекдотической непрактичностью Кольридж отпугивал от себя, однако, и этих единомышленников. «Страж» сразу потерял пятьсот подписчиков после того, как в нем была напечатана статья «О всенародных постах» с эпиграфом из пророка Исайи: «Оттого внутренность моя стонет. . . как гусли». Кольридж не предвидел того, что его чувство юмора покажется многим почтенным читателям «Стража» кощунственным.

что — пользуясь недавней обнадеживающей метафорой Т. Пейна, — за первыми проблесками революционной весны скоро наступит революционное лето. Политическая атмосфера резко изменилась, — и это отразилось на настроениях Кольриджа. Вплоть до 1798 г. он продолжал осуждать военную политику Питта. Но ход событий во Франции вызывал в нем возрастающие сомнения и в ее политической правоте. Аннексия Францией части швейцарской территории и вторжение французских войск в непокорный кантон Берн (1798 г.) были для него последним, тяжким ударом. Превращение прежних революционно-освободительных войн, которые героическая Французская республика вела против феодальной коалиции, в агрессивные, захватнические войны, было воспринято им как свидетельство несправедности самой революции. В письме старшему брату Джорджу (ок. 10 марта 1798 г.) он прибегает в этом контексте к библейским образам, чрезвычайно характерным и для его философско-исторической поэзии этого периода: «Мои мысли о Французской революции я всего адекватнее могу выразить словами Писания — «большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы перед господом; но не в ветре был господь. После ветра землетрясение; но не в землетрясении господь. После землетрясения огонь; но не в огне господь. . .» (L 1, 395).

Трагическая смятенность господствует в поэзии Кольриджа этих лет, как и в его субъективном сознании. «Книга моей души неразборчива для меня самого — я заблудился в лабиринте, в непролазной чаще моей собственной груди. . .» (L 1, 63) — пишет он брату 8 февраля 1794 г.

Эта смятенность определяет патетический колорит «Оды к уходящему году» (конец 1796 г.) — одного

из самых значительных лирических произведений Кольриджа того времени. Зловещие напоминания о суетности земной славы и призрачности мирского процветания, которыми проникнута эта ода, заставляют вспомнить поэзию английского Барокко, которой Кольридж был многим обязан. Драйден с его пышностью образов и резкой сменой настроений и интонаций, от праздничного ликования к трагическому ужасу, мог быть для Кольриджа если не образцом, то во всяком случае поучительным примером. Привлекали его и «метафизические поэты»; осужденные в XVIII в. критиком-классицистом Сэмюэлем Джонсоном за свою «причудливость» и прихотливость, они еще ждали своего возрождения. Кольридж изучал их внимательно¹⁰. Занимала его и прозаическая «Анатомия меланхолии» Бертона, эта неисчерпаемая сокровищница причудливых и эксцентрических сюжетов и психологических наблюдений над странностями человеческих чувств, страстей и поступков, где многое находили для себя и другие романтики.

Связь с традицией Барокко ощущается в «Оде к уходящему году», как и во многих стихотворениях Кольриджа, и в самой поэтической форме — в частности, в вычурной причудливости и усложненности образного строя оды и в стремительности неожиданных ритмических и эмоциональных перебоев между смежными строфами.

¹⁰ В позднем четверостишии «О поэзии Донна» (1817 г.) Кольридж подшучивал над нарочитой изощренностью поэтов-«метафизиков». Муза Донна напоминает ему всадницу, скачущую верхом на дромадере. Но вместе с тем он не скрывал и своего восхищения мастерством Донна, умеющего «из кочерги вязать любовные узлы». В творческой истории «Кристебели» сам Кольридж придавал особое значение стихам другого «метафизика» XVII в. — поэта Крэшо.

Сам Кольридж в письме Пулу, предпосланном в виде предисловия «Оде», отпечатанной отдельной брошюрой, с гордостью указывал именно на эти «бурные переходы и порывы фантазии и чувства», которые считал «основными достоинствами возвышенной оды». Но, как он писал, его смущала возможность превратного истолкования «морального духа Оды» (L 1, 289).

«Ода» давала повод для этих сомнений. В ней еще бродила революционная закваска, характерная для ранней поэзии Кольриджа времен «Разрушения Бастилии». С мрачным ликованием поэта-тираноборца он живописал смерть Екатерины II — провиденциально наступившую именно тогда, когда императрица готовилась двинуть русские войска для поддержки держав коалиции против французов. Обращая свои взоры к другим континентам, он скорбел о бедствиях Африки и призывал восстать Дух Мщения, который отплатил бы за муки рабства и угнетения, доставшиеся в удел ее сынам. И наконец, оглядываясь на свой родной Альбион, он осыпал грозными обвинениями этот райски прекрасный, но отмеченный божьим гневом остров, погрязший в жадности и себялюбивой гордыне, навлекший на себя ненависть народов и обреченный неотвратимым небесным карам.

В письме-предисловии Кольридж попытался, однако, слегка смягчить зловещий тон своих апокалиптических видений. «Хотя я и пророчу кары, я ревностно молю о милостях», — писал он. Осознание себя как поэта-пророка характерно не только для этой оды Кольриджа. Образ поэта-пророка, клянущего настоящее, угадывающего будущее, «вопиющего в пустыне», но все же зывающего к своим современникам и даже потомкам, был одним из центральных в романтической поэзии вообще, а в Англии возникал в самых разных

обличиях почти у всех крупных поэтов начиная с Блейка и кончая Байроном и Шейли. У Кольриджа, однако, этот образ, представляющий собой своего рода лирический автопортрет самого стихотворца, претерпевает особую и стремительную эволюцию. В том же письме-предисловии он ссылается на опыт «древних», у которых «Бард и Пророк совмещались в одном лице». Полтора годами позже, в «Кубла Хане», Бард и Пророк окажется еще и Магом — триединство, необычайно знаменательное и для поэтики Кольриджа, с ее «колдовским», «магически»-остраненным ощущением таинственного и загадочного в обыденном и обычном, и для его представлений о задачах и возможностях поэзии.

Грозное, даже зловещее осуждение пути, по которому идет его отечество, Англия, звучит и в других стихотворениях Кольриджа, примыкающих к «Оде к уходящему году». Резкостью и обличительной силой выделяется «военная эклога» (как иронически определил Кольридж жанр своей драматической поэмы «Огонь, Голод и Резня», 1798 г.). В античных эклогах обычно воссоздавались мирные беседы пастухов. У Кольриджа собеседницами выступают три сестры — исчадия Ада: Резня, Голод и Огонь, напоминающие ведьм из шекспировского «Макбета». Со свирепым сладострастием они похваляются неопикуемыми муками, которые причинили людям, — и объявляют Питта вдохновителем своих зверств¹¹. Байрон, возможно, вспомнил эту «военную эклогу» Кольриджа, когда ввел в «Манфреда» (II, 3) эпизод встречи трех

¹¹ Его фамилия не названа, но на нее ясно намекает проходящий через всю «эклогу» зловещий рефрен: «Четверной буквой он заклеимен».

Судеб и Немезиды, которые говорят о своем жестоком вмешательстве в жизнь людей — о восстановленных престолах, возвращенных к власти узурпаторах, о черной чуме, поражающей целые народы. . .

В «рождественской сказке» «Ворон», так же, как и в «Огне, Голоде и Резне», возникает, хотя и более иносказательно, тема возмездия. В тонущем корабле, над которым, под грохот бури, со злобным карканьем носится мстительный Ворон, можно угадать Англию, хотя Кольридж и придает легкий оттенок иронической пародийности всей этой «сказке, рассказанной школьником его маленьким братьям и сестрам». Размером популярного народного «доггрела» (doggerel — своего рода раешника) были написаны саркастические «Мысли дьявола»¹². Фантастический гротеск Кольриджа здесь приобретает не зловеще-апокалиптический, а сатирический характер. Дьявол, являющийся, как добрый хозяин, *осмотреть свою ферму* — Землю, оказывается своим человеком среди английских законников и тюремщиков, министров, военачальников и святош. . .

В глазах консервативных правящих кругов Кольридж оставался опасным вольнодумцем. Его высмеивали в журнале «Антиякобинец»; за ним посчитали нужным установить тайную полицейскую слежку¹³.

¹² Ранняя «баллада» Шелли «Прогулка дьявола» (1812) непосредственно примыкает к этому стихотворению Кольриджа: она написана тем же размером и разрабатывает ту же ситуацию: дьявол осматривает свою «ферму». Некоторые строки буквально заимствованы у Кольриджа, хотя большинство сатирических намеков относится, конечно, к более поздним событиям. Байрон написал в конце 1813 г. свою «неоконченную рапсодию» «Поездка дьявола», где рамки сатиры раздвигаются, охватывая не только Англию, но и весь театр военных действий в Европе.

¹³ Слежка эта завершилась комическим финалом: приставленный к Кольриджу агент решил, что поэт раскрыл его миссию

Между тем, в его сознании шел напряженный и мучительный процесс переоценки ценностей, который с особенной очевидностью выразился в оде «Франция», первоначально опубликованной в газете «Морнинг пост» 16 апреля 1798 г. под заглавием «Отречение». Непосредственным поводом к созданию этого поэтического манифеста послужила военная агрессия Франции в Швейцарии¹⁴, уже предвещавшая длительный период захватнических наполеоновских войн. Сама история, казалось, подтачивала опоры бунтарского политического оптимизма Кольриджа. Франция после Термидора перестала быть знаменосцем свободы: она угрожала независимости других народов. Кольридж, по-своему последовательно и пылко осуждавший контрреволюционную войну против Франции, объявленную правительством Питта, теперь разделяет со своими соотечественниками боязнь вторжения французских агрессоров на берега самой Англии. В поэме «Страхи в одиночестве» он укоряет своих сограждан, напоминая им о тяжких прегрешеньях:

От запада к востоку
Стон обвинения несется к небу!
.....
Как зловонный облак,
Поднявшийся с Каирских чумных топей,

и громогласно честит его на все корки: в действительности, Кольридж рассуждал о Спинозе, чья фамилия в английском произношении показалась невежественному сыщнику похожей на слова «Шпион носатый!» (Spinoza — Spy Nosey).

¹⁴ Вторжение французских войск в Швейцарию было воспринято как тяжкий урон для дела свободы в английских передовых кругах. Революционно-демократический поэт Джеймс Монтгомери отозвался на связанные с этим события поэмой «Швейцарский скиталец» (1806), которую высоко ценил молодой Байрон.

Так мы несли далеким племенам,
Сограждане, и рабство и мученья. . .

(Перевод М. Л. Лозинского)

Но вместе с тем мысль о возможности «неприятельского вторжения» заставляет поэта с особенной трепетной нежностью ощущать свою кровную связь с родной землей, любоваться неброской, тихой прелестью поросших вереском английских холмов и зеленых долин. Природа и здесь, как и в оде «Франция», да и в большинстве произведений этого периода выдвигается на первое место в поэзии Кольриджа. В оде «Франция» она представляется единственным прибежищем Свободы. Кольридж и здесь провозглашает себя поэтом Вольности. Но после грехопадения революционной Франции, вступившей на путь деспотизма, он отказывается отныне искать воплощения своих былых вольнолюбивых мечтаний в общественной борьбе, «в персти человеческих дел». Священный дух Свободы, с горечью восклицает поэт, живет лишь в вольных стихиях природы:

Ты. . . от кощунства буйственных рабов
Летишь на белоснежных перьях,
Вожатый вольных бурь и друг морских валов!

(Перевод М. Л. Лозинского)

Позднее, в поэзии Байрона и Шелли, Гейне и Лермонтова, антитеза природы и общества приобретает иной смысл: голос морского прибоя и осеннего ветра, полет облаков, сияние горных вершин и бескрайние просторы небосвода будут *возвращать* поэта к «персти человеческих дел» и заставлять задумываться над судьбами общества, которые не могут быть неподвластны всеобщему закону движения, «изменчивости» бытия. Но этот новый синтез возникнет позже и в новых исторических условиях.

В годы разгрома массового демократического движения в Англии и торжества бонапартизма во Франции перелом во взглядах Кольриджа был типичным явлением. Разочарование в идеалах Просвещения и народоправства, казалось, еще недавно столь близких к своему воплощению в жизнь, стало знаменем времени. В известном письме к Энгельсу Маркс охарактеризовал эту тенденцию как историческую закономерность. «Первая реакция на французскую революцию и связанное с нею Просвещение, — писал он, — естественно состояла в том, чтобы видеть все в-средневековом романтическом свете. . .»¹⁵

Эта тенденция нашла классическое воплощение в лучших, наиболее значительных произведениях Кольриджа — в его «Сказании о Старом Мореходе», «Кристебели» и «Кубла Хане», образующих вершину его поэтического творчества.

Новаторство Кольриджа-стихотворца, так ярко в них проявившееся, неотделимо от той глубины, с какой в них постигнуты или угаданы новые, трагические аспекты человеческих судеб, возведенные крахом Французской революции и укреплением прозаического, меркантильного царства эгоистических буржуазных «свобод». Тема роковой разобщенности, даже «инкоммуникабельности» людей, неизбывного одиночества личности, той ужасающей «Жизни-в-Смерти» (Life-in-Death), какой для многих оборачивается существование, в значительной мере определяет философское и психологическое содержание этих поэм. Теме этой предстояло в дальнейшем пройти в разных вариантах и преображениях через мировую литературу на протяжении более полутора столетия, от Эдгара По к Бод-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 44.

леру и символистам и далее, вплоть до современного нам экзистенциализма. У Кольриджа она впервые была провозглашена с трагической силой и патетической искренностью.

К этому центральному периоду творчества Кольриджа приложимы суждения, двумя десятилетиями позже высказанные Шелли в предисловии к его поэме «Восстание Ислама» (1818). Шелли говорит здесь о мрачных и кризисных настроениях, возобладавших даже в передовой общественной мысли в конце XVIII века, «при первых же превратностях, постигших французскую свободу». «Многие из наиболее пылких и чувствительных ревнителей общественного блага, — пишет он, — потерпели моральный крах, потому что в их одностороннем восприятии прискорбный ход событий, казалось, возвещал плачевную гибель всех их заветных надежд. Вот почему уныние и мизантропия стали знаменем нашего времени, прибежищем разочарованных, бессознательно находящих облегчение в своенравном преувеличении собственного отчаяния. Эта безнадежность наложила печальный отпечаток и на литературу нашего времени»¹⁶.

Эти настроения, открыто высказавшиеся в оде «Франция», в «Сказании о Старом Мореходе» и «Кристаллы», образуют скрытый глубинный подтекст фантастических историй о былых временах и небывалых событиях.

Эти поэмы были созданы в годы ближайшего сотрудничества Кольриджа с Вильямом Вордсвортом (1770—1850). Тесная дружба этих поэтов впоследствии сменилась охлаждением, но успела составить целую

¹⁶ Шелли. Письма. Статьи. Фрагменты. М., «Наука», 1972, стр. 370.

эпоху в истории английской поэзии: ведь памятником этой дружбы был знаменитый сборник «Лирические баллады» (1798). Сборник этот, куда вошли многие лирические шедевры Вордсворта и «Сказание о Старом Мореходе» Кольриджа, был задуман и создан в 1797—1798 гг. в живописной глуши Сомерсетшира, где жили по соседству друг с другом молодые поэты. Вместе с Вордсвортом Кольридж уехал на год в Германию (1798—99), где изучал немецкий язык, германскую философию и литературу. Вслед за Вордсвортом переселился он в 1800 г. на север, в графство Камберленд, в так называемый «озерный край». (Отсюда произошло и не слишком точное обозначение «Озерной школы», к которой принято относить Вордсворта, Кольриджа, Саути и некоторых других английских романтиков¹⁷).

В четырнадцатой главе «Biographia Literaria» (см. «Дополнения») Кольридж рассказывал, как были задуманы «Лирические баллады» и как определял свои творческие задачи каждый из молодых поэтов. Оба хотели утвердить права Воображения в искусстве слова. Но, как вспоминал Кольридж, «было решено, что мои усилия будут обращены на сверхъестественные или, по крайней мере, романтические лица и характеры; но так, чтобы . . . придать этим призракам воображения человеческий интерес и правдоподобие, достаточные дабы заставить читателя добровольно поверить на мгновение в их истинность, — что и составляет поэтическую веру. Задача мистера Вордсворта, с другой стороны, заключалась в том, чтобы придать прелесть новизны обыденному и возбудить чувство, аналогичное сверхъестественному, пробудив ум от ле-

¹⁷ И Вордсворт, и Кольридж отвергали это наименование, отрицая существование таковой единой «школы».

таргии привычки и направив его внимание на красоту и удивительность окружающего нас мира».

«Редко бывала поэтическая программа так полно осуществлена», — замечает исследовательница Кольриджа Кэтлин Рейн, процитировав эти строки¹⁸. Действительно, в «Сказании о Старом Мореходе», как и в не вошедших в «Лирические баллады» «Кристабели» и «Кубла Хане», Кольриджу удалось сочетать поэтическую убедительность с самым смелым полетом воображения. «Ужасы» готического романа, подробно и добросовестно описываемые Уолполом, Анной Радклиф и М. Г. Льюисом¹⁹, оказались жалкой картонной бутафорией по сравнению с потрясающими образами этих поэм.

Примечательна беглая запись Кольриджа в его записной книжке, относящаяся к 29 ноября 1799 г.; поэт суммирует свои впечатления от хмурого, осеннего Лондона, куда он только что приехал после поездки на север. «Неподвижность всех предметов, мимо которых движется столько людей, — грубый контраст по сравнению с всеобщим движением, гармонической Системой Движений за городом и повсюду в Природе. — В этом туманном освещении Лондон показался мне словно огромным кладбищем, по которому скользили полчища Призраков» (N 1, 1592 21.322).

Эта запись проливает свет на замысел «Сказания о Старом Мореходе», а отчасти и «Кристабели». Роман-

¹⁸ *Kathleen Raine. Coleridge. London, Longmans, Green and Co., 1967, p. 25.*

¹⁹ Сам Кольридж довольно иронически относился к этому направлению в английской литературе. В рецензии на «Монаха» Льюиса (1797) он осуждал «неуклюжий вымысел», оскорбляющий естественное чувство читателя (Н. 151), а в «Biographia Literaria» посвятил несколько страниц уничтожающему разбору сенсационно-мелодраматической пьесы Мэтьюрина.

тическая критика урбанистической цивилизации доведена здесь до крайнего предела. Мир делового коммерческого города кажется мертвым, как кладбище; деятельность его обитателей — призрачной, ненастоящей, той Жизнью-в-Смерти, образ которой был едва ли не самым страшным из всех «ужасов» «Сказания о Старом Мореходе».

Полно глубокого значения для Кольриджа и преклонение перед природой как «гармонической Системой Движений». Природа для Кольриджа — поэта и философа — это не подчиняющаяся раз навсегда данным механическим законам косная «*natura naturata*» XVIII в., а животворящая «*natura naturans*», вечно подвижная, развивающаяся, создающая новые формы бытия. Таковой, во всем богатстве ее еще не познанных тайн, она предстает и в «Сказании о Старом Мореходе».

Убийство альбатроса, нарушающее гармонию этой природы, приобретает в поэме Кольриджа символическое значение. Это — акт святотатства, преступление против самого принципа Жизни. Недаром Кольридж заметил, что «Сказание о Старом Мореходе» было написано им *«место»* «Скитаний Каина»: его таинственный Мореход — фигура того же характерного для романтической поэзии ряда, что и Каин, что и Агасфер (о последнем Кольридж также помышлял создать произведение большого плана, — еще один из его неосуществленных замыслов).

В таком философско-поэтическом контексте становится понятной и кара, постигшая Морехода: своевольно нарушив великую гармонию бытия, он платится за это отчуждением от всех, себе подобных; его безысходное одиночество —

Один, один, всегда один,
Один и день и ночь!

— тем более ужасно, что на палубе своей плавучей тюрьмы-корабля он окружен людьми — но людьми-мертвецами, чьи незрячие глаза проклинают его. А вместе с тем становится понятным и глубинный смысл того переломного эпизода «Сказания», где Мореход воскресает душой, умилившись причудливой игре морских змей. Благословив эту живую тварь, он как бы восстанавливает грубо нарушенную им самим «гармоническую Систему Движений» природы. Мысль эта акцентируется напоследок в финальном напутствии Морехода его слушателю:

Молитвы сердцу мир дадут,
Когда ты любишь всякий люд
И всякое зверье
Когда ты молишься за них
За всех, и малых и больших,
И за любую плоть,
И любишь все, что сотворил
И возлюбил господь.

(Перевод В. В. Левика)

Эти назидательные строки финала в своем «прикладном» благочестии звучат, однако, некоторым художественным диссонансом по сравнению с величественной и грозной символикой всей поэмы. Сам Кольридж, по-видимому, был недоволен ими. Об этом можно догадываться по нижеследующему эпизоду, вошедшему в его «Застольные беседы». «Г-жа Барбо²⁰ сказала мне однажды, — вспоминает Кольридж, — что она в восхищении от «Старого Морехода», но что у поэмы есть два недостатка — она неправдоподобна, и в ней нет морали. Что до правдоподобия, то я при-

²⁰ Анна-Летиция Барбо (Barbauld), автор «Гимнов в прозе для детей» и других сочинений, была типичной представительницей дидактической поэзии.

знал, что на этот счет возможны сомнения; но что касается отсутствия морали, то я сказал ей, что, на мой взгляд, в поэме ее слишком много; и что единственным и главным недостатком, если я могу так выразиться, было столь открытое навязывание читателю моральной идеи как пружины или причины действия в произведении, основанном на воображении»²¹.

В «Кристаллы» и «Кубла Хане» нет уже даже и такой «рудиментарной» дидактики, как та, что проступает в финале «Старого Морехода».

Существуют многочисленные разноречивые версии предположенного плана окончания «Кристаллы» (см. «Примечания»), сообщаемые людьми, стоявшими более или менее близко к Кольриджу в разные периоды его жизни. Несовпадение этих версий, по всей вероятности, обусловлено не только недостоверностью воспоминаний свидетелей и мемуаристов, но и зыбкостью представлений самого поэта о том, как разрешить загадку, заданную им читателям «Кристаллы». Нельзя не заметить, что все варианты окончания «Кристаллы», «проясняя» запутанный сюжет и сводя его концы с концами, вместе с тем лишают поэму ее поэтичности, низводят ее до уровня банальности. Кольридж предстает в этих вариантах как своего рода подражатель Саути, охотно изображавшего в таких балладах, как «Доника» и др., посрамление козней злого духа и торжество христианского благочестия. Чарльз Лэм, с присущим ему тонким вкусом и пониманием своеобразия таланта Кольриджа, горячо отговаривал его от попыток окончания «Кристаллы» (NR 14) — и, вероятно, был прав. Поэтическое мастерство Кольриджа-романтика с наи-

²¹ S. T. Coleridge. Table Talk. London, Routledge and Sons, 1884, p. 91 (запись от 31 мая 1830 г.).

большей силой проявляется в «Кристебелли» именно в создании тревожной атмосферы еще не познанной, лишь смутно угадываемой тайны. Недаром сам Кольридж предпочел снять некоторые присутствовавшие в первоначальном тексте подробности внешних примет Джеральдины-оборотня: он предпочел предоставить свободу воображению читателей, не связывая их слишком «плоскими», грубыми деталями. Мы так и не знаем, — а возможно, так и не решил этого сам Кольридж, — была ли Джеральдина демоном-искусителем, коварным оборотнем-лаимией (женщиной-змеей или вампиром древних преданий) или грешницей, посланной к Кристебелли самим провидением, чтобы заставить ее «принять страдание» и искупить собственное прошлое, выполняя свою страшную и тяжкую миссию. . . ²²

Но Кольриджу удалось с небывалой в тогдашней европейской поэзии впечатляющей силой передать муки одиночества. Кристебель, находящаяся под властью злых чар, охваченная странным оцепенением, видит себя отверженной, отчужденной от всего мира, хотя находится под родным кровом, подле нежно любимого отца. Этой сцене, где даже отец не понимает и отталкивает свое дитя, предшествуют знаменитые строки о разорванной дружбе — бывлые друзья не сойдутся опять —

Как утесы будут они стоять
Далеко друг от друга, всю жизнь напролет,
.....
Бурное море разделяет их. .

(Перевод Г. Иванова)

²² К образу лаимии обратился, как известно, и Китс в одноименной поэме, которая кончается разоблачением оборотня-змеи, принявшей облик прелестной женщины.

Погружаясь в глубины человеческого одиночества, Кольридж исследует уже не только «норму» душевной жизни, но и сумеречные ее состояния, граничащие с иррациональными. Гипнотическое воздействие Джеральдины на Кристабель простирается так далеко, что, несмотря на свою голубиную чистоту, это кроткое создание, наперекор себе, усваивает змеиный взгляд и змеиное шипенье оборотня. В «Муках сна» (1803) Кольридж пишет о ночной «агонии» души, о чудовищных кошмарах, обступающих спящего; «бессильная воля» уже не может противиться «фантастическим страстям» (Р 389—390), странным, отталкивающим вожделениям . . .

Отчасти в этих мотивах творчества Кольриджа отразилась и его наркомания (поэт смолоду пристрастился к опиуму). Но и она сама была для него одним из способов психологического экспериментирования в неизведанных областях сознания, — хотя и подтачивала здоровье и силы поэта. Печатая фрагмент «Кубла Хана» вместе с «Муками сна», Кольридж представил его читателям также как порождение одного из своих наркотических сновидений (точность сообщенной им творческой истории этой вещи, впрочем, в настоящее время оспаривается некоторыми комментаторами — см. «Примечания»).

«Кубла Хан» — одно из самых замечательных произведений английской поэзии — вмещает в своих пятидесяти четырех строках всю квинтэссенцию романтической эстетики Кольриджа. Стремительно, драматически сменяющиеся образы, предстающие в начале фрагмента во всей своей изумительной конкретности, оказываются в конце концов, как можно догадываться по финалу, лишь предметом творческого вдохновения фантастического поэта-мага, в образ которого Кольридж проецирует самого себя.

Необычайно яркие живописные экзотические образы следуют друг за другом без логически объяснимой связи. Великолепный дворец Кубла Хана; «глубокая романтическая пропасть», на дне которой, кажется, содрогается земля, давая рождение священной реке; патетическая фигура женщины, которая в бледном свете месяца призывает к себе своего любовника-демона; зловещие голоса, раздающиеся в грохоте водопада, — голоса предков, пророчащих Кубла Хану войну; образ абиссинской девушки, играющей на дудцимере, — если бы поэт смог воспроизвести эту музыку, то он бы силою звуков смог воздвигнуть в воздухе все те чудеса, которые описаны им, — и дворец, и ледяные пещеры! И, наконец, отрывок завершается образом одинокого поэта-мага, от которого в ужасе отшатываются люди: «Берегись! Берегись его горящих глаз, его разметанных кудрей! Замкните его в тройной круг и закройте, в священном страхе, глаза — ведь он вкушал медвяную росу и млека райского испил» (Р 298).

В этой картине магического экстаза, где поэт противостоит смертным как грозный и могущественный посланец Неба, проявилось идеалистическое начало эстетики Кольриджа, согласно которой (как подробно писал он об этом впоследствии в «Biographia Literaria») индивидуальный творческий акт художника аналогичен творческому акту бога. Но этот экзальтированный восторг созидания, запечатленный в «Кубла Хане», скоротечен; и Кольриджу никогда более не удавалось воскресить его с такой силой.

Трагедия одиночества, составляющая в разных вариантах содержание «Сказания о Старом Мореходе» и «Кристаллы» и романтически «мистифицированная» в «Кубле Хане», страшна не столько внешними фантастическими подробностями, которыми она обставлена,

Самый ритм этих поэм усиливает выразительность каждого отдельного образа, каждого слова. Кольридж первым из английских романтиков ввел в «высокую» поэзию свободный, «неправильный» тонический размер, не зависящий от счета слогов и подчиняющийся лишь ритму ударений, число которых колеблется в каждой строке. Этот стих мастерски разработан в «Кристаллели». Вальтер Скотт, один из ее первых ценителей, сразу почувствовал художественные возможности этой «поразительно неправильной структуры строф, предоставляющей автору свободно варьировать звучание в зависимости от смысла»²⁴.

В «Сказании о Старом Мореходе» и в «Кубла Хане» Кольридж также достигает особой выразительности, взламывая привычные «правильные» метрические и композиционные формы. В «Сказании» четверостишия перебиваются то пятистрочными, то шестистрочными строфами; произвольно меняется иногда и число слогов в строке. В «Кубле Хане» перебой метра и ритма особенно резки, так же как и внезапные «перерывы постепенности», головокружительные броски и выражи воображения поэта.

Этот по видимости столь спонтанный, непринужденный стих тщательно выработывался и шлифовался Кольриджем. Вордсворт вспоминал о «чрезвычайной заботливости и старании, с какими он (Кольридж) отделял свою метрику. . . Когда он бывал поглощен новым экспериментом в области метра, время и труд,

²⁴ «В комической или юмористической поэзии подобная метрическая мешанина (смесь) уже использовалась Антони Холлом, Анстеем, доктором Уолкотом и другими, — писал там же Скотт; — но применительно к серьезной поэзии я впервые обнаружил ее в «Кристаллели». — *W. Scott. Op. cit.*, p. 52.

которые он на это тратил, не поддаются описанию» (Н 260).

«Каждая строка рождалась мною в муках» (L 1, 623), — пишет он, объясняя, почему не смог в обещанный срок представить издателю рукопись первой части «Кристаллы». А между тем и в этой поэме, и в других лучших произведениях Кольриджа стих поражает своей свободой, стремительностью, полным отсутствием «вымученности». Он экспериментирует и в области метрики, и в сфере лексики и образности, ища новые средства поэтической выразительности, чтобы передать и особо присущее ему как человеку переломной эпохи ощущение грандиозных катаклизмов бытия и предвкушение еще непознанных тайн, окружающих человека.

В своих суждениях он иногда настолько опережает свой век, что может показаться нашим современником. «На луне нет жизни — но, может быть, еще будет», — заносит он в свою записную книжку (N 1, 45 g 37). Рассказывая в подробном письме жене о своем путешествии по Германии, он внезапно отвлекается от «меланхолической и романтической картины» горных круч и долин, где пасутся стада, чтобы противопоставить этому «зрелище грозной Красоты — плавильную печь, где кипящий металл каждое мгновение изрыгает синие, зеленые и алые молнии, подобные змеиным языкам!» (L 1, 501). Из всех английских поэтов-романтиков разве только у Блейка можно было бы встретить в эту пору такой образ.

А вместе с тем в сознании Кольриджа живет осмысливаемое им в контексте современности наследие прошлого.

Недаром он предпосылает эпиграф из Эсхила своей наисовременнейшей «Оде к уходящему году», предваряя

скорбными стенаниями Кассандры свои тревожные и смятенные пророчества бед, ожидающих, может быть, его соотечественников. Это — не обращение к элегантным книжным реминисценциям (какие так часто играли украшающую роль в классицистической поэзии, ораторской и эпистолярной прозе XVIII в., во времена Аддисона, Попа и Честерфилда), а естественное стремление выразить в формах высокой древней трагедии трагические конфликты современной истории. Вместе с тем Кольридж усматривает достойный подражания образец в «страстном и высокометафорическом языке французских ораторов» времен революции (*L* 1, 107). Но, обращаясь в поисках вдохновения к этому столь злободневному источнику — языку сегодняшней политики, он одновременно пронизывает свой стих бесчисленными библейскими аллюзиями, образами и оборотами (не забудем, что для английского народа язык Библии был языком «великого мятежа» XVII в.).

Особенно многим, однако, Кольридж обязан фольклору и прежде всего народной балладе. По замечанию В. М. Жирмунского, «Кристабель» может рассматриваться как развернутая баллада²⁵.

Многие повествовательные приемы, характерные для английской народной баллады, ее драматизм, так же, как и выразительная «просторечная» лексика, присущи и «Старому Мореходу», и «Кристабели», и лирическим стихотворениям Кольриджа (незаконченная «Баллада о темной даме», «Любовь» и др.). Однако Кольридж слабее всего там, где он прибегает к прямой литературной стилизации: его поздняя баллада «Элис

²⁵ См. В. М. Жирмунский. Английская народная баллада. — В кн.: Английские и шотландские баллады. М., «Наука», 1973

дю Кло, или раздвоенный язык», натянутая и условная, не может выдержать сравнения с вдохновенной и гармонической «Любовью», где пылкая эмоциональность сочетается с редким у Кольриджа лукавым и нежным юмором. Незаконченная поэма «Три могилы», также нарочито стилизованная «под» народную балладу, с трудом воспринимается как произведение, возникшее одновременно с «Кристалелью» и «Кубла Ханом». Несмотря на зловещую, наэлектризованную атмосферу действия, она кажется тривиальной и даже вялой; воображение поэта, уступившего роль рассказчика старому деревенскому могильщику, как бы сковано этой предвзятой, искусственной формой утяжеленного, замедленного «сказа»: быт здесь подавляет поэзию. Обратившись в «Трех могилах» к теме, подсказанной ему Вордсвортом, Кольридж по-видимому не мог высидеть над «приземленностью» своего сюжета и конкретно-бытовых деревенских персонажей. Недаром позднее, в «Biographia Literaria» он подвергнет решительной критике слишком одностороннее и узкое, с его точки зрения, представление Вордсворта о повседневном языке крестьян как единственном истинном языке поэзии.

В своей стихотворной сатире «Английские барды и шотландские обозреватели» (1809) молодой Байрон, резко ополчившийся против поэтов «Озерной школы», вменил в вину Кольриджу два недостатка его поэзии — ее «темноту» и прозаичность некоторых его тем. Байрон высмеивал, в частности, «элегическую возвышенность» стихотворения «К юному ослу, возле которого привязана его мать» (1794), где Кольридж патетически именовал осленка своим «братом», сетовал на его горестную судьбу и обещал взять его с собой «в долину, где воцарится благородная Пантисократия» (сам Кольридж,

любопытным образом, признавался, что одна из самых красноречивых строк этого стихотворения вообще лишена смысла!).

«Кристабель» примирила Байрона с «темной» Кольриджа, хотя время не сняло принципиальных эстетических и философско-политических разногласий между этими поэтами, а скорее углубило их.

Что же касается той ложной сентиментальности в трактовке житейской прозы, какую Байрон осудил в раннем творчестве Кольриджа, то эта тенденция успешно преодолевалась самим автором «Старого морехода» и «Кристабели». Автор этих поэм позволяет себе иногда прозаизмы, поражавшие его первых читателей. Упоминание о «старой суке» сэра Леолайна в «Кристабели» привело в смятение даже близких друзей поэта, соревновавшихся в поисках более благопристойного варианта этой строки. Здесь, однако, подобные прозаизмы были частью целостной поэтической системы: точное, резкое просторечное слово и стоящий за ним образ органически входили в общий строй романтической поэмы, оттеняя таинственность и загадочность того, что происходит в обстановке предельно конкретной, осязаемой, слышной и зримой.

Лаконическая выразительность подлинной народной баллады; драматизм ее композиции, зачастую фрагментарной, выделяющей лишь опорные пункты или даже только кульминацию сюжета; ее повторы, звучащие то пророчеством, то напоминанием, — все это в лучших, наиболее самобытных произведениях Кольриджа переосмысливается и преобразуется в духе романтической поэтики.

«Поэзия доставляет наибольшее наслаждение, когда ее понимаешь лишь в общем и не вполне» (N 383 21. 37) —

это признание Кольриджа, относящееся к началу 1793 г., примечательно. Он недаром прошел через увлечение философией ассоциаций, разработанной Дэвидом Хартли. Хотя эклектическая система, построенная этим философом, пытавшимся примирить сенсуализм с религией, была вскоре отвергнута Кольриджем, мысль о значении ассоциативного мышления в познании мира определила многое в его поэтическом творчестве. Для Кольриджа-поэта слово, как и образ, необычайно многозначны; помимо их прямого, буквального смысла они на многое *намекают* воображению читателя. Характерным примером может служить начало «Кристабели», где беглые детали ночного пейзажа (начиная со зловещего крика совы), а затем — мелкие подробности, какими сопровождается вступление незнакомки — Джеральдины под кров сэра Леолайна, создают напряженную эмоциональную атмосферу, которая из странной становится постепенно страшной.

«Почему мои описания никуда не годятся? — восклицал Кольридж в письме Т. Пулу от 19 мая 1799 г., рассказывая о своих странствованиях по Германии. — Я почти готов заподозрить, что так называемые прекрасные описания обязаны производимым ими впечатлением почти исключительно очарованию слов, с которыми — и с сочетаниями которых — мы в сущности ассоциируем *чувства*, а не определенные *образы*» (L 1, 511).

Мысль эта характерна для понимания поэтического новаторства Кольриджа; его романтическая поэзия порывает с традициями описательной или нравоучительной классицистической поэзии XVIII в. Однако «магия слова», в высшей степени присущая Кольриджу, в лучших его произведениях никогда не переходит в формальную игру или пустое эстетство (этим он резко

отличается от многих позднейших продолжателей). Она обращена к людям и раскрывает мир человеческих чувств и страстей.

Кольриджу-поэту удается временами достичь той «синэстезии» — синкретического слияния музыкального, зрительного и словесного начал в поэзии, о котором мечтали многие романтики. Он смело пользуется и звукописью, и музыкальными эффектами, достигаемыми и повторами, и внезапными переборами ритма, то бурно порывистого, то замедленного, «затишающего». Тонический стих «Кристаллы» давал для этого особенно широкие возможности; но Кольридж неустанно экспериментировал и в других метрических формах²⁶, добиваясь иногда гармонии целого, рождающейся из резких диссонансов (как, например, в неожиданно сменяющихся ритмах, — а вместе с тем, и настроениях, и образах, — «Кубла Хана».)

А вместе с тем ему присущи новые для английской поэзии богатство и яркость колорита в сочетании с удивительной точностью в выборе единственно действенного цветового эпитета. Вспомним хотя бы в «Старом Мореходе» «кровавый» диск солнца на «медном» небе — свине или переливчатые краски морских змей — синих, зеленых, бархатно-черных, искрящихся золотым огнем.

«О боже, меня бесит, что я не живописец, или что живописцы — не я!» (N 1495 7.44) — восклицает Кольридж, прерывая один из тех беглых пейзажных на-

²⁶ Диапазон этих поэтических экспериментов Кольриджа очень широк. Он обращается и к размерам классической древности — к гомеровскому гекзаметру (уподобляя его в одноименном двустишии могучим волнам океана), к эгегическому размеру Овидия, к гексаксиллабам Катулла; пользуется и строгим белым пятистопным стихом, и вольными песенными размерами, и метрикой народной баллады, и грубоватым «доггредом».

бросков, романтических этюдов с натуры, которыми полны его записные книжки. А немного ниже задумывается над неосуществленной «Одой к музыке», задаваясь вопросом: «быть может, музыка, возвращая меня к простейшим чувствам, способствует нравственному возрождению?» (N 1505 7.57).

Тоска по «нравственному возрождению» звучит нарастающим лейтмотивом во многих произведениях зрелого Кольриджа, начиная со «Старого Морехода», где она разрешается примирительным финалом в фантастическом плане, и до оды «Уныние» (1802), где автор уже прямо и с потрясающей искренностью говорит об иссякании своего поэтического таланта. В самой этой оде его дарование проявляется еще во всем своем блеске. Но в дальнейшем ему все реже удается пережить мгновения творческого восторга. «Труд без надежды» (1825) — заглавие одного из его поздних стихотворений — передает настроения, владевшие им в последние десятилетия жизни.

Труды Кольриджа и в эту пору были интенсивны и многообразны: он воссоздает этапы своего творческого пути в «Biographia Literaria», подробно излагая в ней свои эстетические взгляды (а попутно выступая и против «литературного якобинства» в английском искусстве 1810-х годов, что вызвало негодование Байрона). Он углубленно занимается историей английской поэзии (в особенности Шекспиром), теорией искусства²⁷, а также и богословием, с которым хочет теперь примирить философию. Семейная жизнь его распалась.

²⁷ Эстетическим взглядам Кольриджа посвящена интересная статья венгерского исследователя проф. Н. Сенци «Воображение и верность природе. Философские основы литературной критики Кольриджа». — В кн.: «Проблемы европейского романтизма». М., «Наука», 1973.

Последние годы он проводит в доме доктора Гилмана, в окрестностях Лондона. Распавшееся здоровье и наркомания, которая подтачивала его силы, заставили его добровольно поступить под постоянный надзор врача. В одной из записей, относящихся к тому же году, что ода «Уныние», он с грустным юмором сравнил самого себя со страусом: «Я откладываю слишком много яиц (в раскаленных песках этой пустыни — общества!) с беспечностью и забывчивостью страуса. Большая часть, вероятно, оказывается растоптанной и разбитой; но немало птенцов вылупляется и живет, и другие украшают себя их перьями. . .» (N 1248 21.265).

Этот вывод был слишком безотраден. Лучшее из того, что было создано Кольриджем-поэтом, живет и поныне.

3.

Поэзия Кольриджа стала известна русским читателям еще при его жизни. По всей вероятности, известную роль здесь сыграло парадоксальным образом посредничество Байрона: И. Козлов перевел тот отрывок из «Кристаллы», из которого Байрон заимствовал эпиграф к своему стихотворению «Прощай». Этот перевод Козлова, напечатанный в «Сыне отечества» (1823), открывает историю «русского Кольриджа». В дальнейшем наибольшее внимание переводчиков привлекала к себе поэма «Сказание о Старом Мореходе». Впервые переведенная на русский язык Ф. Миллером («Библиотека для чтения», 1851), она была затем перепечатана Н. В. Гербелем в составленной им известной популярной хрестоматии «Английские поэты в биографиях и образцах» (1875). В дальнейшем ее перевели Н. Пушкарев («Свет и тени», 1878) и Аполлон Коринфский (1893). Однако автор первой русской

монографии о Кольридже, М. Жерлицын, предпочел пользоваться выдержками из английского оригинала в сочетании с подстрочником, объясняя свое обращение к «святой прозе» тем, что «стихотворные переводы Миллера, Пушкарева и Ап. Коринфского, к сожалению, не удовлетворили нас». «Какой переводчик, — писал он, — может сохранить, не изменяя содержания, музыке стихов с двойными рифмами», а также «своеобразнейшие эпитеты» Кольриджа ²⁸.

В 1919 г. в вышедшей по инициативе и под руководством А. М. Горького серии «Всемирной литературы» был опубликован новый перевод этой поэмы, выполненный Н. Гумилевым. В «Дополнениях» к настоящему изданию читатели найдут перевод Н. Гумилева, представляющий интерес для характеристики определенного этапа художественной интерпретации этого шедевра Кольриджа.

В переводах других произведений Кольриджа, возникавших еще в предоктябрьские годы начала XX в., проявлялись различные, даже противоположные тенденции. В то время, как Бальмонт интерпретировал «Кубла Хана» в духе символизма, С. Я. Маршак приходит к Кольриджу благодаря своему интересу к английской народной балладе и выбирает для перевода именно те стихотворения Кольриджа, которые особенно близки «балладной» традиции («Любовь» и «Льют»). На органическую связь романтической поэзии Кольриджа с английской народной балладой

²⁸ М. Жерлицын. Кольридж и английский романтизм. Одесса, 1914, стр. 192—193. Жерлицын ссылается и на мнение А. В. Дружинина, который в 1860-х гг сетовал на то, что творчество Кольриджа все еще «считается чем-то заповедным для чужестранца» — А В Дружинин. Собрание сочинений, т. IV. СПб., 1865, стр. 363.

обратил внимание еще в 1916 г. В. М. Жирмунский²⁹. В последние годы жизни академик В. М. Жирмунский принял самое деятельное участие в подготовке настоящего издания.

В данной книге представлены поэмы «Сказание о Старом Мореходе», «Кристабель» и фрагмент «Кубла Хана», образующие вершину его поэтического творчества, а также незаконченная поэма «Три могилы» и многочисленные лирические стихотворения, позволяющие судить о разнообразии творческих интересов Кольриджа и его эволюции. В «Дополнениях» включена глава XIV из «Biographia Literaria», излагающая историю возникновения «Лирических баллад» (задуманных Кольриджем вместе с Вордсвортом), где было опубликовано «Сказание о Старом Мореходе». В «Дополнениях» помещены также отрывки из воспоминаний о Кольридже талантливом английского очеркиста и критика Вильяма Хэзлита.

²⁹ В. М. Жирмунский. Английская народная баллада, стр. 102.

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни Кольриджа некоторые из его стихотворений печатались многократно — сначала в газетах или журналах («Морнинг пост», «Кембридж интеллидженсер» и т. д.) или даже отдельными маленькими брошюрами. Затем они включались в сборники стихов («Лирические баллады», «Листки Сивиллы» и т. д.). При этом автор часто вносил в текст различные поправки, продолжая редактировать некоторые написанные им еще в юности произведения до самой смерти.

В основу настоящей книги положено наиболее авторитетное издание стихотворений Кольриджа, подготовленное Эрнестом Хартли Кольриджем: *The Poems of Samuel Taylor Coleridge, edited by Ernest Hartley Coleridge. London, Oxford University Press, 1964.*

Сказание о Старом Мореходе *The Rime of the Ancient Mariner*

Начато в ноябре 1797 г. — окончено в марте 1798 г. Опубликовано в 1798 г. в сборнике «Лирические баллады», составленном из стихов Вордсворта и Кольриджа. Перевод В. В. Левики полностью печатается впервые.

В комментарии к поэме Кольридж писал: «Сказание о Старом Мореходе» сознательно написано в подражание стилю, равно как и духу старинных поэтов; однако автор считает, что язык поэмы был и остается одинаково понятным читателям последних трех столетий».

Готовя поэму к переизданию в 1800 г., Кольридж сильно уменьшил число архаизмов в ее языке, а также сократил более 40 строк и добавил несколько новых. Поэма теперь называлась «Старый Мореход, поэтическая фантазия», а резюме звучало так: «О том, как корабль, доплыв до экватора, был затем занесен штормами в страну вечных льдов».

у Южного полюса; как Старый Мореход с жестокостью и вопреки законам гостеприимства убил морскую птицу; и как множество странных наказаний обрушилось на него и каким образом он вернулся к себе на родину».

В издании 1817 г. Кольридж отказался от резюме, взяв эпиграфом отрывок из книги известного английского прозаика конца XVII в. Томаса Бернета (1635—1715). В окончательную редакцию 1834 г. Кольридж внес еще несколько незначительных изменений.

Об истории создания «Старого Морехода» см. XIV гл. «Литературной биографии» («Дополнения»). Вордсворт, в свою очередь, оставил следующие воспоминания: «Осенью 1797 г. перед наступлением сумерек Кольридж, моя сестра и я вышли из Алфоксдена с намерением посетить Линтон и находящуюся рядом Каменную долину; а поскольку наши общие сбережения были весьма незначительны, мы решили оплатить расходы на эту экскурсию, написав поэму. . . Во время этой прогулки мы и составили план «Старого Морехода», основанный, по словам мистера Кольриджа, на сне, который увидел его друг мистер Круикшенк *. Почти все в этой истории придумал мистер Кольридж, но некоторые детали были предложены мною, например, что должно было совершиться какое-нибудь преступление, чтобы подвергнуть Старого Морехода. . . преследованию потусторонних сил, которые карают его за это преступление и обрекают на скитания. За день или два до того я прочел в книге Шелвока, что, огибая мыс Горн, они часто видели в тех широтах альбатросов, огромных морских птиц, размах крыла которых иногда достигает 12 или 13 футов. «Может быть, — сказал я, — вы опишете, как моряк убил одну из этих птиц, приплыв в Южное море, и как духи — хранители этих мест взяли на себя бремя отомстить за преступление». Мы сочли этот эпизод вполне

* Круикшенк сообщил Кольриджу, что ему приснился корабль-призрак, на борту которого двигались чьи-то фигуры.

подходящим и включили его в план. Я также придумал сцену, где кораблем управляют мертвые матросы, но я не припомню каких-либо других добавлений к сюжету поэмы. Ни одному из нас в то время не пришла в голову мысль о глоссах, которые впоследствии появились рядом с текстом поэмы. . . Мы начали сочинять вместе в тот памятный вечер: я придумал 2 или 3 строчки в начале поэмы в частности:

Как зачарованный стоит
Пред старым моряком

. . . В то время, как мы пытались продолжить совместное сочинение (я вспоминаю все тот же вечер), стало ясно, что наши поэтические манеры столь различны, что с моей стороны было бы большой нескромностью не прекратить участие в предприятии, которому я только мешал. . . «Старый Мореход» рос и рос, пока он не стал слишком важен для нашей первоначальной цели — заработку 5 фунтов; и мы начали думать о целом томе. . .»*

Беседа с Вордсвортом, по-видимому, помогла Кольриджу окончательно продумать сюжет поэмы, слив воедино разнообразные идеи и замыслы, уже давно занимавшие его. Записные книжки Кольриджа показывают, что в то время он собирал материал для двух произведений — гимнов солнцу, луне и стихиям, а также для эпопеи в духе Мильтона о происхождении зла. Оба эти замысла соединились в «Старом Мореходе» в единое целое, как бы составив два пласта повествования — «географический», рассказывающий о плавании Старого Морехода из Атлантического в Тихий океан, и символично-фантастический, описывающий месть потусторонних сил за убийство альбатроса.

Сопоставляя записные книжки поэта с текстом «Старого Морехода», Дж. Л. Лоуэс показал, на какое огромное количество источников от путевых заметок мореплавателей до ученых записок Лон-

* The Rime of the Ancient Mariner: A Handbook, ed. by R. A. Gettmann, Wadsworth, San Francisco, 1961, p. 45—46.

донского Королевского общества Кольридж опирался при сочинении поэмы *. Большинство фактов «географического» пласта повествования и было почерпнуто в этих источниках, придавших балладе «точность отчета, составленного адмиралтейством» (LR 114)

- 13 *Горящим взором держит он...* — Эта деталь восходит к «готическому» роману М. Льюиса «Монах» (1796), где один из героев был наделен властью гипнотизировать людей. Кольридж сохранил интерес к явлениям гипноза, месмеризма до конца жизни: он проявился и в «Кристаллы», и в «Трех могилах».
- 25 *И Солнце слева поднялось...* — Этим Кольридж точно указывает направление хода корабля, двигавшегося к югу в Атлантическом океане.
- 56 *Средь близны, ослеплены...* — Джордж Шелвок в книге «Путешествие вокруг света через Южные моря» (Л., 1726) так описывал Антарктику: «Небеса были постоянно скрыты от нас мрачными угрюмыми облаками... Можно было представить себе, что ни одно живое существо не может существовать в таком суровом климате; и, действительно, мы... не увидели ни одной рыбы и ни одной птицы, за исключением безутешного альбатроса». Именно это место, очевидно, и припомнилось Вордсворту во время прогулки с Кольриджем. Последний, однако, и сам был знаком с книгой Шелвока.
- 86 *Был Альбатрос убит.* — Первая часть баллады — как и все остальные, заканчивается в самый драматический момент развития действия.
- 87 *И справа яркий Солнца диск...* — Солнце теперь поднимается справа и садится слева. С помощью этой детали Кольридж указывает, что корабль обогнул мыс Горн. Исследователи видят здесь реминисценцию из Геродота. По словам историка, финикийские моряки рассказывали, что во время

* Льюис использовал рукописный материал. С тех пор, однако, было начато издание записных книжек поэта под редакцией Катлин Кобурн: *Notebooks of Samuel Taylor Coleridge*, ed. by Kathleen Coburn. 2 vols. N. Y. Pantheon Books, 1957.

их плавание в Южных морях солнце поднималось справа, а не слева.

¹¹⁸ *Горячий медный небосклон*. . . — Здесь Кольридж, по мнению исследователей, использовал собственные воспоминания об ужасной жаре, стоявшей в Англии в 1783 г. Лоуэс цитирует следующие строки известного натуралиста Гилберта Уайта: «Лето 1783 г. было удивительным и ужасным, полным устрашающих явлений, ибо. . . своеобразная дымка, или дымный туман, окутывавший наш остров в течение многих недель. . . имел весьма необычный вид, не походя ни на что, знакомое людской памяти. . . Солнце в полдень было таким же бледным, как луна, скрытая облаками, оно бросало ржавый, красновато-коричневый свет на землю и полы комнат; но особенно зловещим и кроваво-красным оно становилось в часы восхода и заката. Все это время жара была. . . невыносимой» (LR 145—146)

¹³⁰ *И мнится, море стало гнить*. . . — Описание — рыб-слизняков Кольридж заимствовал из книги немецкого мореплавателя Ф. Мартенса «Путешествие на Шпицберген и в Гренландию» (Л., 1694).

¹³⁵ *Виясь, крутясь, кругом зажглась*. . . Лоуэс приводит следующий отрывок из книги капитана Джеймса Кука «Путешествие по Тихому океану» (т. 2. Л., 1784), ссылка на которую есть в записных книжках Кольриджа: «Во время штиля. . . отдельные участки моря казались покрытыми чем-то, вроде липкого ила; и небольшие морские животные, плавающие там. . . имели белую или блестящую окраску. . . Плавая, что они делали с равной легкостью на спине, боках или брюхе, они излучали ярчайший свет, подобный сверканию драгоценных камней. . . Иногда это были разнообразные оттенки синего света. . . Но обычно это был красивый бледно-зеленый свет с багровым отблеском; и в темноте он слегка напоминал тлеющий огонь» (LR 75). В оригинале у Кольриджа — не «лампа колдуна», а лампа ведьмы. Исследователи видят здесь реминисценцию из «Макбета». О светящейся и как бы горячей морской воде

Кольридж также читал в книге Джозефа Пристли «Оптика» (Л., 1772) в главе «Свечение гниющих тел».

- ¹⁵⁰ *И мертвый Альбатрос на мне...* — Исследователи ассоциируют эти слова с так называемой «печатью Каина», крестом, выжженным, по преданию, на челе Каина и Вечного Жида. Миф о Каине, убившем брата своего Авеля, равно как и миф об Агасфере, или Вечном Жиде, осужденном на скитания за надругательство над Христом, занимали воображение Кольриджа в момент работы над балладой. Поэт впоследствии вспоминал, что в 1798 г. он вместе с Вордсвортом приступил к сочинению «Скитаний Каина» — повести, название и сюжет которой придумал сам Кольридж. Он же написал и вторую главу повести, целиком выдержанную в традициях «готического» романа. Вордсворт обещал сочинить первую главу; но, проведя бессонную ночь и написав всего несколько строк, отказался от своего обещания. Поэтому работа над повестью была прервана. По словам Кольриджа, вся эта затея «окончилась шуткой: и вместо повести был написан «Старый Мореход» (LR 183).

Муки одиночества, испытанные Каином и Агасфером, имеют много общего с судьбой Старого Морехода, хотя у нас нет никаких оснований отождествлять этих библейских персонажей с героем Кольриджа. Можно, однако, утверждать, что Кольридж первый в английской романтической поэзии создал образ героя, отчужденного от мира и страдающего от одиночества; этот образ оказал несомненное воздействие на произведения Шелли и Байрона, и в том числе на широко известную мистерию последнего «Каин».

- ¹⁹⁵ *«Он видит только очертания корабля» (глосса).* — Речь, очевидно, идет о том самом корабле, который Круикшенк увидел во сне. Лоуэс, однако, считает, что корабль-призрак, плывущий «без руля и без ветрил», был знаком Кольриджу и ранее по многочисленным морским преданиям. То же самое относится и к злойшей команде корабля — Смерти и Жизни-и-Смерти.

- ²³³ *И месяц встал из облаков...* — Незадолго до публикации поэмы члены Королевской академии обсуждали появление света, подобного звездному, которое наблюдалось 7 марта 1794 г. в темной части луны.
- ²⁵⁴⁻²⁵⁵ *Твой мрачен взор...* — эти строки сочинены Вордсвортом.
- ³⁰⁰ *А там, за тенью корабля...* — Здесь реминисценция из Библии: «Оставляет за собой светящуюся стезю; бездна кажется сединою» (Книга Иова, 41, 24).
- ³⁷⁶ *Не души мертвых, жертвы зла...* — Эту сцену придумал Вордсворт. В качестве другого вероятного источника Лоуэс указывает на латинское послание Паулина, епископа Нолы (IV в. н. э.), где детально излагалась подобная же история (LR 256—262).
- ⁴¹³ *Висел в зените Солнца диск...* — Корабль снова достиг экватора.
- ⁵⁷⁷ *В пучине грянул гром...* — По-видимому, реминисценция из «Божественной Комедии» Данте:

От новых стран поднялся вихрь, с налета
Ударил в судно; повернул его
Три раза в быстрине водоворота;
Корма взметнулась на четвертый раз,
Нос канул книзу, как назначил Кто-то,
И море, хлынув, поглотило нас.

(Ад», 137—142. Перевод М. Л. Лозинского)

Брожу, как ночь, из края в край... — Кольридж вновь подчеркивает, что кара морехода сходна с проклятием Агасфера.

Примечание переводчика

Я считаю необходимым сопроводить несколькими словами мой перевод «Сказания о Старом Мореходе». Различные переводчики могут один и тот же оригинал передавать или воссоздавать на своем языке в различной поэтической системе, в разном ключе. Степень приближения к оригиналу зависит от индивидуальности и мастерства переводчика, но мы всегда должны стремиться передать именно

самое характерное, самое важное в оригинале, по необходимости жертвуя второстепенным.

В частности, силлабические размеры не могут быть переданы ни тоникой, ни даже силлаботоникой. Мелодия стиха получается другая, в чем легко убедиться, сравнив любое, например, французское стихотворение с самым лучшим его русским переводом. Поскольку невозможно найти по-русски ритмический адекват, мы передаем французский александриец и ямбом и анапестом, и даже (но это значительно реже) амфибрахией. Один только признак (если это классические стихи) мы сохраняем почти во всех случаях: это количество строк или слогов. Но бывают и здесь исключения. А самый выбор размера определяется не только мелодическим соответствием, но и тем, при каком размере потери в содержании стиха — в образах, мыслях, или в сходстве интонаций — будут наименьшими.

Когда мы переводим английские стихи, перед нами возникают другие трудности. Английские стихотворные размеры, как, например, и немецкие, по-русски вполне воспроизводимы. Но в английском языке процент односложных или просто коротких слов значительно больше, чем в русском. Поэтому при переводе очень ощутимы потери в содержании. Чтобы избежать этих потерь, лучший способ — увеличивать количество строк. Опять-таки мы не можем это делать при строгих формах (как, например, сонет, октава).

Другое дело — свободные формы стиха. Почему бы, ради того, чтобы сохранить побольше мыслей и образов, не прибавить несколько строк?

Для романтического стиля Кольриджа характерно непрерывное эмоциональное нагнетение. Кольридж использует для этого любые приемы: удвоение рифмы внутри строки, удвоение и даже утроение концевых рифм, для чего одна или две строки прибавляются, повторы, анафоры и т. д. Вся эта поэтическая система стремится создать ощущение свободы, нескованности никакими нормами, чему способствуют и непривычные словосочетания, не-

ожиданные метафоры. Строфа Кольриджа в данной поэме колеблется от четырех до девяти строчек.

Это и дало мне основания использовать прием наращивания строк несколько чаще, чем в оригинале. Краткость английских слов позволяла Кольриджу удваивать рифму даже при короткой четырехстопной строке, что по-русски удалось лишь в некоторых случаях, как, например:

В пустыне льда, где нет следа
Ни жизни, ни земли.

В других случаях я, чтобы дать одну-две лишних рифмы, счел возможным прибавить одну-две строки. Иногда эти добавления диктовались и нежеланием утратить образную насыщенность, но всегда они делались лишь после того, как все другие возможности были мною исчерпаны.

В. Левик

Кристабель
Christabel

Поэма была начата в 1798 г. Вторая ее часть была закончена в 1799 г. В течение многих лет Кольридж пытался завершить «Кристабель», неоднократно оповещая об этом своих друзей и знакомых, но поэма так и осталась незаконченной. В 1833 г. в «Застольных беседах» Кольридж сказал по этому поводу следующее: «Причина, почему я не закончил «Кристабель», — не в том, что я не знаю, как это сделать, — ибо у меня в голове есть и всегда был план всей поэмы от начала до конца; но я боюсь, что я не смог бы достаточно успешно воплотить этот чрезвычайно тонкий и сложный замысел» (*S. T. Coleridge. Table Talk and Omniana. Oxford University Press, 1917, p. 259*).

Перевод Георгия Иванова печатается по изданию «Кристабель», Берлин, Петрополис, 1923 г.

Первые две части поэмы стали широко известны задолго до их публикации, оказав несомненное воздействие на развитие английской романтической поэзии (Вальтер Скотт, Китс и др.). По рекомендации Байрона «Кристабель» была напеча-

тана известным издателем Джоном Мереем в 1816 г. вместе с двумя другими незавершенными поэмами Кольриджа «Кубла Ханом» и «Муками сна».

Со слов современников известны несколько вариантов сюжета ненаписанных глав поэмы. Наиболее авторитетным долгое время считался рассказ доктора Гиллмана, в доме которого Кольридж провел последние годы жизни. «Бард, повинувшись сэру Леолайну, поспешает вместе с пажом в горы; но из-за одного из наводнений, якобы, столь обычных в этих краях, они находят лишь место, где некогда стоял замок, — само здание смыто водой. Бард решает вернуться назад. Джеральдина, подобно вещим сестрам в «Макбете», узнает о случившемся и исчезает. Появившись вновь, однако, она ждет возвращения Барда, тем временем возбуждая своими хитрыми уловками весь гнев, который она может разжечь в груди Барона, равно как и ту ревность, которая столь часто мучила его. Наконец, старый Бард с юношей возвращаются, и поэтому она не может далее разыгрывать роль Джеральдины, дочери лорда Роланда де Во, и превращается в . . . жениха Кристабели». Однако Кристабель испытывает — сама не зная почему — сильное отвращение к некогда любимому ей рыцарю. «Это охлаждение очень огорчает Барона, так же, как и его дочь, не подозревающего о сверхъестественном преображении. Кристабель, наконец, уступает мольбам отца и соглашается предстать пред алтарем вместе с отвратительным ей женихом. В этот момент возвращается настоящий жених и, войдя, показывает кольцо, которое Кристабель дала ему в знак помолвки. Это разрушает козни оборотня Джеральдины, и она исчезает. Согласно предсказанию, в замке звонит колокол, слышится голос матери Кристабели, и, к вящей радости всех присутствующих, Кристабель венчается со своим суженым; за этим следует ее объяснение и примирение с отцом» (NR 43).

В XX в., однако, точность рассказа доктора Гиллмана была поставлена под сомнение. Американский исследователь Артур Незеркот, в част-

ности, указывает, что, познакомившись с Кольриджем много лет спустя после создания первых частей «Кристабели», Гиллман в своем рассказе «отразил, подобно грязному и кривому зеркалу, кое-что из ненадежных воспоминаний самого Кольриджа, все далее и далее отходившего от неукротимых восторгов юности» (NR 47). Вариант Гиллмана, по мнению Незеркота, представляет собой не что иное, как «самый банальный и скучный рассказ с привидениями», никак не объясняющий ни происхождение Джеральдины, ни ее характер, ни мотивировку ее поступков. В настоящее время известно множество попыток объяснить этот «центральный секрет» поэмы, ни одна из которых, тем не менее, не может быть признана полностью удовлетворительной. Одна из тайн немеркнущей притягательной силы «Кристабели» как раз и заключается в том, что Кольридж нигде не объясняет, кто же такая Джеральдина, лишь смутно намекая на зловеще многообразную природу ее чар.

Упомяная в предисловии «знаменитых поэтов», в подражания которым [его] могут упрекнуть», Кольридж недвусмысленно намекал на Вальтера Скотта и его «Песнь последнего менестреля» (1805). В действительности дело обстоит как раз наоборот. Скотт познакомился с текстом «Кристабели» до создания «Песни» и затем, приступив к ее сочинению, использовал многие поэтические находки Кольриджа. Влияние «Кристабели» заметно и в характеристике отдельных персонажей (старый бард, таинственная дама) и в воссоздании романтизированной атмосферы средневековья. Есть даже отдельные «разительные совпадения» строк, например, «Святая дева, ее пощади!» Поэма Скотта тоже написана свободным размером, который Кольридж применил в «Кристабели». Необходимо отметить, что этот свободный размер был новаторским, поскольку Кольридж ломал с его помощью окостеневшие традиции классицистического стиха, но он не был абсолютно оригинальным, ибо им уже пользовались ранее английские поэты XVI—XVII вв.

- 16-17 *Серая туча в небе висит, Но небосвод сквозь*
 49-50 *нее скользит; Последний красный лист, всегда*
готовый плясать туда сюда... — Исследователи
 обычно сопоставляют эти строки со следующими
 записями в дневниках Дороти Вордсворт: «В небе
 висела одна огромная туча, через которую скво-
 зил белый свет луны» (25.1. 1798) и «Один-единст-
 венный лист на верхушке дерева — единственный
 уцелевший листок — плясал туда и сюда, подобно
 лоскутку, раздуваемому ветром» (7. III. 1897).
- 130 *Должно быть, от боли леди легла...* — Согласно
 старинным поверьям, злые духи не могут причи-
 нить вреда праведнику, если он сам не впустит
 их в свой дом. Поэтому Джеральдина и притво-
 ряется, что она лишилась чувств, заставляя Кри-
 стабель перенести ее на руках через порог. Попав
 в замок, Джеральдина тут же отбрасывает всякое
 притворство и, «словно не было боли», встает.
 Затем, однако, ею снова овладевает приступ сла-
 бости, ибо она не может молиться.
- 146 *Старая сука пред своей конурой...* — Согласно
 поверью, собаки даже во сне чувствовали прибли-
 жение ведьм, колдунов и призраков.
- 160 *Вспыхнули вдруг языки огня...* — Те же предания
 утверждали, что угасающий огонь вспыхивает
 с новой силой при появлении ведьм.
- 188 *Лампа качается взад и вперед...* — Посланцев
 нечистой силы обычно прогоняли, творя распятием
 крестное знамение. Поэтому тень от раскачиваю-
 щейся лампы, которую держит ангел, и заставлял
 Джеральдину без сил опуститься на пол.
- 228-228 *Сказала она: «Кристабель, за вас Молятся*
ангелы... — Некоторые комментаторы утверждают,
 что Джеральдина искренне хочет отблагодарить
 Кристабель за ее добро. По их мнению, Джераль-
 дина — сама жертва, не способная противиться
 силам зла, во власть к которым она попала. В та-
 кой трактовке Джеральдина как бы является
 прообразом «розы ада» Кундри из «Парсифаля»
 Вагнера, прекрасной искусительницы, обреченной
 грешить против своей воли.

Другие исследователи считают, что эта сцена подтверждает толкование поэмы, предложенное сыном поэта Дервентом. Согласно его словам, страдания Кристабели должны были служить искуплением чужого греха — она претерпевает их ради своего «далекого возлюбленного»; а Джеральдина вовсе не ведьма и не оборотень или какое-либо злое существо, но дух, выполняющий возложенную на него задачу из самых лучших побуждений, о чем она сама и говорит: . . . «Кристабель, за вас молятся ангелы каждый час» . . . На наш взгляд, подобное дидактическое толкование «Кристабели» противоречит самому тексту поэмы и, в частности, прокомментированным выше сценам с участием Джеральдины.

253 *Взгляни: ее грудь, ее бока. . .* — В одном из черновиков поэмы были следующие строки: «Взгляни: ее грудь, ее бока — худы, стары, грязны». Не уточнив в окончательной редакции, что же именно увидела Кристабель, поэт тем самым усилил зловещий эффект этих строк. Рассказывают, что, когда в Швейцарии в 1816 г. Байрон прочел Шелли это место поэмы, автор «Освобожденного Прометея», вздрогнув, в сильнейшем возбуждении выбежал из комнаты. Шелли затем объяснил, что ему представилось кошмарное видение обнаженных женских грудей со зрачками вместо сосков. В тот же вечер было решено, что Байрон, его врач и секретарь Полидори и Мери Шелли сочинят по повести, где будут действовать потусторонние силы. Мери Шелли в скором времени выполнила свое обещание, написав знаменитый роман «Франкенштейн».

270 *Ты узнаешь сейчас, будешь завтра знать. . .* — Как указывают комментаторы, эти слова могут намекать на клеймо, или печать, которую, по преданию, дьявол оставляет на теле ведьмы. Незеркот предложил следующее толкование конца 1 части. Джеральдина — не что иное, как вампир, пьющий по ночам людскую кровь. Согласно легендам, вампир, насытившись кровью жертвы, буквально расцветал в глазах, в то время как его жертва худела, бледнела и затем умирала от истощения.

Джеральдина, заключив Кристабель в свои объятия, «может спокойно и сладко спать», а утром встает «еще красивей, еще милей». Кристабель же мечется и стонет «во власти ужасного сна», успокаиваясь лишь после того, как «час Джеральдины» — позади, и «свободная кровь к ее ногам приливает вновь» (NR 51—52).

Целый ряд других критиков отвергает подобное прочтение поэмы, считая его слишком буквальным. Некоторые из них (Рой Баслер (Basler, Roy R. *Sex, Symbolism and Psychology in Literature*. New Brunswick, Rutgers University Press, 1948, и др.) предлагают взамен психосексуальное истолкование этого эпизода, где Джеральдина, по их мнению, просто-напросто соблазняет Кристабель. Думается, что и такое толкование в не меньшей мере грешит односторонним буквализмом.

- ³⁴⁴ *От Уиндермира до Брета-Хэд*. — Уиндермир, Брета-Хэд и далее Ленгдель-Пик и Бородель — названия мест в так называемой стране озер на северо-востоке Англии (графства Камберленд и Уэстморленд). Описывая прогулку к водопадам и скалам Большого Ленгделя, Кольридж упоминает в записных книжках также Ведмин Скот и Донжон-гиль.
- ⁴⁰⁷ *Лорд Роланд де Во из Трайермен*. . . — Как сообщает Незеркот, Роланд де Во из Трайермена — реальное историческое лицо, жившее, по-видимому, в конце XIV в. (NR 168). Возможно, однако, что Кольридж имел в виду и какого-либо другого представителя древнего рода де Во, где имя Роланд считалось фамильным, часто переходя в наследство от отца к сыну.
- ⁴⁹³ *Через Иртинг глубокий*. . . — Река Иртинг, Хэльгарский лес и Норренские болота — географические названия, которые Кольридж мог найти в книге Уильяма Хатчинсона «История графства Камберленд и некоторых близлежащих мест» (1794—1797).
- ⁵⁴⁹ *Я увидел, что блестящая зеленая змея*. . . — Горлица и змея, приснившиеся Барду, — Кристабель и Джеральдина, невинность и чистота в объятиях греха и порока. Сходство Джеральдины со змеей

подчеркнуто и далее, где при взгляде на Кристабель «глаза Джеральдины сузились вдруг; сузились вдруг до змеиных глаз». На основании этого Незеркот пишет о сходстве Джеральдины с Ламией. Согласно греческим мифам, Ламия некогда была царицей Ливии, которую полюбил Зевс. Мстительная Гера убила всех ее детей. С горя Ламия стала отнимать детей у других матерей. В этом ей помог Зевс, который даровал ей способность менять обличье, принимая вид змеи, хищного зверя или юной девы. Впоследствии ламиями стали называть вампиров, которые под видом прекрасных девушек заманивали к себе юношей. Более того, человек, однажды укушенный вампиром, сам помимо своей воли тоже превращался в вампира. Именно поэтому, по мнению Незеркота, Кристабель и повторяет змеиный взгляд Джеральдины, «его тупой и предательский яд».

Три могилы

Отрывки из рассказа могильщика

The Three Graves

Третья и четвертая части поэмы были опубликованы в журнале «Друг» (1809) и снова в «Листках Сивиллы» (1817). Первая и вторая части, написанные, по-видимому, одновременно с третьей и четвертой в 1798 г., были напечатаны лишь в 1893 г.

Сюжет «Трех могил» Кольриджу подсказал Вордсворт. Его же влияние, очевидно, объясняет и мало характерное для Кольриджа стремление добиться в этой поэме простоты и безыскусственности языка. Однако фантазия Кольриджа радикальнейшим образом изменила первоначальный замысел, придав реальной истории из сельского быта характер зловещей романтической драмы. Подобная метаморфоза была несовместима с эстетикой Вордсворта, что и заставило его впоследствии сурово осудить поэму друга. «Я подсказал ему сюжет «Трех могил», — заявил Вордсворт в одной из частных бесед, — но он сделал его слишком ужасным и болезненным, недостаточно смяг-

чив его какой-либо целительной философией». (Н 147).

М. Л. Лозинский работал над переводом «Трех могил» с 24 ноября по 7 декабря 1919 г. Публикуется впервые.

Предисловие автора

- *Отчет Брайана Эдвардса. . . — сообщение Хирна. —* Кольридж ссылается на книги английских исследователей конца XVIII в.: *Брайан Эдвардс. Гражданская и коммерческая история британских колоний в Вест-Индии* (тт. 1 и 2. Лондон, 1793); *Сэмюел Хирн. Путешествие из форта принца Уэльского в Гудзонском заливе в Северный Ледовитый океан* (Лондон, 1795).
- ¹³ *И почему болголов. . . —* Так в рукописи Кольриджа. Начало этой строкой четверостишие не было завершено. Черновой характер рукописи точно воспроизведен в переводе М. Л. Лозинского.
- ⁵⁹ *И не. . . —* строка не закончена автором.
- ²⁸⁹ *У нас на первый день поста . . . —* Великий Пост у католиков и протестантов начинается не в понедельник после масленицы, как у православных, а на два дня позже, в Пепельную среду, называемую так вследствие обычая посыпать голову кающихся грешников пеплом при богослужении. По канонам англиканской церкви в этот день читается особая молитва, которая содержит в себе божественные предостережения и угрозы грешникам.

Кубла Хан, или Видение во сне

Фрагмент

Kubla Khan

Впервые напечатан отдельным изданием в 1816 г. вместе с «Кристабелью» и «Муками сна». Исследователи утверждают, что Кольридж ошибся, сказав в предисловии к поэме, что она была написана летом 1797 г. На самом деле Кольридж сочинил ее годом позже — в мае 1798 г. По другой версии поэма была написана в октябре 1797 г. (SP 142). Перевод К. Д. Бальмонта печатается по книге:

К. Д. Бальмонт. Из Мировой поэзии. Берлин, «Слово», 1921.

Строки, приведенные в предисловии, — отрывок из стихотворения Кольриджа «Пейзаж, или решение влюбленного» (1802).

Критик Дж. Ривз справедливо заметил, что полуизвиняющийся тон предисловия во многом объясняется непониманием и даже враждебностью, с которой друзья и близкие Кольриджа восприняли поэму. Даже такой тонкий ценитель поэзии, как Чарлз Лэм, так отозвался о «Кубла Хане» в письме к Вордсворту: «Кольридж печатает Кристабель в издательстве Меррея по рекомендации лорда Байрона вместе с поэмой, которую он называет Кубла Ханом, видением — он читает это самое видение так вдохновенно, что оно излучает свет, рождая небо и Елисейские поля в моей гостиной в то время, как он напевает или декламирует поэму, но существует примета: «Никогда не рассказывай снов», и я почти боюсь, что Кубла хан — филин, не выносящий дневного света; я опасуюсь, как бы фонарь типографии и четкая печать букв не обнаружили, что поэма всего лишь бессмыслица. . . » (The Letters of Charles and Mary Lamb, ed. by E. V. Lucas, L., 1935, v. II, p. 130).

С тех пор, однако, прошло более полутора веков, и критики уже перестали рассматривать «Кубла Хана» как хаотическое нагромождение беспорядочных образов, случайно привидевшихся наркоману. В наши дни некоторые исследователи берут под сомнение точность всего предисловия в целом, считая его позднейшей мистификацией Кольриджа. В самом деле, мог ли Кольридж взять с собой из дома на столь далекую прогулку тяжелейший том Пэрчаса, какие дела могли быть у поэта, вообще не имевшего почти никаких дел и искавшего уединения, с незнакомцем из Порлока и как тот ухитрился разыскать Кольриджа! В наиболее ранней по времени заметке на рукописи поэмы Кольридж написал, что она «была создана как бы в полузабытьи» после приема двух или трех капель опия (SP 144). Поэт ни словом не упо-

мянул ни незнакомца из Порлока, ни «глубокий сон», в который он, якобы, погрузился. Заменяя «полузабыть» заметки на «глубокий сон» в предисловии, Кольридж, по мнению критиков, изменил и суть своего рассказа — в 1816 г., подавленный творческими неудачами и отчаявшийся, Кольридж не хотел, чтобы читателям пришла в голову мысль, будто он мог сознательно (а не в «глубоком сне») сравнить себя с поэтом-пророком, «вскормленным медом» и напоенным «млеком рая». Сам же «Кубла Хан», по мнению все тех же исследователей, представляет собой, если и не полностью завершенное стихотворение, то во всяком случае относительно законченный фрагмент целого, где воссоздан романтический образ поэта-мага (*W. J. Bates, Coleridge, N. Y., 1968*).

Кубла Хан — Хан Кубла, или Хубилай (1216—1294) — самый знаменитый из потомков Чингиз-хана, основатель монгольской династии в Китае.

Предисловие автора

- «*Путешествие Пэрчасы*». — Кольридж ссылается здесь на книгу известного мореплавателя XVII в. Сэмюэля Пэрчасы «*Путешествие Пэрчасы*» (Лондон, 1617 г.). Поэт цитирует отрывок из книги по памяти, на самом деле Пэрчас написал следующее: «В Ксамду хан Хубилай выстроил величественный дворец, огородив равнину в шестнадцать миль стеною, внутри которой находились плодородные луга, чистые источники, восхитительные ручейки и всякого рода крупная и мелкая дичь, а посередине стоял роскошный чертог наслаждения, который можно было переносить с места на место». В целях благозвучия в тексте поэмы (строка 1) Кольридж заменил «Ксамду» на «Ксанаду» (в английском произношении Занаду) — в переводе Бальмонта «страна Ксанад».

Лоуэс указывает, что вышеприведенные строки из книги Пэрчасы, по-видимому, слились в сознании Кольриджа с отрывком из другой книги Пэрчасы, «*Путешественники*» (Л., 1625). Здесь Пэрчас

описал замок основателя воинствующего мусульманского ордена ассасинов Гасана Ибн-Сабба, названного в книге Аладином. В живописном оазисе, усаженном цветами и деревьями, Аладин воздвиг несколько роскошных дворцов. По специально сделанным трубам в их покоях струилось вино, молоко, мед и прозрачная вода, а прекрасные девы песнями и игрой на музыкальных инструментах услаждали слух гостей. Аладин собирал у себя самых смелых и сильных юношей и, одурманив их опиумом, переносил в эти чертоги наслаждения, где юноши проводили несколько дней, веруя, что находятся в раю. Чтобы снова испытать «млекорая», они отныне были готовы исполнить любое приказание Аладина. Фанатически преданные своему учителю, они превращались в одержимых, не боясь смерти и внушая такой ужас даже самым могущественным воинам своего времени, что впоследствии слово ассасин стало синонимом убийцы (ср. англ. и франц. языки).

^b Здесь вольный пересказ строки из «Идиллий» Феокрита: «Буду напевы и впредь вам слагать я...» (Перевод М. Е. Грабарь-Пассек). *Феокрит, Идиллии* (I, 145).

^c ... *фрагмент*. — Кольридж подразумевает стихотворение «Муки сна», печатавшееся вместе с «Кубла Ханом».

³ *Где Альф бежит, поток священный...* — Другой книгой, которую Кольридж использовал при сочинении «Кубла Хана», было «Путешествие к источнику Нила» Джеймса Бруса (Эдинбург, 1790). Здесь Брус рассказал о двух источниках в Абиссинии (отсюда, возможно, «абиссинская нежная дева» (ст. 46)), из которых рождался Нил. Один из источников был расположен на горе, между скал, и его воды с огромной силой вырывались из-под земли и неслись вниз по горным склонам. В этой картине легко узнать «внезапное течение... священного потока», описанного в первой и четвертой строфах.

Согласно преданию, Нил был одной из четырех рек, вытекавших из Эдема. Воды Нила затем скры-

вались под землей, протекали под «безжизненным океаном» и вновь рождались на свет в Абиссинии. Точно так же, если верить греческим мифам, вела себя и река Алфей, которая течет из Аркадии в Элладу и впадает в Ионическое море. Когда нимфа Аретуза, преследуемая богом Алфеем, бежала на остров Ортигию близ Сиракуз и там превратилась в источник, Алфей сделался рекой, которая, протекая под морем, соединилась с этим источником. По всей видимости, Нил и Алфей слились в сознании Кольриджа в единое целое, став Альфом, священным потоком, воспетым в поэме.

⁵³ *О горе святой Аборы, . . .* — Святая гора Абора была в черновиках горой Амарой, которую Милтон упомянул в «Потерянном Рае» как одно из возможных мест расположения райского сада (IV, 268—284).

Эолова арфа
The Eolian Harp

Опубликована в 1796 г. Перевод В. В. Рогова печатается впервые.

Эоловой арфой в то время называли музыкальный инструмент, слегка напоминавший лютню, струны которого под действием ветра издавали мелодичные звуки:

¹ *Задумчивая Сара* — жена поэта, Сара Фрикер.

Ода уходящему году
Ode to the Departing Year

Опубликована 31 декабря 1796 г. в «Кэмбридж интеллидженсер» и в то же самое время издана отдельной брошюрой. М. Л. Лозинский работал над переводом «Оды» с 23 октября 1920 г. по 31 января 1921 г. Перевод публикуется впервые.

Краткое содержание

* *Дополнительный договор. . .* — Очевидно, имеется в виду помощь, которую Екатерина II обещала по дипломатическим каналам союзу западных дер-

жав (Пруссии, Австрии и Англии) против французской республики.

- ³³ *Еще гремит то Имя. . .* — Имя свободы, провозглашенное революцией.
- ⁷⁶ *Но Семь Лампад, плывущих мимо трона, . . .* — Согласно «Откровению Иоанна Богослова» небесный трон Иисуса Христа окружен семью золотыми светильниками (1, 12—13). Мистическое число семь постоянно упоминается в Апокалипсисе — семь звезд в руке божьей, знаменитая седьмая печать и т. д.
- ⁹¹ *Глухой Синод, берущий кровью дань* — в издании 1797 и 1805 гг. «Глухой Сенат». Кольридж, очевидно, имел в виду правительство Англии.

Ворон
The Raven

Напечатан 10 марта 1798 г. в газете «Морнинг пост». К изданию 1817 г. Кольридж добавил следующее двустишие: «Но мы знаем свой долг: забывать и прощать. И всему, что от господа, жизнь даровать». На полях рукописи Кольридж написал: «Добавлено из-за трусливого страха перед ханжами! Какую пустоту — вместо истинной веры — выдает эта тревога за христианскую мораль, которая не позволяет даже ворону быть вороном, а лисе — лисой, но требует традиционного воздаяния за их нехристианское поведение, или, по крайней мере, добавления морали».

Перевод В. В. Рогова печатается впервые.

В беседке
This Lime — Tree Bower my Prison

Опубликовано в 1800 г. в «Ежегодной антологии». Перевод В. В. Рогова печатается впервые.

- ^a *Лэм, Чарлз* (1775—1834) — известный эссеист и один из самых близких друзей Кольриджа.
- ^b *Уизеринг, Вильям* (1741—1799) — английский ученый, естествоиспытатель.
- ^c *Бартрам, Вильям* (1739—1823) — американский

натуралист, изучавший жизнь птиц Северной Америки.

- 30-31 ¹ . . . борясь смиренно *Со злом, страданьем, бедствиями!* — Намек на безумие, бывшее наследственным в семье Лэма. Год назад его сестра Мери во время припадка убила их мать.

Огонь, Голод и Резня
Fire, Famine and Slaughter

Напечатано 8 января 1798 г. в «Морнинг пост». Перевод В. В. Рогова печатается впервые.

- ^a *Вандея* — место кровавых междоусобных войн республиканцев и роялистов во время Французской революции. Образы ведьм в эклоге навеяны образами «вещих сестер» из «Макбета».
- 19 *Четверкой букв он заклеял мен. . .* — Уильям Питт младший (1759—1806), английский премьер-министр, один из самых непримиримых врагов Французской революции. Правление Питта вошло в историю как время суровых репрессий против свободомыслия внутри страны. С необычайной жестокостью Питт разгромил и восстание ирландских патриотов, сражавшихся за независимость родины (1798).
- 82 *Он пекся восемь лет о вас. . .* — Питт стал премьер-министром Англии в 1783 г. Первые годы его правления отличались относительной умеренностью режима, пока события Французской революции не заставили его круто изменить политику. Именно тогда Питт и начал репрессии против свободомыслия, которые продолжались к моменту публикации поэмы уже около восьми лет.

Полуночный мороз
Frost at Midnight

Напечатан в 1798 г. Перевод М. Л. Лозинского осуществлен в 1919 г. Публикуется впервые.

- 7 *Мое дитя спит мирно в колыбели* — Беркли, сын Кольриджа, р. 1797.

Франция: ода
France: An Ode

Напечатана 16 апреля 1798 г. в «Морнинг пост». Перевод М. Л. Лозинского выполнен в декабре 1919 г. Публикуется впервые.

⁶⁵⁻⁶⁶ *Твой стон я слышу, слышу твой укор С холодных
срывов Гельветийских гор. . .* — 28 января 1798 г. французские войска под командованием генерала Менара вторглись в Швейцарию, вскоре подчинив ее своей власти.

Льютти, или Черкесская любовная песнь
Lewtl, or the Circassian Love-chaunt

Напечатана под псевдонимом Nicetas Erythraeus 13 апреля 1798 г. в «Морнинг пост». Первоначальный перевод осуществлен С. Я. Маршаком около 1915 г. Переработан, очевидно, в 1930 г. Впервые опубликован в восьмитомном собрании сочинений С. Я. Маршака (М., Гослитиздат, 1969, т. 3, стр. 617).

В одном из вариантов вместо Льютти стояло имя Мери. По-видимому, Кольридж имел в виду Мери Эванс, в которую он был влюблен до женитьбы. В предисловии Кольридж писал: «Среди образов войны и горя, среди картин резни и ужасного разорения и страха, разум может найти временное облегчение, посетив волшебные гроты муз, беседки и фонтаны, которых не достигла разрушительная сила войны и где влюбленный изливает свои жалобы или получает вознаграждение за постоянство. . .»

Страхи в одиночестве
Fears in Solitude

Опубликовано отдельной брошюрой в 1798 г. М. Л. Лозинский работал над переводом с 9 по 27 января 1920 г. Перевод публикуется впервые.

- * *Написано. . . во время угрозы неприятельского нашествия.* — В течение долгого времени до победы при Трафальгаре в 1805 г. угроза вторжения французов на английскую территорию была вполне реальной.

- ²²¹ *А вот и ты, мой милый Стоун. . .* — Невер-Стоун (графство Сомерсет) — место, где в то время жил Кольридж.

Соловей

The Nightingale

Опубликован в 1798 г. в «Лирических балладах». Перевод В. В. Рогова публикуется впервые.

- ¹³ *Звучнейшая, печальнейшая птица* — цитата из поэмы Мильтона «Il Penseroso» (Задумчивый). (ст. 62).
- ³⁹ *Филомела* — согласно греческой мифологии, афинская царевна, превращенная богами в соловья.
- ⁴⁰ *Мой друг, и ты, сестра!* — Вильям и Дороти Вордсворт.
- ⁹¹ *Мой малютка* — Хартли, сын Кольриджа (р. 1796).

Гендекасиллабы в духе Катюлла

Catullian Hendecasyllables

Опубликованы в 1834 г. в трехтомном «Собрании стихотворений» Кольриджа. Перевод В. В. Рогова печатается впервые.

Гендекасиллаба — строка, насчитывающая 11 слогов.

- ¹ *Милетская сказка* — древние греки этим именем называли небольшие народные рассказы веселого, обычно эротического содержания, родиной которых считался Милет. Аристид Милетский (II—I вв. до н. э.) придал собранию таких рассказов литературную обработку. Впоследствии римляне все подобные произведения стали называть милетскими сказками (*fabulae*).
- ⁵ *Богом стад сотворен. . .* — Богом стад считался Пан.
- ¹¹ *Киферея* — одно из имен Афродиты; *сын богини* — Эрот, бог любви.

Мысли дьявола

The Devil's Thoughts

Опубликовано 6 сентября 1799 г. в «Морнинг пост». Перевод В. В. Рогова печатается впервые.

- ¹⁶ *Авель и его брат* — Каин, убийца Авеля.

- ²⁰ В *Откровениях Иоанна* — «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть» (Откровение Иоанна, VI, 8).
- ²⁸ *Возле Древа Познания* — аллюзия на строки из «Потерянного рая» Мильтона (IV, 194—196), где поэт впервые сравнил дьявола с бакланом, сидящим у Древа Жизни.

Гимн Земле
Hymn to the Earth

Напечатан в 1834 г. Перевод В. В. Рогова печатается впервые

Фридрих Леопольд Штольберг (1750—1819) — немецкий поэт-романтик.

Гейя — в греческой мифологии богиня земли, супруга Урана, бога неба.

Любовь
Love

Опубликовано 21 декабря 1799 г. в «Морнинг пост». Перевод С. Я. Маршака осуществлен около 1915 г. Публикуется впервые по черновику.

В октябре 1799 г. Кольридж гостил в Стокбурне у Хатчинсонов, где он познакомился с Сарой Хатчинсон, будущей свояченицей Вордсворта. Чувства Кольриджа к ней нашли выражение в этом стихотворении, воспевшем высокую, романтически-рыцарственную любовь — поклонение «прекрасной даме».

Уныние: ода
Dejection: An Ode

Опубликовано 4 октября 1802 г. в «Морнинг пост». Перевод В. В. Рогова печатается впервые.

²⁵ *Любимая* — Сара Хатчинсон.

¹¹⁸ *Не Отвей ли сейчас* — Томас Отвей (1652—1685), известный английский драматург периода Реставрации.

Гимн перед восходом солнца в долине Шамони
Hymn before Sun-rise, in the Vale of Chamouni

Опубликован 11 сентября 1802 г. в «Морнинг пост» со следующим вступлением: «Шамони», одна из самых высоких горных долин в Савойских Альпах, представляет собой нечто, вроде сказочного мира, где самые дикие (я чуть не сказал ужасные) картины Природы сочетаются с нежнейшими и прекраснейшими. . . Я счел это достойным символом смелости человеческих надежд, которые как бы отваживаются подойти вплотную и воспарить над краем могилы. Поистине, сама долина, ее освещение, ее звуки должны непременно внушить любому, не абсолютно очерстневшему сердцу мысль: кто останется; кто сможет остаться безбожником в этой долине чудес!»

Перевод М. Л. Лозинского сделан 13 ноября 1920 г. Публикуется впервые.

Надпись для степного родника
Inscription for a Fountain on a Heath

Опубликована 23 сентября 1802 г. в «Морнинг пост». Перевод В. В. Рогова публикуется впервые.

Песня из «Заполья»
Song. From Zapolya

Опубликована в 1817 г. Перевод М. Л. Лозинского публикуется впервые.

Эту песню поет героиня драмы Кольриджа «Заполья» Глицина (II, 1).

Могила рыцаря
The Knight's Tomb

Опубликована в 1834 г. в «Собрании стихотворений». Перевод В. В. Рогова печатается впервые.

Кольридж прочел стихотворение одному «общему другу», который назавтра повторил его Вальтеру Скотту. Так последние три строки стихотворения попали в VIII главу «Айвенго». Вальтер Скотт

Сопроводил их следующим примечанием: «Эти строки, часть неопубликованного стихотворения Кольриджа, чья муза так часто дразнит нас фрагментами, демонстрирующими ее мощь—в то время, как способ, которым она расстается с ними, выдает ее непостоянство; и все же незавершенные наброски обнаруживают больший талант, чем законченные шедевры других поэтов».

Труд без надежды
Work without Hope

Опубликовано в 1828 г. Перевод В. В. Рогова публикуется впервые.

Элис дю Кло, или Раздвоенный язык.

Баллада

Alice du Clos; or, The Forked Tongue

Опубликовано в 1834 г. Перевод М. Л. Лозинского печатается впервые.

Раздвоенный язык. . . — сюжет баллады построен на непереваемой игре слов; по-английски «page» означает одновременно и «страницу» и «пажа». Поэтому и ответ сэра Хью лорду Джульену поддается двоякому истолкованию. «Долгий взгляд» миледи мог быть устремлен и на страницу «Метаморфоз» Овидия, и на пажа.

ДОПОЛНЕНИЯ

Поэма о Старом Моряке

The Rime of the Ancient Mariner

Перевод Н. С. Гумилева печатается по изданию: Пг., «Всемирная литература», 1919 г.

Biographia Literaria

Глава XIV

Опубликована в 1817 г.

¹ *Схолия* — объяснение, комментарий.

² *Анакреонтов Бафилл* — герой стихотворений древне-

- греческого лирика Анакреонта (ок. 570—478 гг. до н. э.), воспевшего чувственную любовь и другие радости жизни.
- ³ *Вергилийев Алексис* — герой «Буколик» (2-я эклога) римского поэта Вергилия (70—19 гг. до н. э.).
- ⁴ *Петроний Арбитр* (? — 66 г. н. э.) — римский писатель, автор романа «Сатирикон».
- ⁵ *Епископ Тейлор* (1613—1667) — автор книг «Святая жизнь» и «Святая смерть». Один из самых известных проповедников XVII в. Цветистый стиль его проповедей оказал влияние на прозу английских романтиков.
- ⁶ «*Theoria sacra*» *Бернета* — книга Томаса Бернета, в которой излагаются фантастические теории строения земли.
- ⁷ *Сэр Джон Дэвис* (1569—1626) — английский поэт эпохи Возрождения. Кольридж цитирует отрывок из его поэмы «О душе человека».

Вильям Хэзлит

Мое первое знакомство с поэтами

- Одна из самых знаменитых статей известного критика и эссеиста Вильяма Хэзлита (1778—1830). Впервые опубликована в журнале «Либерал» в апреле 1823 г. В настоящем издании статья печатается со значительными сокращениями.
- ¹ . . . *ужасное имя Демогоргона*. . . — строки из поэмы Мильтона «Потерянный Рай» (II, 364—365). Здесь Демогоргон — одно из чудовищ, окружающих трон Хаоса. Впоследствии Шелли ввел образ Демогоргона в трагедию «Освобожденный Прометей». Там Демогоргон предстал в виде духа, олицетворяющего вечность. Это дало возможность Хэзлиту, сославшись на «ужасное имя Демогоргона», посетовать на неумолимый бег времени.
- ² . . . *подобно орлу, попавшему в голубятню*. . . — строки из трагедии Шекспира «Юриолан» (V, 5).
- ³ *Благородной арфы Хоела и нежных песен Луэллина* — строки из оды знаменитого поэта-сентименталиста Томаса Грея (1716—1771) «Бард». Хоэл, или Хиэл

- (ум. в 1170 г.) и Луэллин (1360—1400) — средневековые валлийские поэты, сыгравшие видную роль в развитии национальной литературы Уэлса.
- 4 *Опять удалился на гору один.* — Евангелие от Иоанна (VI, 15).
- 5 *... вознесся подобно облаку пряных духов* — цитата из поэмы Мильтона «Комус» (I, 556).
- 6 *... взывал гласом вопиющего в пустыне.* — Евангелие от Марка (I, 3, 6).
- 7 *... как будто он никогда не состарится.* — Хэзлит, по-видимому, перефразирует здесь первую строку из 104 сонета Шекспира: «Для меня ты, прекрасный друг, никогда не состаришься».
- 8 *Так пел поэт, столь милый нам когда-то* — первая строка «Послания Роберту, графу Оксфордскому» Александра Попа.
- 9 *Как светлы дети тех лазурных далей.* — строка из «Замка Праздности» Джеймса Томсона (II, 295)
- 10 Бартоломе Эстебан Мурильо (1617—1682) и Диего де Сильва Веласкес (1599—1660) — крупнейшие испанские живописцы XVII в.
- 11 *... тучен и одышлив.* — «Гамлет» (V, 2).
- 12 *Мери Уолстонкрафт* (1759—1797) — известная писательница эпохи Просвещения.
- 13 *Макинтош* Джеймс (1765—1832) — прозаик, автор научных трудов по истории, философии, юриспруденции. *Vindicia Gallicae* («Иск Галлов», 1790) — памфлет в защиту якобинцев; Макинтош написал его в ответ на книгу Эдмунда Бэрка «Размышления о Французской революции».
- 14 *Бэрк* Эдмунд (1729—1797) — публицист и политический деятель, автор знаменитого трактата «Происхождение наших идей о возвышенном и прекрасном» (1757); в конце жизни Бэрк выступил с резкой критикой Французской революции.
- 15 *Веджвуд*, Томас — богатый фабрикант. Вместе со своим братом Джошуа он владел знаменитым фарфоровым заводом. Из филантропических соображений братья предложили Кольриджу денежное пособие, которым поэт пользовался до 1812 г.
- 16 *Годвин* Вильям (1756—1836) — известный писатель и публицист, автор трактата «Исследования о поли-

- тической справедливости» (1793) и нескольких романов, в том числе «Вещи, как они есть, или приключения Калеба Вильямса» (1794).
- 17 *Холкрофт* Томас (1745—1809) — драматург, знакомый Кольриджа.
- 18 . . . *пасти овец на Сладкой Горе*. — Крупнейший прозаик XVII в. Джон Беньян (1628—1688) в своей книге «Странствования паломника» назвал Сладкими горами цепь гор, с которой виден Божественный град.
- 19 «*Кассандра*» — Хэзлит, по-видимому, ссылается здесь на стихотворение знаменитого французского поэта эпохи Возрождения Пьера де Ронсара (1524—1585), вошедшее в цикл «Любовь к Кассандре».
- 20 *или листиков Сивиллы*. — Сивиллами в древней Греции и Риме называли странствующих прорицательниц. Согласно преданию, их предсказания записывались на пальмовых листьях и хранились в строгой тайне. Впоследствии, в 1817 г. Кольридж назвал «Листками Сивиллы» сборник своих стихотворений, часть из которых была первоначально включена в «Лирические баллады».
- 21 *Георг I* (1660—1727) и *Георг II* (1683—1760) — английские короли.
- 22 «*Бетти Фой*» (Мальчик-идиот); «Терн», «Безумная мать»; и «Жалоба покинутой индианки» — названия стихотворений Вордсворта, вошедших в «Лирические баллады».
- 23 *Ума высокомерью вопреки* — строка из поэмы крупнейшего поэта XVIII в. Александра Попа «Эссе о человеке» (289).
- 24 *Пока трепещет юный год* — строка из «Времен года» Джеймса Томсона (Весна, 293).
- 25 *О Провидении, предвидении, воле и судьбе*. . . — строки из «Потерянного рая» Мильтона (II, 557).
- 26 *Как у . . . Питера Белла*. — Питер Белл — герой одноименной поэмы Вордсворта, вошедшей в «Лирические баллады».
- 27 *Хэйдон Бенджамен* Роберт (1786—1846) — извест-

- ный художник, писавший картины на библейские и исторические сюжеты.
- 28 . . . пьесу монаха Льюиса «Призрак замка». — Имеется в виду трагедия Мэтью Льюиса (1775—1818), известного также под псевдонимом «монаха Льюиса». В историю английской литературы Льюис вошел как один из авторов «готического романа».
- 29 . . . было схоже с книгой, где можно много прочитать — строки из трагедии Шекспира «Макбет» (I, 6).
- 30 «Времена года» — поэма видного поэта-сентименталиста Джеймса Томсона (1700—1748).
- 31 Каупер Вильям (1731—1800) — известный поэт-сентименталист.
- 32 Генрих II Плантагенет (1133—1189) — английский король, сын Генриха I и внук Вильгельма Завоевателя.
- 33 Грей Томас — см. выше, прим. 3.
- 34 Юниус — анонимный автор знаменитых «Писем Юниуса» (1769—71), печатавшихся в журнале «Паблик эдвертайзер» и носивших резко антиправительственный характер. . .
- 35 Джонсон Сэмюэль (1709—1784) — писатель, критик и лексикограф, один из крупнейших представителей английского Просвещения,
- 36 Бэрк — см. выше, прим. 14.
- 37 Фокс Чарлз Джеймс (1705—1774) — видный политический деятель, принадлежавший к партии вигов.
- 38 Джереми Тейлор (1613—1667) — см. комментарий к «Литературной Биографии».
- 39 Ричардсон Сэмюэль (1689—1761) — автор романов «Памела», «Клариса Гарлоу» и др.
- 40 Филдинг Генри (1707—1754) — крупнейший романист эпохи Просвещения, автор «Джозефа Эндрюса», «Тома Джонса, найденыша» и др.
- 41 Человек, каков он есть, или каким он должен быть. — Здесь явная игра слов. Рассказывая о споре Кольриджа с Холкрофтом, автор в то же время ссылается и на заглавия двух романов писателя конца XVIII в. Роберта Бейджа (1728—1801) «Человек, каков он есть» (1792) и «Хермспронг, или человек, каким он не должен быть» (1796).
- 42 Но это тема для другой поэмы. . . — Строки из стихотворения «Прыжок оленя» Вильяма Вордсворта (95—96).

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА СЭМЮЭЛЯ ТЕЙЛОРА КОЛЬРИДЖА *

- 1772, 21 октября* — В семье приходского священника Джона Кольриджа родился младший сын, нареченный Сэмюэлем Тейлором.
- 1781* — Смерть отца Кольриджа.
- 1782—1791* — Годы учения в школе при Госпитале Христа в Лондоне.
- 1791—1793* — Годы учения в Кембридже.
- 1793, декабрь* — К. вступает в армию под именем Сайласа Томкина Камбербэка.
- 1794, апрель* — К. возвращается в Кембридж. Путешествует по Уэльсу. Планирует создание Пантисократии.
- декабрь* — К. уезжает из Кембриджа.
- 1795, январь* — К. выступает с политическими лекциями в Бристоле.
- 1796* — К. женится на Саре Фрикер.
- 1797* — Знакомство с Вордсвортом. Публикация «Стихотворений на различные темы». Рождение сына, Хартли Кольриджа.
- 1798* — Кольридж поселяется в Незер-Стоуи, в Сомерсете.
- 1799* — Публикация «Лирических баллад», составленных из стихов Вордсворта и Кольриджа. Путешествие К. в Германию.
- 1801* — К. поселяется в Кесвике неподалеку от Вордсвортов.
- 1803* — К. заболевает нервным расстройством.
- 1804—1806* — Путешествие К. и Вордсворта по Шотландии.
- 1804—1806* — К. служит секретарем сэра Александра Болла, губернатора Мальты.

* Составил А. Н. Горбунов

Примечания

- 1808 — К. возвращается в Кесвик.
1809—1810 — К. издает журнал «Друг».
1811—1812 — К. выступает в Лондоне с лекциями о Шекспире, Мильтоне и других поэтах.
- 1813 — Постановка трагедии Кольриджа «Раскаяние» в лондонском театре Друри-Лейн.
- 1814 — К. читает в Бристоле лекции о Шекспире, Мильтоне и по разнообразным политическим вопросам.
- 1816 — Публикация «Кристабели», «Кубла Хана» и «Мук сна». Кольридж поселяется в доме доктора Гиллмана в Лондоне. Публикация «Наставлений государственному деятелю, или Библии как лучшего руководства для приобретения политического опыта и предусмотрительности, светской проповеди, обращенной к высшим классам общества».
- 1817 — Публикация «Biographia Literaria», «Светской проповеди: обращения к высшим и средним классам по поводу насущных бед и недовольств» и «Листков Сивиллы», а также драмы «Заполя, рождественская сказка в 2-х частях».
- 1818, март — К. читает лекции по истории английской поэзии (от Средних веков до Возрождения).
- 1818, декабрь—
1819, март — К. читает лекции по истории философии.
- 1825 — Публикация «Заметок к размышлениям по поводу воспитания мужественного характера на основе принципов благоразумия, нравственности и религии».
- 1828 — Публикация брошюры «О положении церкви и государства».
- 1834, 25 июля — Смерть Кольриджа.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказание о Старом Мореходе (<i>В. В. Лесик</i>)	5
Кристалль (<i>Г. В. Иванов</i>)	31
Три могилы. Отрывок из рассказа могильщика (<i>М. Л. Лозинский</i>)	54
Кубла Хан, или Видение во сне. Фрагмент (<i>К. Д. Бальмонт</i>)	77
Эолова арфа (<i>В. В. Рогов</i>)	81
Ода уходящему году (<i>М. Л. Лозинский</i>)	84
Ворон. Рождественская сказка, которую школьник рассказал своим младшим братьям и сестрам (<i>В. В. Рогов</i>)	92
В беседе (<i>В. В. Рогов</i>)	94
Огонь, Голод и Резня. Военная эклога (<i>В. В. Рогов</i>)	97
Полуночный мороз (<i>М. Л. Лозинский</i>)	101
Франция: ода (<i>М. Л. Лозинский</i>)	104
Льютя, или черкесская любовная песня (<i>С. Я. Маршак</i>)	108
Страхи в одиночестве (<i>М. Л. Лозинский</i>)	111
Соловей (<i>М. Л. Лозинский</i>)	119
Гендекасиллабы в духе Катулла (<i>В. В. Рогов</i>)	123
Мысли дьявола (<i>В. В. Рогов</i>)	124
Гимн Земле. Гексаметры (<i>В. В. Рогов</i>)	128
Любовь. (<i>С. Я. Маршак</i>)	130
Уныние: ода (<i>В. В. Рогов</i>)	134
Гимн перед восходом солнца в долине Шамони (<i>М. Л. Лозинский</i>)	139
Надпись для степного родника (<i>В. В. Рогов</i>)	142

Песня из «Заполье» (М. Л. Лозинский)	143
Могилы рыцаря (В. В. Рогов)	144
Труд без надежды (В. В. Рогов)	145
Элис дю Кло, или Раздвоенный язык. Баллада (М. Л. Лозинский)	146

ДОПОЛНЕНИЯ

Поэма о Старом Моряке (Н. С. Гумилев)	155
Biographia Literaria, глава XIV (В. В. Рогов)	178
Вильям Хэзлит. Мое первое знакомство с поэтами (А. Н. Горбунов)	188

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список сокращений	202
А. Елистратова. Поэмы и лирика Кольриджа	203
Примечания. (Сост. А. Н. Горбунов)	246
Основные даты жизни и творчества Кольриджа (Сост. А. Н. Горбунов)	277

СЭМЮЕЛЬ ТЕЙЛОР КОЛЬРИДЖ

СТИХИ

Утверждено к печати редколлегией серии «Литературные памятники». Редактор издательства О. К. Логинова. Художник С. А. Данилов. Технический редактор О. М. Гуськова. Корректоры Л. С. Асапова, В. И. Рыгин. Сдано в набор 17/IV 1973 г. Подписано к печати 7/1 1974 г. Формат 70×90¹/₃₂. Усл. печ. л. 10,31. Уч.-изд. л. 12,2. Бумага типографская № 3. Тираж 4000 экз. Тип. зак. 266. Цена в обложке 71 коп., в переплете 90 коп. Издательство Наука 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21. 1-я тип. издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

1911

UNIVERSITY OF CALIFORNIA